

ЛАНДШАФТ

Ю. Г. Тютюнник

И

ЛАНДШАФТНОСТЬ

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКОЛОГИИ**

Ю.Г. Тютюнник

**ЛАНДШАФТ
И ЛАНДШАФТНОСТЬ**

Киев 2019

УДК 911 + 113
ББК 87.21
Т 98

Рецензенты:

Исаченко Григорий Анатольевич	Санкт-Петербургский государственный университет
Калуцков Владимир Николаевич	Московский государственный университет
Пащенко Владимир Михайлович	Украинское географическое общество
Свирский Яков Иосифович	Институт философии Российской академии наук

*Рекомендовано к печати Учёным советом
Института эволюционной экологии
Национальной академии наук Украины
(протокол № 12 от 20 декабря 2018 г.)*

Тютюнник Ю.Г.

Т 98 Ландшафт и ландшафтность. К.: ИЭЭ НАНУ, 2019. 124 с.

ISBN 978-966-02-8767-9

Показана целесообразность и продуктивность смыслового расширения понятия «ландшафт» до понятия «ландшафтность» (в романском варианте введено в географию М. Ронаи в 1976 г.). Ландшафтность позволяет мыслить ландшафт и те явления, которые описываются, моделируются, интерпретируются с помощью категории «ландшафт», в контекстах и аспектах, выходящих за пределы её традиционных трактовок. Это делает эпистемологию географии более глубокой и гибкой, а также позволяет методологически корректно и методически эффективно утвердить географию в ряду фундаментальных наук. Для географов, философов, экологов, историков. Может быть полезна аспирантам и студентам старших курсов указанных специальностей, а также всем тем, кто интересуется философскими проблемами естествознания и гуманитарных наук.

УДК 911 + 113
ББК 87.21

ISBN 978-966-02-8767-9

© Юлиан Тютюнник, текст 2019

© Анастасия Петраш, обложка 2019

Содержание

Введение.....	4
Изначальная смысловая ёмкость слова «ландшафт»	6
Пролиферация понятия ландшафта.....	9
Ландшафт-концепт	13
Философские «приключения» ландшафтности и проблема пространства	17
Ландшафт-функтив	23
Молекулярный и космический ландшафты	27
Размерность	33
Машина ландшафтности	40
Ландшафт как предельная множественная модель ...	46
Элементы ландшафта и элементы множества.....	46
Типологические совокупности в ландшафте.....	52
Предельная модель.....	55
Эмерджентность и гармоничность.....	58
От предельной модели к ландшафтности	62
Ландшафтоведческий экзистенциализм	67
Ландшафты антропогенные и акультурные	73
В царстве ландшафтного абсурда	79
Поп-ландшафты.....	81
Покемон-ландшафты.....	84
Интерстициальные ландшафты.....	85
Антиландшафты.....	89
Ландшафтоиды.....	93
Негативная поляризация ландшафтной сферы и деонтология ландшафтоведения	97
Выводы	102
Примечания	105
Список литературных и электронных источников	118

Введение

Ландшафт – слово из немецкого просторечия, имеющее два смысла: 1) «край», «страна», «сельская местность», 2) «феодалное сословное представительство», «государственные, земские чины», «земство». Второй смысл сегодня считается архаичным для немецкого языка, но исторически в слове он присутствовал. «Ландшафт» – слово из области богословия и экзегетики: таким оно появилось на свет в период Каролингского Возрождения. «Ландшафт» – понятие из области эстетики, живописи, архитектуры, дизайна, то есть имеет отношение к области искусства. «Ландшафт» – научная категория в «зоне действия» германских, славянских, некоторых уральских и других языков. (В романских узусах господствует слово «пейзаж», собственно «ландшафт» есть только в молдавском). Наконец, в ХХI в. «ландшафт» стали использовать в качестве философской категории. Таким образом, можно заключить, что понятие ландшафта – понятие общекультурное. В этой книге оно будет рассматриваться главным образом как категория научная, в некоторых случаях – как философская.

Как научная категория, «ландшафт» используется в науке географии и архитектуре. Иногда о «ландшафте», дабы сделать акцент на том, что слово используется именно как научная категория, говорят «географический». Существует и понятие архитектурного ландшафта. Как научная категория, «ландшафт» проникает также в смежные с географией науки – биологию, геологию, историю. Заимствуя научную категорию «ландшафт» у географии, эти науки не без пользы приносят в неё какие-то свои оттенки трактовок и нюансы.

Среди географов существует точка зрения, восходящая к работам немецких ученых 1880-1900-х годов, что их наука вообще в качестве своей основополагающей категории должна иметь именно категорию ландшафта, а не пространства, территории, региона, места, среды или ещё чего-то в этом роде. В отечественной ландшафтной географии, ещё в период её становления (первая треть ХХ в.), такое мнение разделяли академики Л.С. Берг и Б.Б. Полынов. Первый – основатель советского ландшафтоведения, второй – основоположник геохимии ландшафта. Однако превалирующей эта точка зрения не стала. Чаще всего категорию ландшафта «загоняли» в ландшафтоведение, как область физической географии, и оставляли её «господствовать» там. На Западе понятие ландшафта не редко «расширяли» до понятия *культурного ландшафта*, тем самым пролонгируя его в область культурной или гуманитарной географии, или же, как это часто

имело место во французских географических школах, приравнивали к понятию *пейзажа*.

Со временем научная категория «ландшафт» росла. Ландшафтоведение – наука очень молодая, возникла в конце XIX – начале XX века, и на всём протяжении последнего бурно развивалась. Соответственно онтологически (как «объект исследования») и гносеологически (как «предмет исследования») развивалась и категория ландшафта. Это развитие повышало как общепhilosophический, так и конкретно-методический статус категории, что на теорию науки, разумеется, действует благотворно. Но одновременно начали проявляться и негативные тенденции: более или менее строгая научная категория «ландшафт» начала размываться разнообразными общекультурными смыслами этого слова и терять чёткость (которая, нужно сказать, и так у научной категории «ландшафт» была невелика). Сообщество географов-ландшафтоведов, а вслед за ним и все специалисты, пользующиеся научным понятием ландшафта, оказались в затруднительной ситуации. С одной стороны, тенденция к смысловому росту научного понятия обещает много интересного для теории науки, открывает новые возможности для её методологии. С другой стороны, постоянное увеличение смысловой нагрузки на «ландшафт» усложняет методику научного исследования и чинит препятствия на путях коммуникации между исследователями, особенно, когда они придерживаются и без того разных исторически сформировавшихся взглядов на смысл своего основного понятия.

Когда расширение смыслов понятия «ландшафт» (если не искусственное навязывание их ему) исходит от географов-гуманитариев, падких на символ и метафору, на художественную выразительность высказывания (вместо логической убедительности), на эссесистский стиль изложения и реминисценции из области мифопоэтики, включая идеологию, ландшафтоведы, привыкшему относить себя к циклу физико-географических наук и воспитанному на дискурсе естествознания, ещё можно как-то абстрагироваться от квазипозитического антуража, которым «нагружается» понятие. Но когда понятие ландшафта проникает в теоретическую физику и химию высокомолекулярных соединений, здесь «списать» тенденцию на увлечение метафорой уже нельзя: эти науки метафорического мышления не практикуют, их дискурс строже, чем географический. Ситуация усложняется ещё больше, когда к «ландшафту», как к категории, обращается философия.

В настоящей работе делается попытка следующего «обуздания» складывающейся методической и эпистемологической ситуации в ландшафтной географии: расширить научную категорию ландшафта до понятия *ландшафтности*, сделав последнюю областью новых, нестандартных, неожиданных, может быть,

противоречивых, но актуально неизбежных, смыслов; не заменяя и не подменяя традиции использования понятия ландшафта в географической науке, прочертить континуум смыслов этого понятия от исторически устоявшихся определений до перспектив завтрашнего дня, которые могут и не мыслиться в привычном для новоевропейской науки ключе.

Понятие ландшафтности для географической науки более ново, нежели понятие ландшафта. Возникло оно чуть больше сорока лет назад, в 1976 г. в романском варианте – как *пейзажность* / фр. *paysagéité* («пейзажэйтэ»); его ввел в научный обиход, французский географ Морис Ронаи. Нельзя сказать, что понятие сразу же стало востребованным. Географическая мысль к нему подходила постепенно, шаг за шагом. Смысловое расширение географического ландшафта – это, в первом наиболее простом и грубом приближении, и есть ландшафтность. Ландшафт «обрастает» новыми оттенками смыслов, дефиниций, трактовок, сфер использования в науке, при этом, не меняясь лексически. Ландшафтность до поры до времени дискурсивно как бы «спит» в ландшафте. Но приходит час и у неё появляется эпистемологическая необходимость заявить о себе, проявиться самостоятельно. Анализом этого проявления мы ниже и займёмся. Насколько удачным или неудачным он будет – судить читателю.

Изначальная смысловая ёмкость слова «ландшафт»

Слово «ландшафт» возникло в древневерхненемецком языке (как «lantscap») в 830 году: среди географов первым на эту дату указал Йозеф Шмитхюзен (устное сообщение В.С. Преображенского автору, сделанное в 1996 году). Оно оказалось словом, выражающим весьма глубокое понятие культуры, которому было суждено закрепиться в веках и способствовать развитию наук, искусств и философии, культуры в целом.

Есть в факте рождения понятия ландшафт некая странность. Насколько молодой наукой является ландшафтоведение, настолько же молодой категорией является и «ландшафт». Он молод и как общекультурная и как общенаучная категория. Практически все основополагающие категории европейской науки, которые являются также базовыми и для культуры в целом, как то: «бесконечность» и «число» (математика); «пространство», «время» и «сила» (физика); «атом» (химия); «жизнь» (биология); «человек» (история), – в более или менее строгом виде уже существовали. Все они ведут свою родословную из античности. А «ландшафта», как такового, не было. Хотя ландшафтные догадки, идеи и реминисценции, как и полагается для фундаментальной научной категории, были; они восходили к досократикам, в частности к системе Эмпедокла Акраганского [96]. Определенные квазиландшафтные интенции

дискурсивного уровня в узусах языков разных стран и народов Европы, Ближнего Востока присутствовали. В латыни, например, есть слово «*pagūs*», от которого произошло слово «*rays*» древне-французского языка: оно дало начало «пейзажу» – романскому аналогу «ландшафта». В старом иврите было слово «ноф» (נֹף), которое сегодня принято понимать как «вид на природу», то есть «пейзаж» (в такой форме оно один раз встречается в Торе). Но «ландшафта», как «категориального» термина, не было.

Во всех языках существуют «бытовые», не категориальные, аналоги «ландшафта»; в некоторых даже несколько. Например, в украинском аутентичных слов, обозначающих «общий вид» или что-то вроде этого, целых три: «краєвид», «виднокрай», «видноколо»; в литовском имеем «*kraštovaizdis*», «*gamatovaizdis*» и «*veitovaizdis*», где «*vaizdis*» – вид; «*veit-*» – корень слов «*vietovė*» / урочище, «*vietovė*» / местность, «*vieta*» / страна; «*krašt-*» – корень слова «*krāštas*» / край; «*gam-*» – корень слова «*gamta*» / природа.

Что касается «бытовых» аналогов и предшественников слова «ландшафт», то изучая их в языках Европы, учёные обнаружили один любопытный лингвистический факт: с понятием ландшафта очень древнюю и устойчивую связь имеет фонетическая группа «-ла». Известный российский культур-географ В.Н. Калущков красочно показал это на примере анализа одного северорусского заговора. Разбирая происхождение северорусских топонимов «Верко-ла», «Лаве-ла», «Чако-ла», он заметил, что в угро-финских языках «ла» – это слово, обозначающее место или местность. Но перекочевав в говоры Русского Севера, оно стало именем некоей бабы – «бабы Ла». Согласно сказаниям северных краев, эта женщина в свое время выполняла функции пограничника и межевателя земель: «Была баба Ла. – Пересказывает былинку исследователь. – Она была чужь. Чудь, значит. <...> Она место приметно поставила, сказала: «Я там кол забила. Верь колу! Плати колу! Я приду – проверю. Граница!»» [44, с. 235]. Из приказа «верь колу!» при трансформации «у» в «а» и выпадении «ь», легко получается «вер(ь)/кола[у→а]». При этом можно видеть, как фонема «-ла» просто икриться смыслами: это и место, и имя человека, и основа топонима, и обозначение границы, и даже момент веры: колу, столбящему «место-ла», следует верить. Попутно заметим, что до фонемы «-ла» легко добавляются «-н», «-нт», «-нд», «-д». А звук «а» может трансформироваться в «йа» («я») или «йэ» («е»).

Более глубокие исследования индоевропейских и некоторых угро-финских языков показали, что в них существуют аутентичные (не заимствованные) слова, образованные в результате вариаций и трансформаций древнейших звуковых групп, обозначающих места, которые заселяли и обрабатывали наши общие предки. В частности, Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов [15] считают, что это такие фонемы как ***anH** и ***ueL**. Другой известный филолог В.Н.

Топоров указывает ещё и на фонему ***lendh** [95]. В дальнейшем эти (и, возможно, какие-то ещё) фонемы легли в основу слов, обозначающих в большинстве случаев «ровную местность, освобожденную от леса». В украинском языке имеем слово «лан», в белорусом – «лядо», в русском – диалектизм «ляд́а́». (Обзор остальных слов, образованных на основе древнейших индоевропейских фонем ***anH**, ***ueL**, ***lendh**, читатель найдет в нашей работе [97], либо же самостоятельно порывшись в соответствующих словарях).

В топографическом отношении слова с ***anH**, ***ueL**, ***lendh** в основе могли обозначать как гористую местность (древнеболг. «леди́на»), так и низину, понижение в рельефе (финск. «**lansi**»). Однако в любом случае территории, ими маркируемые, были либо тем или иным образом освоены хозяйством, либо заброшенными после предыдущего такого освоения (в частности, после утери почвой плодородия в подсечно-огневых системах земледелия). Вообще смысловые оттенки «ланов-ледин-ландов» были очень многочисленными. Соответствующие слова в разных индоевропейских и угро-финских языках наполнялись и топографическим, и физико-географическим, и экономическим, и экзистенциальным и даже мистическим смыслом (подробнее об этом – в указанной выше работе). Последствия подобной полисемии были далеко идущими: она закладывала тот громадный потенциал внутреннего, скрытого, пружинящего смыслового богатства, которое свойственно современному слову «ландшафт».

Однако общеευропейскими «лан(т)ами» и «лядами» дело не ограничилось. В «ландшафте» есть вторая, не менее полисемическая, но уже сугубо германская, составляющая – «шафт» («-**schaft**»). Сегодня о ней говорят как о суффиксе, но в первоначальном варианте – в древневерхненемецком языке она, звучавшая как «скаф» («**scaf**»), была не только суффиксом, но и самостоятельным словом. Как суффикс, «**scaf**» выполнял функцию объединения и обобщения разнообразной предметности в некие типологические (родовые) единства и целостности (ландшафтоведы очень любят подчеркивать эту функцию современного «**schaft'a**»). А как самостоятельное слово, д.в.-н. «**scaf**» обозначал форму, план, порядок, состояние и даже отношения между людьми [97].

В 830 году монахи из Фульдского монастыря (земля Гессен, Германия), переводя с латыни на древневерхненемецкий язык текст сирийского богослова Татиана «Евангелическая гармония» соединили д.в.-н. слова «**lant**» и «**scaf**», тем самым обогатив общечеловеческую культуру уникальным термином и понятием «ландшафт». Изобретение фульдских монахов – д.в.-н. *lantscaf* – соединило в себе весь полисемический потенциал общеευропейского «ланта» и давнего германского «скафа» и в

результате (синергетический эффект?) оказалось столь богатым смыслами, оттенками, вариациями и формами смыслов, что аналога ему в человеческой культуре попросту не нашлось: ни национальные «бытовые аналоги», ни зарождавшийся к тому времени французский «пейзаж», ни древние латинские, иудейские, арамейские или греческие квазиландшафтные слова вновь рожденному понятию культуры конкуренции не составили¹. Немецкий «ландшафт», калькировавшись многими-многими языками, вошел в их узусы и прочно там закрепился. Он начал жить своей собственной категориальной жизнью, столетие за столетием, в зависимости от запросов той или иной исторической ситуации, раскрываясь сторонами своих явных и неявных пружинающих потенций и имманентностей смысла.

Вскоре после своего рождения «ландшафт» переключался в разговорный немецкий язык с тривиальными значениями «край», «сельская местность», «область». Потом у него появилась административно-политическая трактовка (см. выше). Во времена Возрождения – в 1521 г. – Альбрехт Дюрер актуализировал сокрытый в слове эстетический смысл: «ландшафт» стал «пейзажем». В начале XIX в. на термин «положила глаз» немецкая, позже – российская географическая наука, ассимилировали его, и к концу XIX – началу XX в. превратили в более или менее строгую научную категорию. Сегодня стало ясным, что процесс смысловоразвёртывания «ландшафта» не исчерпан. Слово продолжает раскрываться новыми смысловыми гранями, или, как говорят философы науки, происходит пролиферация.

Пролиферация понятия ландшафта

Понятие пролиферации в научную методологию ввел Пол Фейерабенд. Под таковой философ понимал своеобразное «размножение» интерпретаций идей, значений и трактовок понятий, смыслов научных терминов и сфер употребления устоявшихся выражений научного дискурса. При пролиферации старые значения терминов и понятий могут конкурировать с новыми, могут «уходить в сторону», могут искажаться по смыслу и дополняться нюансами оного. В общем, пролиферация – это творческий, поисковый прием научного метода, ничего плохого в нем нет, наоборот она полезна для развития науки [102]. Больше всего склонность к пролиферации имеют, по-видимому, фундаментальные научные понятия. Казалось бы, это парадоксально, ведь фундаментальное понятие – на то и фундаментальное (от слова «фундамент»), чтобы на нем основывался весь «верхний» аппарат системы того или иного научного знания. «Поплывет» фундамент – и на верхних гносеологических этажах начнется неразбериха. Да, это так. Но, с другой стороны, фундамент в общем случае невозможно точно

локализовать в окружающем его грунте, его невозможно фундировать на более глубоком фундаменте: ниже кроме грунта и горной породы ничего нет. Вот и получается, что то, что основывается на фундаменте, изменить труднее, чем сам фундамент, ниже которого – интуиция, «голая» эмпирика и опыт, опыт, опыт... Однажды в биологической литературе я встретил афоризм, «определяющий» фундаментальную категорию биологии «вид» как «то, что считает таковым хороший систематик» [66]. А поскольку хороших систематиков в биологии достаточно много, то и адекватных понятий вида будет не один десяток. Правда, автор сентенции тут же задался вопросом: «А какой систематик – хороший?». Но ответ на такой вопрос – вне актуальных оценок научного сообщества: качество систематика растений и животных, как и любого другого специалиста в той или иной научной области, проверяется только временем. Карл фон Линней (1707-1787) ведь до сих пор – хороший систематик...

Особо податливы для пролиферации лабильные по смыслу фундаментальные понятия, и «ландшафт» здесь занимает одно из лидирующих мест. Внутренние – этимологические, лингвистические, семантические, эпистемологические причины, «толкающие» понятие ландшафта на путь устойчивой и широкой пролиферации, сегодня дополняются внешними – рожденными особенностями той исторической и гносеологической обстановки, в которой все мы сейчас все пребываем. Она известна как состояние *постмодерна*. Мы не будем останавливаться на детальной характеристике относительно нового, но уже изрядно поднадоевшего понятия постмодерна, оно сегодня широко обсуждается в научной и философской литературе и работ по этому вопросу – море. Для продолжения наших дальнейших рассуждений о ландшафте и ландшафтности наиболее важными будут следующие моменты, характеризующие ситуацию постмодерна.

1. Исторически ситуация постмодерна пришла на смену ситуации модерна, который суть – завершающая фаза той эпохи, которую мы понимаем вслед за М. Хайдеггером, как время е в р о - п е й с к о г о н и г и л и з м а [105]. Или другими словами – это постпросвещенческая ситуация, то есть состояние культуры, наступившее после эпохи Просвещения с её идеей Прогресса и сциентистской мифопоэтикой НТР (научно-технической революции). Этот момент важен тем, что освобождает нас от необходимости строгого следования правилам новоевропейского мышления. Упомянувший выше П. Фейерабенд кратко и ёмко, хотя и несколько эпатажно, определил это освобождение как «прощание с разумом» (имея в виду «ноевропейский разум») [103]. Свобода от новоевропейских трактовок и принципов в разных областях науки, особенно в истории, очень важна для выработки новых способов бытия человека в ландшафте, и подразумевает наполнение

понятия последнего неординарными смыслами, которые в рамках 350-летней традиции новоевропейской науки гносеологически и методически попросту невозможны.

2. Важнейшим моментом ситуации постмодерна, вытекающим из п.1, является то, что в философии называется крушением гранднарративов, или Великих Рассказов. Несколько утрируя, можно сказать, что в области науки это – освобождение от методологического насилия (выражение Фейерабенда). В частности, ландшафтная география XX века в разных странах и в разные периоды клала в основу своей методологии позитивизм, диалектический и исторический материализм, структурализм, феноменологию, психоанализ или какой-то иной философский Великий Рассказ. Затем апологеты одной школы «сцеплялись» в интеллектуальной схватке со сторонниками иной интеллектуальной ориентации. В таких схватках порой рождались блистательные идеи, но в целом расхождение на интеллектуальные ристалища энергии было явно избыточным. А в отдельных исторических ситуациях (например, в СССР с середины 1930-х до начала 1950-х годов) происходил «зашкал» методологических дискуссий в область политики с последующими «оргвыводами», что на развитии научного знания и на судьбах ученых сказывалось печально. Теперь этого нет, все Великие Рассказы уравнены в исторических правах и перестали быть Великими (а если ещё и претендуют на подобную роль, то не более чем в статусе тривиальной демагогии). Процесс же пролиферации идей и понятий стал важной составляющей сформировавшегося или формирующегося методологического равновесия.

3. Ситуация постмодерна онтологически и гносеологически избыточна. В такой форме она называется *гипермодерном*. Французский антрополог Марк Оже выделяет три формы подобной избыточности: избыточность событий, избыток пространственности и избыточность индивидуальных антропологических рефлексий. Вторая разновидность избыточности, очевидно, имеет отношение к географии, проявляясь, в частности, в избыточности географических образов ландшафта. Мало того, согласно Оже, “гипермодерн <...> естественным образом находит своё завершённое воплощение в *не-местах* (курсив мой – Т.Ю.)” [74, с. 118]. В ландшафтоведении понятия места и ландшафта сопряжены, порою даже чересчур – ландшафт «выводится» из места. Очевидно, будут с ландшафтом сопряжены и не-места – но уже по иному, чем места. Как именно – на этом остановимся ниже.

Состояние постмодерна имеет ещё целый ряд важных для нас свойств, однако пока ограничимся тремя названными, поскольку именно они в наибольшей мере «ответственны» за формирование внешних – исторических – условий для пролиферации понятия ландшафта.

Впрочем, первые попытки расширения смысла «ландшафта», как научной категории, прослеживаются задолго до наступления времени постмодерна. Самым, вероятно, известным среди географов примером является «экономический ландшафт». Это понятие было употреблено немецким географом Августом Лёшем в середине XX века. Правда, он же указал и на то, что такое понятие ещё раньше – в 1928 году использовал тоже немецкий географ Р. Хепке [63, с. 137]. Позже выяснилось, что понятие экономического ландшафта было использовано ещё раньше – в 1923 году, и не в Германии, а в СССР. Приоритет принадлежит А.А. Котову, писавшему об «экономическом ландшафте полосы Северной железной дороги» [54].

А. Лёш понимал экономический ландшафт как «систему рыночных сетей» [63, с. 137]. Это совсем не соответствовало тому, что под ландшафтом понималось и в немецком и в советском ландшафтоведении – ведущих ландшафтоведческих школах XX в. Тем не менее «экономический ландшафт» в географии прижился, хотя особой популярностью и не пользовался, привлекаясь к обсуждению от случая к случаю (например, в [28, 39]). С наступлением «эпохи» пролиферации, «экономический ландшафт» Котова – Хепке – Лёша начал стремительно раскрываться и ярко искриться самыми разными, порой неожиданными экономическими и квазиэкономическими смыслами. Правда, процесс этот пошел как в области научного знания, так и в сфере квазинаучных словопрений, разного рода журналистских рассуждений на околоэкономические темы, банальной интернетовской болтовни и пр. Замелькали такие словосочетания как «инвестиционный ландшафт», «финансовый ландшафт», «патентный ландшафт», «сервисный ландшафт» и т.д. и т.п. Некоторые из таких «ландшафтов» у ландшафтоведов способны вызвать «слёзы умиления», например: «Патентный ландшафт антиретровирусного препарата «Ритонавир»» [82].

Параллельно с экономикой понятие ландшафта начало «раскручиваться» в области политики и «политических наук» («электоральный ландшафт», «политический ландшафт», «институциональный ландшафт»); юриспруденции и криминалистики («аморальный ландшафт», «криминальный ландшафт», «коррупционный ландшафт»), спорта («футбольный ландшафт», «соревновательный ландшафт») и иных сферах жизни общества.

Не прошли мимо понятия ландшафта и такие серьёзные науки, как психология («когнитивный ландшафт», «социально-психологический ландшафт», «ландшафт воображения», «цифровой ландшафт»), лингвистика («лингвистический ландшафт», «языковой ландшафт», «диалектический ландшафт»); педагогика («образовательный ландшафт», «ландшафт детской души», «внутренний ландшафт»). Причем, в некоторых из них –

педагогические работы Д. Дьюи – первые попытки использования понятия ландшафта восходят ещё к 1910-м годам.

Что означает такое изобилие «ландшафтной мысли» в современных гуманитарных и общественных сферах? Рассмотрим пример педагогики, достаточно наглядно иллюстрирующий эффект, к которому приводит обращение к понятию ландшафта в общественно-гуманитарных областях. В одной из современных работ, монографии С.А. Терепищего, понятие образовательного ландшафта вынесено в название книги [94]³. Но каковы практические – гносеологические и методические – результаты использования понятия ландшафта в педагогической науке? что принципиально нового это ей дает? С подробными ссылками на работы географов, философов и педагогов вплоть до новейших, автор очень детально описывает и даже приводит в стройную систему (с. 89) разнообразные признаки и свойства так называемого образовательного ландшафта. Подытоживая и обобщая их, Терепищий дает такое определение образовательного ландшафта: «Образовательный ландшафт – это философский концепт для обозначения совокупности пространственных, социально-политических, экономических, культурных и антропологических характеристик образования, которые изменяются в пределах определенного региона в процессе сохранения, передачи и производства знаний» [94, с. 89]. Взгляд на «образовательный ландшафт» как на философский концепт очень важен (см. ниже), но, к сожалению, в цитируемой работе он не разворачивается до уровня именно философского концепта, оставаясь в ранге в лучшем случае философской метафоры. Всё то, что говорится о самых разных структурах, актах, целях, результатах, проектах педагогического действия можно спокойно сказать без употребления слова «ландшафт». Конечный результат от этого не измениться. Таким нам представляется главный вывод из анализа использования понятия «ландшафт» в качестве символа и метафоры, которое сегодня приобрело шокирующие масштабы, но часто ограничивается рамками бытового или узко-профессионального сленга, и является наиболее очевидным практическим результатом постмодернистской пролиферации понятия ландшафта⁴. Другое дело – отношение к ландшафту как к *философскому концепту*. Это намного более серьезный момент, порождаемый явлением пролиферации, идущей уже не только вширь, но и вглубь.

Ландшафт-концепт

В работе В.Н. Калущкова «Ландшафт в культурной географии» есть подраздел с названием «Концепт ландшафта»: речь идет обо всех тех смыслах, которые обозначаются словом

«ландшафт» [44, с. 22-28]. Повернем идею ландшафтного концепта на 180° – будем говорить не о концепте ландшафта, а о ландшафте, как концепте. «Концепт» – понятие философское. Возьмем на вооружение то его понимание, которое изложено в работе Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» [31]. Их определение философского концепта достаточно туманно: «Концепт определяется как неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью» [31, с. 32]. Однако в трактате приводится довольно много свойств и признаков, по которым философский концепт можно узнать, интуитивно понять («схватить»). Главный такой признак состоит в том, что с помощью понятия концепта определяются и характеризуются некоторые сущностные, отличительные черты философского мышления. Именно философского, а не бытового, научного, художественного или религиозного. (В названной книге сущностные отличия между философским и научным, а также между философским и художественным мышлением анализируются очень подробно). Отсюда следует, что когда мы говорим о ландшафте как концепте, мы говорим о том, как понятие ландшафта можно использовать в философском мышлении. Это следует четко усвоить: не философствовать **о** ландшафте (чем философия XX – начала XXI в. довольно богата), а философствовать ландшафтом, т.е. использовать ландшафт-концепт, как способ получения философского знания – вплоть до употребления понятия «ландшафт» в качестве отдельной, оригинальной и ни к какой иной не сводимой философской категории.

Свойства, которыми Делёз и Гваттари наделяют категорию концепта для её же идентификации, таковы: концепт это то, что:

- 1) целостность (с. 26 – здесь и далее по списку в скобках даны страницы названной выше работы).
- 2) Множество или множественность, состоящая из частей, вариаций, объектов (с. 26, 49, 160, 162, 173, 265),
- 3) которые упорядочены (с. 31)
- 4) и плотно, до неразличимости (с. 160), подогнаны друг к другу, образуя консистенцию (с. 30, 117, 184).
- 5) Не имеет иерархических различий на одном и том же уровне организации (с. 33), а также
- 6) не может рассматриваться в аксиологических координатах «лучше» и «хуже», то есть как концепт «хороший» или «плохой» (с. 40).
- 7) Не телесно, хотя воплощается в телах (с. 32, 202) и одновременно
- 8) является поверхностью или объемом (с. 32, 49), а также
- 9) формой и силой (с. 184).

- 10) Абсолютно и относительно одновременно⁵ (с. 33) и при этом
- 11) не обусловлено (с. 160, 194).
- 12) Бесконечно и конечно (с. 33).
- 13) Не задано никакой функцией, но само является функцией (с. 173) и допускает использование любой функции (с. 149).
- 14) Соединено с другими концептами связями соседства (с. 30, 31, 117) и
- 15) посылает, когда один концепт отсылает к другому концепту (с. 30).
- 16) Находится в состоянии становления (с. 28),
- 17) является событием (с. 32, 184, 193, 269), а также
- 18) мыслительным актом (с. 33).
- 19) Смутно и зыбко в силу блуждающей недискурсивной природы (с. 184).
- 20) Не имеет пространственно-временных координат (с. 32).
- 21) Может быть представлено как территория, (с. 49, 131).

Все философские концепты соединяются в группы вплоть до всеобщего объединения в некий единый план имманенции. Последний идентифицируется как фрактальность, не имеющая составных частей-концептов, но обуславливающая возможность их существования. То есть концепты топологически находятся в соотношении включенности в план, он по отношению к ним – нечто большее, вмещающее, обобщающее. Но обратное не верно: сумма концептов \neq план.

Географ-ландшафтовед, пробегаая список свойств концепта, легко заметит, что некоторые из них, а именно, свойства «1», «2», «3», «5», «8», «9», «14», «16», «21», могут рассматриваться как характеристические свойства ландшафта. Это дает нам основание отождествить концепт с ландшафтом, не только как продуктом пролиферации, но и как «объектом» и «предметом» исследования. Другие свойства, а именно «4», «6», «13», «15», «17», плюс фрактальный характер обусловленности концептов планом, также могут быть интерпретированы как свойства ландшафта, но уже не столь ясно, а как некие его глубинные свойства, раскрывающиеся только при скрупулезном философском анализе. Наконец, свойства третьей группы, а именно «7», «10», «11», «12», «18», «19», «20», никоим образом не вытекают и не связаны с ландшафтом в его традиционном понимании. Но они могут быть «выведены» из ландшафта *ad hoc* в том случае, когда интерпретация последнего выходит за рамки традиций ландшафтной географии, хотя может вкладываться в методические схемы иных наук, использующих понятие ландшафта, в художественное мышление (живопись,

архитектура), в принципы этики и морали, а также в математические модели. Когда мы говорим о ландшафте как концепте, то в явном или неявном виде должны иметь в виду все три группы признаков и свойств концепта. Однако эти три группы неравноценны для представления ландшафта концептом: очевидная, неочевидная и глубоко скрыта, почти «тайная». Первая группа признаков и свойств во многих отношениях присуща тому ландшафту, к которому мы привыкли как к категории – научной и общекультурной. Вторая только начинает проявлять себя в культуре и науке и притом при значительных эпистемологических и методических усилиях. А третью ещё предстоит выявить и методически «приручить». Но независимо от этого, ландшафт как концепт является «союзом» всех трех групп признаков и свойств концепта. Здесь мы подошли к тому моменту, когда понятие ландшафтности само «просится наружу». Сия «просьба» обуславливается тем, что со всех точек зрения – методологической, методической, практической, за «ландшафтом», понимаемым как философский концепт и репрезентируемым признаками и свойствами первой группы, целесообразно закрепить традиционные, исторически устоявшиеся смыслы и трактовки. А те интерпретации «ландшафта», которые обозначены признаками и свойствами второй и особенно третьей группы, и которые выходят за рамки традиции (научной или общекультурной), лучше именовать ландшафтностью. Это не принципиально, с онтологической точки зрения, но удобно в методическом и историческом плане. Понятие «ландшафтность» можно рассматривать и как такое, что отражает смыслы ландшафта как философского концепта, которые репрезентируются признаками всех трех групп. Но это выглядит уже не как дополнение смыслов, а как обобщение их всех.

Кроме методических, историко-научных, лингвистических причин, вызывающих к жизни понятие ландшафтности, было бы неплохо разыскать ещё и онтологические, если, конечно, таковые имеются. Это существенно повысило бы и научный и общекультурный статус категории ландшафтности. В этой связи обратим внимание на достаточно своеобразную топологию соотношения концептов и плана имманенции. С одной стороны, план дает им место, но с другой, «местясь», концепты не формируют плана. Если то, что обуславливается, суть ландшафт-концепт, то то, что обуславливает, онтологически должно быть, по-видимому, «выше» и «больше» – неким «ландшафтным принципом», который делает возможным рождение и существование концепта «ландшафт». Что же это за принцип? – Нам представляется, что этот принцип состоит в том, что ландшафт, как категория, находится в онтологически паритетных отношениях с понятием пространства. ***Пространство и ландшафт не «выводятся» друг из друга и не***

интерпретируются в свойствах и признаках друг друга, каждое из этих понятий онтологически независимо (имманентно) и гносеологически специфично по способам репрезентации. При соблюдении такого принципа можно с уверенностью говорить, что «план дает место», но «места не образуют плана»⁶. К этому вопросу мы ещё вернемся, а пока на конкретных примерах, не претендуя на исчерпывающий обзор, проследим то, как понятие ландшафтности «работает» в области философии.

Философские «приключения» ландшафтности и проблема пространства

По мнению некоторых географов, понятие ландшафтности – это философское понятие, с помощью которого обозначается взаимосвязь «всего со всем», всеобщая упорядоченность явлений и предметов окружающего нас мира [23]. Такое понимание ландшафтности очень узко уже потому, что «ландшафтность» может не только служить инструментом философствования, но и – трансформировавшись в ландшафт-концепт – быть основанием и предпосылкой такового. Кроме того, «ландшафтность», как и «ландшафт», может с не меньшим успехом, чем в философии, использоваться в точных науках (см. ниже), областях искусства и даже религиозного ощущения. Очевидно она «перерастает» философское понятие, тем более в контексте достаточно банального для философии факта – всеобщей связи и взаимозависимости явлений окружающего нас мира.

Философское обращение к ландшафту, как концепту, то есть к ландшафтности в неявной форме, прослеживается у таких философов XX в. как Г. Башляр, В.В. Кизима, М. Мерло-Понти, Ж.-Л. Нанси, В.А. Подорога, М. Фуко, М. Хайдеггер и др. Оно может сопровождаться употреблением соответствующих слов, а может осуществляться и без них, обращаясь к понятиям места, территории или пространства. Показательным примером не артикулированного («бессловесного») ландшафтного мышления в философии является онтология Ж.-Л. Нанси. Мыслитель о бытии говорит как единичной множественности, конституируемой совместностью и событийностью вещей [70]. Это вполне ландшафтное понимание бытия: ведь ландшафт традиционно видится как множественность, обладающая качеством целостности. Последнее в онтологии Нанси утверждается и репрезентируется приставкой «со-». Она, по мнению исследователя, утверждает, что бытие как таковое возможно лишь через соположенность, сопричастность, совместность, совокупность, сосуществование чего-то с чем-то. «Что-то», «чтойность» могут быть идентифицированы и конституированы только с помощью «со-».

Отсюда – множественность, а не единичность и единственность, как имманентность бытия. Идея эта не нова, она восходит своими корнями к древнегреческим атомистам («множественность миров»). В онтологии Нанси она получает дальнейшее развитие и углубление, в частности, множественность начинает мыслиться как телесность и консистентность [71], а это – признаки ландшафта. Операционально ландшафтный концепт формируется и раскрывается мыслителем через гипостазирование категории места и введение в онтологию понятия *пространственности* и операции *опространствливания* (или опространствования). Или, немного утрируя и поворачивая мысль на 180°, можно выразиться так: пространственность, репрезентируемая множественностью тела – не «тел»! – это и есть ландшафтность.

Российский философ В.А. Подорога не оперирует понятием «ландшафтность», но продуктивно использует термин и понятие «ландшафт», понимаемый им именно как концепт. В 1993 году увидело свет первое издание его сегодня уже известного и среди философов и среди географов трактата «Метафизика ландшафта». По собственному признанию философа, он понятие ландшафта использовал как метафору, с помощью которой делался “акцент на экзистенциальной *пространственности* мысли” [78, с. 6]. Однако на проверку ландшафт Подороги оказался больше, чем метафорой. “Ландшафтный образ, – писал исследователь, – остается образом, не столько демонстрирующим нам некое чувство природы, сколько воображаемый план места, где может расположиться архитектурный идеал той или иной философской системы” [78, с. 6]. Это уже почти, а может и не «почти», определение философского концепта – ландшафта как философского концепта. С большой виртуозностью В.А. Подорога анализирует способы философствования (по его выражению «коммуникативные стратегии в философской культуре») Сирёна Кьеркегора, Фридриха Ницше и Мартина Хайдеггера, прочно «привязывая» их к ландшафтам и вскрывая тончайшие связи между направлениями и «ходами» философской мысли и теми ландшафтами, в которых она формировалась и реализовывалась. Но вот что интересно: если «ландшафты философствования» (*геофилософия*) Ницше и Хайдеггера были реальными физическими ландшафтами, в которых мыслители пребывали, из которых они черпали силы своих идей и с учетом характера которых выстраивали конструкции своих философских систем («климатической» у Ницше и «тектонической» у Хайдеггера), то у Кьеркегора «ландшафт философствования» был вполне виртуальным. Ницше философствовал, пребывая мысленно и физически в ландшафте(-концепте) Верхнего Энгадина (Швейцарские Альпы), Хайдеггер – находясь в горах Шварцвальда. А вот религиозно-философская экзегеза Кьеркегора ничего общего с его реальным местообитанием – плоской и сырой Данией, на

лугах которой пасутся жирные гуси, не имела. Кьеркегор мыслил категориями семиаридных скалистых библейских ландшафтов Леванта, конкретнее – земли Мориа, где Авраам заложил основы христианской веры, слепо подчинившись воле Бога. Нетрудно понять, что «геофилософия» Кьеркегора, с одной стороны, и Ницше – Хайдеггера, с другой, – не одно и то же. У вторых виртуальный ландшафт-концепт выстроен «над» реальной физической территорией, у первого – он виртуален «в квадрате» («ландшафт как мыслительный акт»: 18-й признак ландшафта как концепта). Здесь можно наглядно наблюдать то, как понятие ландшафтного концепта потихоньку «смещается» в сторону понятия ландшафтности, маркируемого признаками второй и особенно третьей группы (см. выше). Хотя по тексту «Метафизики ландшафта» это смещение не артикулируется и её автор понятием ландшафтности не оперирует.

Первые не косвенные, а прямые попытки обращения к понятию и термину «ландшафтность» в русскоязычной философии наблюдаются в 2001 – 2003 годах (С.А. Горайнов, В.В. Кизима, В.В. Костецкий, Ю.Г. Тютюнник). Одни авторы использовали «ландшафтность», скорее как метафору или входящий тогда в моду бытовой ландшафтный сленг; другие отнесли к нему нетривиально. Первым из русскоязычных философов, кто увидел в понятии ландшафтности глубинный смысл, был В.В. Кизима. В работах [46, 47] он обратился к понятию ландшафта для обозначения а) имманентного многообразия бытия и одновременно б) несоответственности (в его выражении «сизигийности») всех составляющих этого разнообразия, как всеобщего принципа; в) метапричинности бытийных процессов, происходящих согласно г) предустановленному «ландшафтному плану» и имеющего д) двоякий – онтоико-онтологический, актуально-виртуальный характер. В конечном счете, философ пришел к понятию бытийного ландшафта и как-то «само собой» употребил понятие ландшафтности, понимая под ним «естественный порядок самого Бытия» [47, с. 9]. Развивая дальше свое понимание ландшафтности, Кизима пришел к важному выводу о том, что, как философское понятие, «ландшафтность» сопоставима по своему онтологическому значению и статусу с категориями пространства и времени [48, с. 46]. Для нас это имеет большое значение по следующей причине.

Если «ландшафт» суть фундаментальная категория науки и культуры в целом, то она не может быть зависимой от категории пространства, не должна оцениваться и пониматься в терминах и свойствах пространства, не должны «выводиться» из пространства. Она должна быть категорией, онтологически и гносеологически паритетной (равно-положенной) категории пространства. Отношения паритетности между категориями «ландшафт» и

«пространство» невозможно установить, если руководствоваться теми понятиями пространства, которые традиционно приняты в географической науке, в частности принимая концепцию так называемого хорологизма. География пользуется, выражаясь терминами Д. Харвея, релятивным и реляционным пространством; она игнорирует абсолютное пространство («пространство-вместилище»), а иногда относится к нему и откровенно враждебно [107, с. 32-34.]. Пространство для географии – это пространство, конституируемое, местами, которые заняты вещами и предметами, а также отношениями между вещами и предметами, проявляющимися как процессы. “Можно считать весьма подходящим <...> определение географии, как науки о пространствах земной поверхности по их вещественному наполнению”, писал в своё время один из основоположников хорологизма Альфред Геттнер [17, с. 122]. Независимо от того, «местятся» ли места предметностью, или предметности «занимает» места, совокупность последних считается пространством. Точка зрения достаточно древняя, восходящая к Аристотелю. Но не менее древней, восходящей к Платону, является и точка зрения на пространство, как на абсолютное вместилище предметов и явлений. При желании, такое пространство можно связать и с пустотой Левкиппа – Демокрита. Если мы хотим, чтобы «ландшафт» был фундаментальной категорией, равно-положенной по гносеологическому статусу «пространству», то мы не должны ставить его в онтологическую зависимость от последнего. А поскольку ландшафт и пространство в аристотелевской трактовке связываются через понятие вещи и занимаемого или конституируемого ею места, то, очевидно, есть соблазн одно поставить в зависимость от другого. Или через вещь и место «вывести» ландшафт из пространства, что географы обычно и делают, или, что встречается намного реже⁷, «свернуть» пространство в ландшафте. Последнего приёма, между прочим, не чурается современная теоретическая физика (см. ниже).

Если же вслед за Платоном и сэром Исааком Ньютоном мы примем за основу понимание пространства, как абсолютного вместилища, то такая связь разорвется, «ландшафт» и «пространство», как категории, будут существовать независимо друг от друга и в своих фундаментальностях ни онтологически ни гносеологически не будут пересекаться. Тогда мы сможем говорить о паритетности категорий пространства и ландшафта, поднимая вторую до методологического статуса первой. Это, однако, сталкивается с двумя серьезными методическими трудностями. Наиболее очевидной будет традиция: вряд ли кто-то из географов захочет поменять излюбленное релятивное/реляционное пространство, которое так хорошо наблюдается в поле и ложится на карту, на пугающую пустоту пространства-вместилища,

приоткрывающую мантию своей таинственности в лучшем случае в хитро-мудрых формулах математиков и физиков-теоретиков (а то и в богословских интерпретациях). Трудность отказа от традиции можно достаточно легко преодолеть: отказаться от термина «ландшафт» и заменить его термином «ландшафтность» (что, кстати сказать, и было сделано В.В. Кизимой). На «ландшафтность» географическая традиция не распространяется. Вторая трудность более серьезна: разнося в разные стороны «пространство» и «ландшафт», лишаясь онтологической опоры на вещь и место, как за ландшафтом сберечь не просто пространственность (хорологизм), а её имманентность ему? с помощью какого механизма и каких категорий можно «склеить» онтологически независимые или равно-положенные, пространство и ландшафт? Забегая наперед, скажу: с помощью категории «множество», но подробнее об этом – в одном из последующих разделов.

Пока же в декларативном порядке откажемся от релятивного/реляционного пространства и примем за базовое для ландшафтной географии понимание пространства как абсолютного вместилища, памятуя при этом, что в случае необходимости, всегда можно «ландшафт» заменить на «ландшафтность».

* * *

Несколько слов об обращении к понятию ландшафтности философствующих географов. Оно (обращение это) отличалось от чисто философских реминисценций тем, что географ, рассуждая явно или неявно о ландшафтности, или мысля ландшафтом, как философским концептом, был ориентирован всё-таки на родной и привычный географический дискурс, а последний в большей или меньшей степени выходил за рамки собственно философствования и перемещался в те области, которые принято именовать философско-методологическими и методологическими. Поэтому «ландшафт», как понятие, волей-неволей терял свойства концепта и приобретал свойства функтива (см. ниже). Вот некоторые примеры.

Известный советский географ В.С. Преображенский в 1970-х годах высказывался о некоем особенном географическом подходе, вырабатываемом нашей наукой и «экспортируемом» ею в методологию иных областей знания, в том числе и далеких от географии. Для обозначения этого факта исследователь употребляет специально придуманный им термин *геогенность* (“общенаучный пространственный подход рожден географическим (геогенен)” [81, с. 23]). Он также делает шаг к пролонгации «учения о ландшафте» в научное знание в целом; учению о ландшафте придается статус едва ли не «общего естествознания» (с. 25). Очень важным, можно даже сказать принципиальным, моментом для формирования идеи ландшафтности, которая в 1970-е гг. уже

зародилась во французской географии, была также эпистемологическая «увязка» Преображенским категории ландшафта с понятием сверхсложности. Он подчеркивал, что понятие ландшафта является адекватной моделью для исследования сверхсложных феноменов в иных науках. Позже (1993) В.С. Преображенский переводит своё в целом сциентистское учение о геогенности в экзистенциальную плоскость – разрабатывает концепцию *бытийного географизма*, который им понимается как “свойство самого земного бытия” [79, с. 50]. Это был уже выход за рамки собственно научной методологии и переход к мышлению ландшафтом как философским концептом.

В начале 2000-х гг. понятие ландшафтности было использовано мною [99]. Тогда термином «ландшафтность» я обозначил то, как и с помощью каких свойств и признаков мы можем идентифицировать ландшафт как таковой. Последний при этом виделся одновременно и как реальный физико-географический объект и как *поверхность смысла* – в понимании Ж. Делёза [29]).

В 1990-е годы некоторые ландшафтностные интенции наблюдать и у философствующих географов с общественно-географического крыла нашей науки. Наиболее ярким их представителем был, вероятно, В.Л. Каганский. Рассуждая о признаках, свойствах, вообще об онтологии ландшафта, он сделал акцент на таких его качествах, как сплошность, полимасштабность и полиметричность; на способности к «самочленению» и «саморайонированию», на том, что ландшафт – прототип описания «иных пространств», на том, что он имеет «почти бесконечную ёмкость смысла и деятельности», характеризуется неразрывностью «геометрии и физики» [43]. Все это в сумме выводило понятие ландшафта за рамки традиции, наделяло его признаками философского концепта, объединенными нами во вторую и третью группы (см. выше).

В артикулированной форме о ландшафтности в русскоязычной литературе упомянул впервые (первая половина 1990-х), по-видимому, Д.Н. Замятин – в процессе работы над книгой «Метагеография» (устное сообщение Замятина автору). В середине 2000-х им опубликовано эссе «Ландшафт и бытие» [40], в котором в разнообразных идеальных контекстах обыграно понятие ландшафта («ландшафт и справедливость», «ландшафт и хаос», «ландшафт и небо», «ландшафт и отчаяние», «ландшафт и нежность», «ландшафт и тело», «ландшафт и вечность»), и как бы мимоходом использовано само слово «ландшафтность», хотя из контекста статьи ясно, что в целом речь идет именно о ней, а не о ландшафте, как таковом.

Таким образом, можно утверждать, что в начале 2000-х гг. понятие «ландшафтности» в явной или скрытой форме в постсоветской географической литературе в качестве

своеобразного концепта уже употреблялось в разных аспектах и контекстах: назревала необходимость его институционализации.

Ландшафт-функтив

Функтив – понятие из философии науки Ж. Делёза и Ф. Гваттари [31]. Сильно огрубляя, можно сказать, что функтив – это категориальность (категориальный аппарат, система категорий) той или иной фундаментальной науки. У математики своя система категорий, у химии – своя, у истории – своя. На категориях науки химии не может быть построено научное мышление математика, а система категорий биологии не применима к физическим способам познания мира. Вот эта «региональность»⁸ к а т е г о р и а л ь н о - г о а п п а р а т а каждой фундаментальной науки в первом приближении и есть функтив в его внешнем методологическом и методическом проявлении.

Онтологическая природа функтива, как её понимают Делёз и Гваттари, достаточно замысловата. План имманенции философии, по мнению авторов, рассекает хаос, сохраняя его «бесконечные скорости» (которые, собственно, и создают хаос), но придавая хаосу качество консистенции. Это позволяет философии дальше «бороться» с хаосом с помощью философских концептов. Наука же «укрощает» хаос по иному, она вводит в его бесконечные скорости пределы, или, если воспользоваться выражением из работы [59], «оконечивает бесконечное». Это оконечивание бесконечного осуществляется в так называемом плане референции, который имманентно фрагментирован: ситуация топологически противоположна той, что имела место в философском плане имманенции, где фрагментированность вторична, проявляется в «заселенности» плана концептами. План референции конституируется самой фрагментированностью. Каждому его фрагменту “некоторой дискурсионной формации” [31, с. 154] соответствуют свои специфические «наборы» пределов торможения бесконечных скоростей хаоса, а значит и те “упорядоченные смеси” [31, с. 157] или “состояния вещей”, которые “могут быть математическими, физическими, биологическими...” [31, с. 155].

Собственно понятие функтива, которое Делёз и Гваттари не очень-то и объясняют, – достаточно абстрактное понятие, но для поиска нашей ландшафтной модели научного знания оно имеет важное значение, если не сказать принципиальное. Функтив – это, если можно так выразиться, двоякий факт: с одной стороны, факт пробегания функцией всех своих значений на некотором множестве аргументов, с другой, – факт наличия не одного, а нескольких множеств и соответственно способов пробега на них значений. Эта дуальность конституирует план референции: первый факт – план

как таковой; второй – его референтность, по которой и только по которой научный метод и можно узнать.

Концепт не обусловлен, функтив обусловлен. Но обусловлен он не линейно по схеме «план референции → функтив». Его обусловленность репрезентируется просто фактом, притом фактом, имеющим явно историческую «подоплеку» – количеством фундаментальных наук – тех областей знания, пределы торможения бесконечных скоростей хаоса в которых специфичны. В диалектическом материализме для обозначения этих областей когда-то предлагали простую модель: «форма движения материи → фундаментальная наука». Не ясным, правда, оставалось то, что означает выражение «форма движения материи», но это – «детали»; главное, что так сказал «классик» (Ф. Энгельс).

Вопрос о соответствии формы движения материи фундаментальной науке нетривиальный. В самом деле, почему фундаментальных наук не 10, не 20, а меньше? Или, если переформулировать вопрос, почему философских концептов в плане имманенции может быть сколько угодно – всяк мыслитель волен придумать свой, а функтивов строго ограниченное количество. Ясного ответа на эти вопросы Делёз и Гваттари не дают, хотя их обращение при выделении «типов пределов торможения бесконечных скоростей хаоса» к теории множеств наталкивает на мысль, что ограниченность количества функтивов каким-то образом связана с множествами очень больших мощностей и феноменологическим своеобразием тех типобразующих признаков, на основе которых эти множества формируются. Математики, когда говорят о больших мощностях множеств, оперируют особыми «запредельными» кардинальными числами – алефами. Начальный алеф-нулевой обозначает «количество» первой бесконечности – предел бесконечных скоростей физического хаоса. Здесь имеем фундаментальную науку физику. Следующий – алеф-первый – «количество» бесконечности бесконечностей, или «количество», диалектически перерастающее в качество: химическое. Наука химия. И так далее вплоть до истории. В этой веренице качественных переходов «количеств» бесконечностей или пределов торможения бесконечных скоростей хаоса есть одна интересная закономерность. Возможности формализации в каждой группе бесконечных скоростей, а значит и возможности их формальных торможений убывают слева направо, от алефа-нулевого до алефа-четвертого – «исторического». На алефе-4 формализации вообще невозможны, точнее их смысл настолько туманен, что трудно понять что, собственно формализация истории обозначает, какова её эвристическая ценность, а тем более практический «выход»? К этому вопросу мы ещё вернемся, а пока заметим, что дискурсивный

предел формализации бесконечных скоростей хаоса наступает на стадии алеф-3 – это географический тип бесконечных скоростей хаоса. В области алеф-0 (физика), алеф-1 (химия), алеф-2 (биология) формализации всегда возможны, хотя их точность и смысловая выразительность далеко неодинаковы. Что касается самой операции формализации в плане референции, то это не что иное, как математика – в статусе метанауки. Очерченная схема будет выглядеть так, как показано на рис. 1.

Рис. 1. Ряд фундаментальных наук, выстроенный по дискурсивной чёткости, эвристической ценности и принципиальной возможности математической формализации, при условии, что математика рассматривается как метанаука.

Момент возможности и эвристической ценности формализации дискурса является важным для понимания отличия ландшафта-функтива от ландшафта-концепта: для последнего такой проблемы вообще не существует, то есть, нет смысла говорить о формализации ландшафта-концепта. В случае же функтива, вектор, координатная ось или направление формализации для его ландшафтной репрезентации обязателен. В физике формальность может до неразличимости сливаться с объективностью (потому и алеф-нулевой, а не алеф-первый), в истории о формальности вообще говорить бесполезно. Своеобразие же географии в том, что её дискурс формализуем только наполовину: потому она и является наукой и естественной и гуманитарной одновременно. В ней – предел возможностей формализации, и этот предел приурочен к географическому понятию ландшафта: ландшафт, интерпретируемый как функтив, суть *предельная модель*. Ниже мы попытаемся раскрыть её природу, а пока посмотрим на то, как ландшафт-функтив работает как **научная категория** в некоторых качественно различающихся областях торможения бесконечных скоростей хаоса.

Рассматривать понятие ландшафта, понимаемого как функтив, в области географии особой нужды нет: он нею рожден, и он её рождает (с последним, напомним, согласны не все географы, меньшинство).

Соседей географии слева и справа – биологию и историю тоже особо тревожить не станем – использование научной категории «ландшафт» здесь настолько обычно и привычно, а часто

продуктивно и для самой географии, что особых комментариев не требует. Впрочем, об одном моменте «соседского» взаимодействия географии с биологией и историей сказать необходимо. Это – так называемая *междисциплинарность*⁹. Трудно в методологии науки найти нечто такое, что принесло бы географии вреда больше, чем междисциплинарность. В том, что географию долгое время не признавали и по сей день многие не признают фундаментальной наукой, или хотя бы единой наукой, виновата именно она. В порядке вещей, что и концепты и функтивы между собой воюют, иногда не на жизнь, а на смерть. Это не мешает им взаимодействовать. Взаимодействие наук в фундаментальных сферах бесполезно и довольно-таки обычно, а в прикладных, технических областях обязательно и необходимо. Но взаимодействие взаимодействием, а «междисциплинарность» – это нечто совсем иное. Это отнюдь не эпистемологическая и методическая дружба и сотрудничество между науками, это их взаимоуничтожение, выражающееся в попытках стереть границы между функтивами. Образно говоря, свалить все алефы в одну кучу и вернуться к первоначальной хаотичной смеси с непонятно каким, но обязательно «системным» и «универсальным», методом торможения её бесконечных скоростей. Такая нивелировка плана начисто лишает его референтности. А в методическом контексте это заканчивалось для нашей науки тем, что её разрывали (без кавычек) на части – географию физическую и социально-экономическую (с добавлением так называемой гуманитарной). Дело доходило до того, что физическая и социально-экономическая «части» географии рассматривались как совершенно самостоятельные науки; или одна из «частей» (общественная) объявлялась географией, а другая (физическая) изгонялась в область геофизики и геологии; или – в лучшем случае – «части» географии рассматривались как «подсистемы системы географических наук». **В единстве географии часто отказывали сами географы.** Ясно, что в такой эпистемологической и методической обстановке, в условиях исключительной агрессивности междисциплинарности, трудно вести уравновешенный разговор о том общем в методе, объекте и предмете исследования, что делает географию целостной наукой, и не просто целостной, а фундаментальной. Поэтому мы отбрасываем междисциплинарность, как кошмарный сон географии.

Вдохновившись филиппикой в адрес междисциплинарности с надеждой, что далее по тексту она не будет нам мешать, обратим взгляд в область методического использования ландшафта-функтива, сегодня, пожалуй, самую интригующую. Речь пойдет об использовании понятия ландшафта в точных науках – в химии и физике¹⁰.

Молекулярный и космический ландшафты

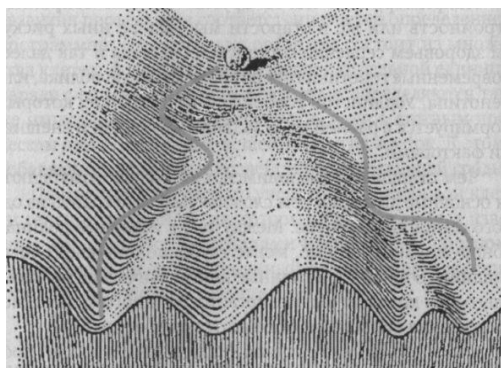
Как уже говорилось, понятие ландшафта в молекулярной биологии и генетике впервые было употреблено в 1932 году С. Райтом. Сегодня оно стало уже привычным методическим инструментом для специалистов в области химии высокомолекулярных соединений, биохимии, химии, супрахимии, молекулярной биологии и генетики, исследующей такие «супермолекулы» как ДНК и их совокупности – аллели, гены. В химической и генетической литературе сегодня можно встретить такие выражения как «ландшафт молекулярный», «ландшафт энергетический», «ландшафт адаптивный», «мутационный», «транскрипционный», «плоский», «фенотипический» и др. Что заставляет химиков и генетиков использовать эпистемологически столь необычную для них категорию как «ландшафт»? Ответ неожиданно прост: *сверхсложность*¹¹. Современный российский генетик С.А. Науменко говорит о ней так: «Невозможно построить точную модель адаптивного ландшафта на масштабе геномов. Даже в случае геномов небольшой длины – геномов бактерий, длина которых составляет порядка 3 млн. нуклеотидов, количество аллельных вариантов (генотипов) составит $4^{3000000}$, т.е. адаптивный ландшафт нужно рассматривать в 3000001 -мерном пространстве» [72, с. 18]. Ключевое словосочетание в приведенной цитате – «невозможно построить точную модель»: согласитесь, цифра « $4^{3000000}$ », с помощью которой хотят описать некое явление из области генетики, впечатляет. В химии белков необходимость использования понятия «ландшафт» обосновывается следующими рассуждениями: «Предположим, что число аминокислотных остатков в белке около 200 и у каждого 2 альтернативные конформации. Тогда число возможных изоэнергетических состояний будет 2000 или порядка 1060. Если в молекуле белка нет стерических состояний, то состояния могут быть заселены. В простейших системах, таких как атом или жесткая молекула, мы говорим об энергетических уровнях. В белках, по указанной выше причине, следует говорить об энергетическом ландшафте или гиперповерхности потенциальной (конформационной) энергии» [58, с. 1265]. Несколькими строчками ниже авторами статьи прямо подчеркивается, что нужда во введении понятия ландшафта обуславливается именно сложностью моделей, описывающих белки (с. 1267).

Вспомним: В.С. Преображенский указывал именно на сверхсложность, как тот феномен естествознания, который лучше всего описывается моделью ландшафта. Географы всегда любили повторять, что объект их исследования – ландшафт – образование сверхсложное, не редуцируемое ни к каким элементарным и упрощенным репрезентациям. И это, в самом деле, так. Мы, вслед

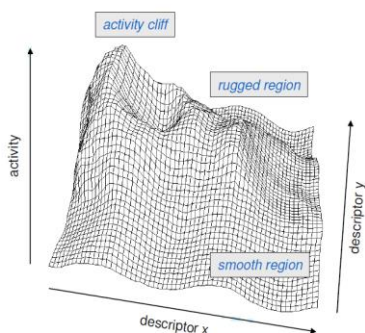
за Преображенским, также считаем, что мера сложности ландшафта “не имеет <...> аналогии в других науках” [81, с. 21]. Вполне естественным, поэтому, выглядит то, что «другие науки», сталкиваясь с явлениями, сложность которых превышает привычные для них уровни и количества, обращаются к категории ландшафта.

Первейшим и наиболее очевидным качеством ландшафта, позволяющим описывать сверхсложные явления понятно и на - г л я д н о, является его *фактическая визуальность* (иногда говорят «физиономичность») и *имманентная визуализируемость*. Эти его свойства настолько очевидны и естественны, что даже в комментариях особенных не нуждается: во всяком случае, так многим кажется. Иногда они вводятся в определение ландшафта¹², а в некоторых случаях гипостазированы настолько, что само изображение принимается за ландшафт [51]. Как бы там ни было, но неявленного, невидимого, непредставимого, не визуализируемого, невыражаемого в цветах и валёрах, тонах и оттенках, линиях и объемах, конфигурациях и формах ландшафта попросту не существует. Поэтому наукой, испытывающей нужду в репрезентации сверхсложного феномена из своей области исследований, и берется изображение (в простейшем случае обычный график), объявляется ландшафтом (рис. 2), и утверждается как модель этого феномена, который в не визуализированной форме можно отобразить с трудом только очень замысловатыми и нетривиальными нагромождениями разных параметров, сложносоставных величин, гигантских чисел, мудреных формул, зыбучих вероятностей... Правда, это не совсем изображение, это изображение «со смыслом», за ним «что-то стоит» и оно с этим «что-то» образует как бы эпистемологический сплав. Что именно? – Забегая наперед, скажем: множество, множество очень сложной структуры и невероятной мощности. Такой «сплав» уже не репрезентуешь простым графиком или иллюстрацией; нужно, чтобы изображение воспринималось именно как изображение чего-то весьма существенного, вещного, телесного, сложного (сложностного), если проводить аналогию – возможно, не совсем удачную, – как икона, за которой всегда «стоит» онтология по имени Бог. Такое изображение и называется ландшафтом. (В.В. Кизима говорит о «ландшафтной сущности Бога и о “божественной” природе ландшафта»).

С феноменологической точки зрения, ставка на ландшафт, как «генератор» визуализируемости сверхсложного предмета исследования, за которым «прячется» сложный объект, это не что иное, как переход к познанию этого объекта путем прямого обращения к его *зйдосу* – ввиду того, что *логос*, как метод построения сверхсложной конструкции, начинает давать сбои, его эвристическая продуктивность снижается.

Эпигенетический ландшафт по К. Уоддингтону – модель, используемая в генетике. Источник: www.e-reading.club/chapter.php/102088/18/Shpork_-_Chitaya_mezhdu_strok_DNK.html

Ландшафт активности по А. Варнеку – модель, используемая в химии. Источник: <https://mipt.ru/dbmp/upload/66a/lection04-arphlgoakxy.pdf>

Рис. 2. Примеры визуализации сложной математической модели с помощью понятия ландшафта в генетике и химии.

Это, в самом деле, так, но полностью отождествлять ландшафт с эйдосом как **очевидной** явленностью нельзя, поскольку речь идёт не о концепте, а о функтиве. Методический момент логоса здесь полностью устранимым быть не может. В ландшафте-функтиве, если говорить образно, бразды правления отдаются эйдосу, но запрыгивается по-прежнему – логос.

Другими важным обстоятельством при изучении и репрезентации сверхсложных явлений и фактов с помощью ландшафта-функтива является то, что он (ландшафт-функтив) синтезирует в себе самые разные вещи и процессы природы и общества, создаёт самые причудливые онтологические смеси. Это сразу же избавляет исследователя от необходимости, с одной стороны, соблюдения методологической чистоты и методической строгости своей науки – вспомним определение сложностного мышления М. Кастельсом (см. сноску «11»); а с другой, упреждает его от апелляций к рыхлой всеядности по имени

«междисциплинарность». Способность к синтезированию онтологических смесей, синтетический потенциал ландшафта велики. Однако обращение к ним в химии и генетике не так очевидно, как апелляции к ландшафтными визуализациями: возможно потому, что молекулярный уровень явлений природы не феноменологичен, и потому именно явления этого уровня больше всего нуждаются в наглядных представлениях с помощью моделей.

Можно также вспомнить о таком «классическом» полезном свойстве ландшафта как *эмерджентность*. Но это понятие присутствует практически в каждой науке, и менять «эмерджентность химическую» на «эмерджентность ландшафтную» особого смысла нет.

Открытые в химии и генетике способы ландшафтных интерпретаций и репрезентаций сверхсложных феноменов вначале XXI в. были позаимствованы физиками-теоретиками. Сегодня «проблема ландшафта» в астрофизике – одно из самых популярных исследовательских направление (читатель может убедиться в этом сам, набрав в «поисковике» соответствующий запрос). Первые упоминания о ландшафте, как инструменте физико-математического исследования датируются 2003-м годом и принадлежат американцу Леонарду Сасскинду, специалисту в области так называемой теории струн. Автор так описывает причины своего обращения к понятию ландшафта: “Термин «ландшафт» возник не из теории струн, не из космологии. Когда я впервые использовал его в 2003 году для описания большого количества вакуумов теории струн, я заимствовал его из более старой области науки: из физики и химии больших молекул. Возможные конфигурации больших молекул, состоящих из сотен или тысяч атомов, уже давно описывались как ландшафты или – иногда – как энергетические ландшафты. Ландшафт теории струн имеет гораздо больше общего с «конфигурационным пространством» больших молекул, чем с бедными ландшафтами квантовой теории поля” [87, с. 319-320]. Ландшафт в понимании Сасскинда и его последователей – это мощная математическая модель, даже, как он сам выражается, «математическая реальность» [87, с. 412], и притом с настолько специфическими свойствами, что из ландшафта можно «вывести» пространство [87, с. 356-357, с. 378]. И этот «вывод» – не просто эффектная математическая декларация (о нём мы поговорим отдельно ниже). Опыт применения ландшафта-функтива в теоретической физике достаточно подробно и разносторонне описан в доступных для неспециалиста-физика работах А. Виленкина [13], Б. Грина [21], Ш. Яу и С. Надиса [110] и самого Л. Сасскинда [87]. Читая их, быстро замечаешь, что в математической физике, так же как и в супрахимии, генетике, ландшафт используется, прежде всего, как способ визуализации очень сложных теоретических построений.

Ландшафтные модели, которые рисуются физиками-теоретиками, напоминают те, которые изображены на рис. 2. Словесные описания также достаточно красочны и образны и мало напоминают абзацы из учебников физики. Вот как описывает *ландшафт теории струн* Шинтан Яу: «Представьте себе мяч, катящийся без трения по огромной ровной поверхности. Для мяча не существует предпочтительного положения – он может катиться в любом направлении без затрат энергии. Это похоже на ситуацию с нестабилизированным модулем и безмассовыми скалярными полями. А теперь давайте представим, что эта поверхность не совсем гладкая, а имеет несколько углублений, в которые мяч может попасть и застрять, не имея энергии, чтобы выбраться из ямки. Подобная ситуация имеет место, когда модули стабилизированы; каждое из углублений на поверхности соответствует различному решению теории струн – отдельному многообразию Калаби – Яу, занимающему отдельное вакуумное состояние. Поскольку мы имеем большое число возможных решений, такой «ландшафт», содержащий различные вакуумные состояния, огромен» [110, с. 185].

В физических визуализациях с помощью понятия ландшафта содержится ряд моментов, отсутствующих в визуализациях супрахимических и генетических. Один из них восходит к древней античной мысли о том, что геометрия первична, а физический мир тел и процессов от неё произведен. В некоторых теориях («голографической Вселенной») эта мысль доводится до грани фола – не без помощи понятия ландшафта. Ведь, обращаясь к ландшафту – «ландшафту моих воображений»¹³ [62], можно визуализировать любую пространственную фантазию, например, сон (какие только ландшафты нам не снятся!) А если эта фантазия подкрепляется ещё и серьезными математическими формулами, часто понятными только узкому кругу «посвященных», то какая угодно «ландшафтная репрезентация» может показаться правдоподобной.

В более «мягком» варианте физико-математические визуализации посредством ландшафта обращаются не к первичности геометрии, а к первичности информации (вещество и энергия вторичны). Это – старый добрый платонизм, переделанный на новый информационно-компьютерный лад. Сегодня он всерьез обсуждается в теоретической физике [21] и натурфилософии [75]. С точки зрения онтологии, в ней много спекулятивного, но внутренняя логика здесь есть. Использование понятия ландшафта сторонникам идеи первичности информации (или геометрии) позволяет наглядно и понятно представить Вселенную-симулякр, Вселенную-выдумку, Вселенную-голограмму...

С каких бы позиций не обращался теоретик к использованию ландшафта-функтива для объяснения и репрезентации своих

умозрений, теорий и доказательств, неизменным остается то, что это обращение начинается тогда, когда обозначается дефицит иных дескриптивных средств выражения: в ситуации сверхсложности / сложности. В частности, в теории струн утверждается, что имеется 10^{500} способов «построить» Вселенную. Эти способы определённым образом связаны с хитроумными геометриями полей Хиггса и форм Калаби – Яу, с космологическими постоянными и дополнительными измерениями, другой физико-математической экзотикой. Но число способов математического «создания» вселенных слишком велико. Его невозможно даже записать. Поэтому возникает потребность каким-то образом по-иному репрезентировать эту модель. Для этого и привлекается понятие ландшафта: «Чтобы разместить 10^{500} возможных форм для дополнительных измерений, – пишет Б. Грин, – горный пейзаж должен быть с размахом дополнен долинами, террасами, обнажениями горных пород» [21, с.168]. Каждый из участков таких вот «форм рельефа», вплоть до точки, на графике-ландшафте – это область существования и действия тех параметров, благодаря которым в данном месте ландшафта существует та или иная Вселенная. У каждой Вселенной физические и математические параметры, фундаментальные константы, основополагающая аксиоматика – свои. В некоторых вселенных – как в нашей – они комбинируются таким образом, что создаются условия для возникновения жизни и разума, исследующего эти же вселенные (или Вселенную). Тогда говорят о «действии» *принципа антропности*.

В своих ландшафтоведческих изысканиях физики-теоретики идут дальше и заводят речь о *ландшафтном разнообразии* [21, с. 329]. Таковым обозначается, если можно так выразиться, предельный онтологический пункт космологической мысли сегодняшнего дня. Предполагается, что возможно сосуществование разных т и п о в вселенных, не запрещенных математическими законами, и притом законами разными, даже взаимоисключающими, действующими каждый в «своей» Вселенной. В глобальной же Мультивселенной (Мультиверсуме) сосуществуют как разные термодинамические миры, «полученные» в рамках теории струн, так и вселенные не термодинамического генезиса, в частности вероятностного («ветвящиеся миры» Хью Эверетта), голографического, или даже демиургического, где роль Бога выполняет «суперкомпьютер». Всего, согласно подсчетам Б. Грина, в глобальной Мультивселенной может сосуществовать 8 генетических типов вселенных [21, с. 323]. Вот такое сосуществование разных по своему генезису и онтологии вселенных и называется ландшафтным разнообразием.

Надо сказать, что с позиций ландшафтно-географической логики, подобное употребление понятия ландшафтного

разнообразия вполне адекватно. Но при одном условии: ландшафт должен быть оторван от Земли и вынесен в космические просторы, он должен стать «космическим ландшафтом». (Что Л. Сасскиндом прямо и декларируется [87]). Это значит, что понятие ландшафта должно преодолеть масштабную ограниченность географических объектов. Причем «космические ландшафты» будут «тянуть» масштаб земного ландшафта вверх по шкале, а «молекулярные ландшафты» – опускать его вниз. Насколько это возможно?

Размерность

Вопрос о размерности объектов географии в целом и ландшафта в частности – старый вопрос. Он возникал в разных эвристических ситуациях. Одной из самых показательных – в советском ландшафтоведении – была полемика между сторонниками индивидуального (регионального) и общего понимания ландшафта. Первые утверждали, что ландшафт жёстко привязан к территории конкретной размерности и эта территория имеет под собой твёрдое основание – морфолитогенную основу, неотектонический блок. Вторые утверждали, что ландшафт нельзя жёстко привязать к какой-то определенной размерности, что размерность ландшафта, как такового, «размазана» по шкале масштаба. Афористично эту мысль выразил один из ведущих советских географов Д.Л. Арманд: «От кочки до географической оболочки – всё ландшафт». Сегодня яростные споры сторонников той и другой точек зрения, имевшие место в отечественном ландшафтоведении в 1950-х – 1970-х годах, выглядят анахронизмом, но проблема размерности ландшафта, ими заостренная, не исчезла, а приобрела новые контексты и качества.

Прежде всего, важен сам принцип: 1) понятие ландшафта метрически универсально и безразмерно; 2) ландшафт всегда «привязан» к определенной размерности; 3) скольжение по размерностям – имманентное свойство ландшафта. Никаких противоречий и взаимоисключений тут нет; такова онтология ландшафта и к ней мы ещё вернемся. Первым соединением в ландшафте размерности и безразмерности теоретически чётко артикулировал, по-видимому, В.С. Преображенский, предложивший его двоякую модель: а) ландшафт любой размерности состоит из одних и тех же компонентов (моносистемная модель); б) ландшафт размерности N состоит из ландшафтов размерности $N - 1$ (полисистемная модель). Хотя эмпирическая констатация того, что «большие ландшафты» состоят из «маленьких ландшафтов», уходит в 1930-1940-е годы отечественной ландшафтоведческой науки (Б.Б. Полынов, Л.Г. Раменский, Н.А. Солнцев).

Сегодня внимание ландшафтоведов к проблеме размерности ландшафта обострилось [60; 108, с. 32]. Модными, можно сказать,

стали исследования физико-географических феноменов (береговых линий, форм рельефа, контурности почвенного покрова и др.) с применением теории фракталов, оперирующей не классическими целостными, а дробными значениями размерностей; необычную интерпретацию, через особенную «топологию матрешек», получила полисистемная модель ландшафта; разработаны полиструктурные, гомотопические схемы организации ландшафта и т.д.

Однако самое интересное в проблеме размерности ландшафта начинается тогда, когда его полимасштабность и полиразмерность переносятся из размерностной вилки «от кочки до географической оболочки» в большие и меньшие диапазоны. «Скольжение» метрики, ограниченное «кочкой» и «географической оболочкой», пролонгируется за пределы и первой и второй. Привычный ландшафт, как таковой, в этом случае, конечно, исчезнет. Но останется та особая ландшафтная логика, которую мы и называем ландшафтностью.

Вокруг кочки велись отчаянные споры: она – географична или нет? размер кочки вкладывается в понятие географичности или не вкладывается? Вопрос, в общем-то, так и не решили, перенаправив его в биогеоценологию (кочка – биогеоценоз), геоморфологию (нанорельеф), микроклиматологию (наноклимат)... За собственно географический же нижний предел ландшафтности был принят ландшафт размерности «фация» (или ПТК¹⁴ ранга «фация»). От фации вверх по шкале масштаба вплоть до ландшафтной оболочки в целом – это всё ландшафты разных размерностей. Феноменологически они воспринимаются человеком по-разному, поэтому ландшафтоведы часто их объединяют в три размерностные группы: топологические, региональные и планетарные – ландшафты, геосистемы или ландшафтные комплексы. Некоторые авторы приуроченность ландшафта к размерности «от кочки до оболочки», или другими словами, к «географической размерности», вводят даже в его определение. Так, Й. Шмитхюзен считал, что «ландшафт представляет собой совокупность свойств участка геосферы в географически допустимом масштабе, воспринимаемого по своему общему характеру, как единство» (цитата по [3, с. 12]).

М. Ронаи для наблюдения, рассмотрения и созерцания «участков геосферы в географически допустимом масштабе» ввел специальный термин: *геоскопия* [119]. Он не очень известен за пределами франкоязычной ландшафтной географии, но, по нашему мнению, заслуживает особого внимания. В первом приближении «геоскопия» указывает на одно очень важное свойство феноменов «географического масштаба»: ***быть наблюдаемыми без помощи оптических приборов***, то есть без обращения к телескопии или микроскопии. Свойство это для географических феноменов настолько важно, что в индивидуальной трактовке ландшафта

наряду с его приуроченностью к неотектоническому блоку, служит, наверное, второй по значимости причиной понимания ландшафта как индивидуума. Особое внимание на это свойство ландшафта в индивидуальной трактовке обращал С.В. Калесник. По существу, ландшафт в сей трактовке для равнинных условий – это такая территориальная целостность, которая идентифицируется без обращения за помощью к каким-либо приборам, усиливающим человеческое зрение, делающим его охватнее, дальновиднее, острее. Несложно понять, что для ландшафта, трактуемого подобным образом, феноменологический момент является принципиальным.

Однако геоскопия несет в себе более мощный методический и гносеологический потенциал, чем только гарантирование феноменологической привязки наблюдаемой территории к *человекомирному* (термин В.В. Кизимы [49]) масштабу. Она способствует феноменологическому «подтягиванию» к человекомирным размерностям наблюдений в любых масштабах. Это замечательное свойство геоскопии – одно из важнейших свойств ландшафтности. Обобщая (и немного огрубляя), можно сказать, что геоскопия, а вслед за ней и её результат – ландшафтность, это ***географический взгляд на мир независимо от размеров этого мира***. Разумеется, при больших и малых размерах миров, нужны приборы, а геоскопия «бесприборна». Но речь в данном случае идет не о процедуре, а о принципе; мы продолжаем смотреть на мир глазами географа, не зависимо от того, пользуемся приборами или нет.

Ландшафт, воспринимаемый, геоскопически, как бы стремится феноменологически подтянуть размерности наблюдений в разных масштабах к одному – к человекомирному масштабу земной реальности. И вот это-то феноменологическое стягивание ландшафтом разных масштабов к одному – геоскопическому и есть один из существенных признаков ландшафтности. С другой стороны, геоскопичность «выводит» ландшафт за пределы географических размерностей. Поэтому нет ничего удивительного, что ландшафтность «уводит» ландшафт и к Космосу и к молекулам.

Миры человекомирного масштаба, географические миры известны как *мезомир* (иногда, что ошибочно, говорят «макро-»). У древних германцев и скандинавов было интересное понятие – «Мидгард»: срединная земля, созданная богами для людей, заселенная ими и отгороженная от иных миров. То что, меньше размерности «мезо-», это *милли-*, *микро-* и *наномиры* (возможно, и «пико-»); то что больше – *макро-*, *мега-* и *гигамиры*. Стягивающая геоскопическая работа ландшафтности, таким образом, будет выглядеть так:

... нано- → микро- → мили- → **мезо-** ← макро- ← мега- ← гига- ...

В своей правой части эта схема – достаточно давняя структура индоевропейского (и не только) мифопоэтического мышления. Карл Риттер в своё время предметом географии объявил фактически Мидгард: Земля как дом человечества; земля, отгороженная от космических миров¹⁵. Но и до него и после географическая мысль всегда уносилась в просторы Космоса. Так, согласно пифагорейцам, как отмечает Н.К. Мукиданов, «небесные сферы должны иметь свое отражение на Земле» [69, с. 18]. Эта древняя идея многократно и на разные лады была повторена географической наукой и стала одним из постулатов общего землеведения, познающего самые общие законы и закономерностей жизни нашей планеты. Под весьма оригинальным углом зрения смотрел на связь Космоса и Земли Демокрит из Абдер. Этот философ был не менее заядлым путешественником, чем Геродот, исходил Египет, Персию, Эфиопию, Индию [35, с. 370]. На дальние странствия Демокрит истратил все свои деньги и по возвращении прозябал в нищете. Но философ «вывез» из них одну необычную, но исключительно элегантную идею, которая наряду с учением об атомах и пустоте обеспечила ему почетное место в пантеоне мыслителей цивилизации – **идею о множественности миров**. Как подчеркивает современный российский философ В.П. Визгин, идея эта родилась именно в процессе дальних странствий: наблюдая разнообразие миров земных, Демокрит пришел к заключению, что такое же разнообразие миров возможно и за пределами Земли [12, с. 53]. Такая точка зрения – это уже нечто большее, нежели констатация влияния Космоса и мироздания на Землю (что, по большому счету, очевидно и даже где-то тривиально), и того влияния (в общем-то, незначительного), которое Земля может физически оказывать на ближайший Космос. Такая точка зрения – это, по существу, перенос географического мировосприятия, географического способа мироинтерпретации на весь остальной Космос; проще говоря – взгляд на Космос глазами географа.

Большую популярность «географическая интерпретация Космоса» приобрела в эпоху Великих географических открытий¹⁶. Связь идей о множественности миров таких мыслителей, как Дж. Бруно, П.А. Мандзоли, Б. Паскаль, Б. Фонтенель и других, с панорамой неведомых стран и земель, открываемых в далеких морях, подробно проанализирована В.П. Визгиным [12]. Свою лепту в космические интенции географии внес Вильгельм Гильберт. Разрабатывая теорию оболочечного строения Земли за полстолетия до Варениуса, этот английский исследователь в метафизическом смысле пошел дальше своего «более географичного» голландского коллеги. Он не ограничился «земноводным кругом», а перенес свои поверхностные, внешние, одушевленные оболочки «шаров» на Солнце и иные планеты: «Все

шары, все светила, а также прославленная Земля с самого начала управляются определенными собственными душами» [18, с. 269]. «Души» же шаров и одушевленные существа концентрируются «только на поверхности шаров» [18, с. 270] (так и хочется сказать «в географической оболочке»).

В. Гильберт был одним из любимых авторов «главного космиста» классической географии – Александра фон Гумбольдта. «Непосредственно носившаяся передо мною идея физического землеописания, – писал он, – расширилась более обширными соображениями, созерцанием всего созданного в земных и небесных пространствах» (цитата по [38, с. 262]). Это было прямое продолжение тянувшегося из античности географического варианта концепции множественности миров. Видение Гумбольдтом этой множественности как «мировых островов» Вселенной, к одному из которых принадлежит Земля [38, с. 280], можно расценивать как интуитивно-географическое предвосхищение современных концепций множественности миров теоретической физикой.

Со смертью А. Гумбольдта (1859) закончился классический период развития географии [34]. Резко пошла на убыль и её космические интенции. В географии набирала силу, а затем стала господствовать идея «дома человечества». Но космизм из постгумбольдтовской географической мысли второй пол. XIX – XX вв. полностью не исчез. В частности, некоторые российские и позже советские географы попадали под влияние таких корифеев философии космизма, как Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, и это влияние было плодотворным. Время от времени географическая мысль уносилась в просторы Вселенной. Так, с проектом астрогографии выступил И.М. Забелин [37]. Десятилетия спустя космические аллюзии проникли в мониторинговую теорию географии А.Ю. Ретеюма: «Часть земных явлений, – писал исследователь в книге с характерным названием «Земные миры», – не охватывается геосистемами, всю природу планеты можно понять, если принимать во внимание существование астрохоронов (разбивка моя – Ю.Т.)» [84, с. 42]. На исходе XX в. о неких космореалах, от которых зависят «геореалы» – земная реальность, говорил В.М. Пашенко [76, с. 38, с. 60–61]. И хотя их интенции не выходили за рамки привычных для общего землеведения констатаций зависимости физико-географических особенностей планеты от факторов космической природы, стремление исследователей найти для выражения космических влияний на Землю новые термины, сформулировать новые понятия и взглянуть на систему «Земля – Космос» под «сверхмезомасштабным» углом зрения, свидетельствует о том, что гумбольдтовский космизм всё упорнее и упорнее «стучится в дверь» современной ландшафтоведческой науки.

Неожиданный космический отрыв от Земли продемонстрировали географы-гуманитарии. Ю.А. Веденин пишет: "Р. Брэдбери, К. Саймак, С. Лем и многие другие писатели начали осваивать Космос, другие Галактики, которые они рассматривали с позиций традиционного страноведения, как географические объекты, обладающие своими специфическими ландшафтами, традиционной и инновационной системой расселения, социальными и экономическими институтами (разбивка моя – Ю.Т.)" [10, с. 22.]. Конечно, речь идет только о географии искусства – в данном случае о произведениях в жанре научной фантастики. Но если мы считаем географию искусства полноправной ветвью географической науки, то и её точку зрения обязаны вводить в круг обсуждения.

Итак, выход за пределы мезоразмерности «земного дома» и оперирование масштабами «макро-», «мега-», «гига-» для географической мысли – вовсе не новость. Многое из того, что мы считаем новым, это, как известно, хорошо забытое старое. Поэтому не будет большим преувеличением сказать, что нынешний *космический ландшафт* астрофизиков – не что иное как возрождение древнейших «космогеографических» идей Пифагора и Демокрита и уж совсем близкого нам космизма А. фон Гумбольдта. Разумеется, это возрождение – на качественно новой основе. Но и в такой форме оно наследует давнюю традицию науки географии, на что физикам не мешало бы и сослаться...

С левой стороны схемы «... нано- → микро- → мили- → **мезо-** ← макро- ← мега- ← гига- ...» ситуация совсем иная. Традиционно и даже совсем нетрадиционно дальше кочки вниз по размерностям географическая мысль никогда не заходила. Первые попытки географического проникновения в микро- и наномиры зафиксированы совсем недавно и связаны с зарождением и развитием *геофизики ландшафта*. Здесь ещё мало собственно ландшафтоведческого эмпирического и эвристического материала, который можно было бы для наглядности проанализировать. Поэтому остановимся пока только на одном – наиболее удачном, по нашему мнению, опыте проникновения ландшафтно-географической мысли в область малых масштабов, – принадлежащем В.Н. Солнцеву.

«На рубеже фации», то есть на уровне пространственных масштабов соответствующих этой элементарной ячейке ландшафтной организации, естествоиспытатели сталкиваются с двумя качественно различными «лика́ми» вещественного субстрата ландшафтных систем, – писал исследователь. – Один «лик» – это компоненты макромира, пространственные размеры которых сопоставимы с размерами ландшафтных систем, а другой «лик» – это компоненты микромира, размеры которых меньше размеров фации. При этом взаимодействие макрокомпонентов создает

качественно новое, не встречающееся на более глубоких уровнях организации природы образование – элементарную ландшафтную систему. Микрокомпонентное взаимодействие, создавая «агрегатно-однородные» ландшафтные компоненты, по видимому, должно отличаться по качеству от собственно ландшафтного взаимодействия. В чем же конкретно заключается качественное различие двух «лик» вещественного субстрата ландшафтов? <...> Понимание физической сущности изменений в характере субстрата «на рубеже фации» дало бы возможность физико-географам либо обосновать полную «передачу» сферы исследований микрокомпонентов другим наукам (геофизике, геохимии, биологии) ввиду неизбежности применения здесь методов и моделей только этих наук, либо **отыскать для изучения микрокомпонентов свои особые методы и модели** (выделено мною – Ю.Т.)» [93, с. 119-120]. Постановка вопроса абсолютно верна, боле того, можно даже говорить о создании «микросубстратного ландшафтоведения» [93, с. 133], однако Солнцеву мешает физикализм и в целом негативное отношение к тому, что он называет «визуальным феноменологизмом» ландшафтной географии, ориентированной на “скоротечные визуальные методы наблюдения и феноменологические способы объяснения” [93, с. 129] явлений макромира (В.Н. Солнцев вместо принятой в настоящей работе размерности «мезо-» использует размерность «макро-»). В самом деле, если специфика микрокомпонентов ландшафта проявляется в масштабах электромагнитных взаимодействий (10^{-3}), а специфика его макрокомпонентов – в масштабе гравитационного взаимодействия (10^{-40}) [92], то феноменологически сравнить «ландшафтные результаты» первых и вторых¹⁷, оставаясь на позициях чистого физикализма, не представляется возможным. Однако такое сравнение становится вполне реальным, если из области физикализма перейти в область ландшафтности, воспользоваться «геоскопической машиной» стягивания масштабов и феноменологически подтянуть размерности «нано-» и «микро-» к размерности «мезо-», на которой и только на которой феноменология становится возможной. В самом первом приближении это будет выглядеть как ландшафтная визуализация микрокомпонентов на уровне макрокомпонентов. Генетика и химия, обращаясь к понятию ландшафта, стихийно проделывают именно такую операцию.

Приводя к размерности «мезо-» объекты разномасштабных миров в ряду «...нано- → микро- → милли- → **мезо-** ← макро- ← мега- ← гига-...», не трудно заметить, что создающая для этой процедуры феноменологические предпосылки и условия ландшафтность, работает как машина. Это и есть настоящая машина, **ландшафтность – это ландшафт, понимаемый как**

машина (рис. 3). Ландшафтность – это онтологическое свойство ландшафта «быть машиной». В простейшем случае – это машина визуализации, но простейшим случаем машинерия ландшафта не исчерпывается.

Рис. 3. Фрагмент рисунка с обложки книги Л. Сасскинда «Космический ландшафт» [87]. Изображена тотальная разноровневая машина.

Машина ландшафтности

Выше уже отмечалось, что неологизм «ландшафтность» был впервые употреблен в романском – французском – варианте, как «пейзажность» (*paysagéité*) [119, с. 132-133]. Не следует думать, что с помощью понятия пейзажности М. Ронаи пытался передавать только какие-то художественные и видовые свойства ландшафта. Просто в большинстве романских языков, как уже говорилось, нет кальки с нем. *landschaft* и в них вместо «ландшафтов»

используются производные от латинского *pāgus*. В понимании Ронаи, пейзажность – это своеобразная *лицевость* территории, сформировавшаяся под влиянием образов и ощущений, даруемых нам искусством (в первую очередь пейзажной живописью и пейзажной лирикой), обусловливаемых мифопозитикой и историческими реминисценциями («локальные мифы», «археология ландшафта»), банальным созерцанием, а также такими прозаическими вещами, как геополитика, региональная политика, управление территорией¹⁸ и т.п. Кроме того, исследователь с помощью понятия пейзажности ставил целью передать такие свойства ландшафтного вида как нечёткость и расплывчатость (*propriété nébuleuse*), которые обуславливаются вариативностью ментальных интерпретаций и восприятий лицевости одной и той же территории разными индивидуумами и группами, в зависимости от суммы, влияющих на них социальных и культурологических факторов, обстоятельств. Нетрудно видеть, что так понимаемая пейзажность укладывалась в рамки того, что мы определили как «пролиферация понятия ландшафта», хотя о пролиферации в середине 1970-х говорить было ещё рано. «Пэйзажэйтэ» Ронаи так и осталось бы скромной ландшафтно-географической категорией *ad hoc* с гуманитарным оттенком, если бы на неё в 1980 году не обратили внимание Ж. Делёз и Ф. Гваттари, использовавшие «пэйзажэйтэ» в трактате «Тысяча плато» – в главе 7 «Год ноль – Лицевость» [30]. Дальше последовали переводы этой работы на основные европейские языки, в которых французский неологизм *paysagéité* тоже надо было как-то передать. В итоге на свет Божий появились такие неологизмы, как английское слово *landscapity* (1987) [115]; немецкое *landschaftlichkeit* (1992) [116]; португальское *paisageidade* (1996) [113]; испанское *paisajidad* (2004) [112]. Есть также переводы на турецкий, чешский, шведский языки. В русском переводе «Тысячи плато», увидевшему свет в 2010 году, переводчиком книги Я.И. Свирским был употреблен прямой неологизм – «пейзажность», поскольку славянские языки, как известно, успешно калькируют и германские «ландшафты» и романские «пейзажи», а потому в замене одного другим, в том числе и в области неологизмов, потребности не возникает. Впрочем, к тому времени слово «ландшафтность» в русскоязычной философской и географической литературе уже употреблялось достаточно широко и независимо от французского первоисточника-неологизма *paysagéité*.

Особый интерес представляет итальянский перевод книги Делёза – Гваттари. Выполнен он был в 2003 году [114]. Никаких неологизмов – аналогов французскому *paysagéité* в нем не оказалось. Теоретически итальянскому переводчику никакого труда не составило бы сконструировать неологизм *paesagginità* – по аналогии и с французским оригиналом, и с его испанским и

португальским дериватами (ведь романские языки близкородственны). Но сделано это не было, и фр. *paysagéité* была переведена нормативными итальянскими словами *paesaggio* («пейзаж») [114, с. 255, с. 270-271, с. 276] и *paesaggistici* («пейзажные») [114, с. 275]. Почему итальянский переводчик не воспользовался неологизмом, как другие? – Вопрос очень интересный, и к нему, по нашему мнению, имеет отношение сам «дух ландшафтности». Я не специалист в области итальянской филологии, но позволю себе сделать следующее предположение. Итальянский язык, в силу, наверное, особой роли Италии в становлении и развитии европейского живописного искусства, имеет несколько более расширенный смысл слова *paesaggio*, нежели иные романские языки в своих «пейзажах». То есть смысл, который вкладывается в понятие «ландшафтность» имплицитно присутствует в ит. *paesaggio* в таком «количестве», что для его артикуляции нет необходимости обращаться к созданию неологизма. По-видимому, в этом случае мы сталкиваемся с тем, о чём говорилось выше, – со скрытыми смыслами «ландшафтности» в слове «ландшафт», а соответственно и с употреблением слова «ландшафт» в смысле «ландшафтность».

Так каков же смысл «ландшафтности» / «пейзажности» у мэтров французского постструктурализма Жилья Делёза и Феликса Гваттари? – Неологизмом из «Тысячи плато» они обозначили **нетривиальную смыслообразующую машину лицевости.**

Концепцию машины, или лучше сказать, *м а ш и н е р и и*, философы продуктивно использовали ещё в первом томе «Капитализма и шизофрении» – в трактате «Антиэдип»¹⁹ [32]. Они опирались на некоторые идеи английского писателя второй пол. XX в. Сэмюэла Батлера. В банальном смысле машина – некий получающий энергию извне целостный объект, состоящий из деталей, и тем или иным образом функционирующий и продуцирующий какие-то вторичные объекты. Более абстрактно – машина это функция, репрезентируемая собственным функционированием. В «Антиэдипе» Делёз и Гваттари, во-первых, пролонгировали свойства машины на любые объекты; во-вторых, отождествили в машине часть и целое (уйдя от их традиционной и популярной диалектической оппозиции); в-третьих, смешали в машине её «функционирование и формирование, использование и монтаж, продукт и продуцирование» [32, с. 292], то есть фактически отождествили в машине её конституирование и функционирование, саму машину и её продукт (что соответствует тринадцатому свойству концепта – см. выше).

Такому пониманию машины в ландшафтоведении есть прямое соответствие: ландшафт в общей трактовке. Свойствами машины обладает уже физико-географический процесс А.А. Григорьева²⁰. Признаки машинерии имеет метод балансов Д.Л.

Арманда. Модели функционирования биогеоценоза Ю.П. Бялловича [7] и ландшафта Н.Л. Беручашвили [5], не просто имеют признаки машины, а выглядят самыми настоящими машинами. Если взять геохимию ландшафта, то машинами предстанут потоки и трансформации вещества в разно-ранговых (вложенных друг в друга) ландшафтно-геохимических сопряжениях [19]. К такому выводу не трудно прийти, если задаться простым вопросом: откуда в ландшафт поступает вещество и куда оно уходит из ландшафта? Ответ несколько необычен: приходит из ландшафта и уходит в ландшафт же. Возьмем, например, катену. Пусть она – урочище или подурочище. Тогда мы можем сказать, что вещество в урочище приходит из местности и уходит в местность же. Но и урочище и местность – одно и то же: ПТК, ландшафт – в общем понимании. Поэтому мы не можем увидеть в катене столь привычные для системного подхода «вход» и «выход» вещества. Она предстанет перед нами как некий его круговорот²¹, самовоспроизводящийся в ландшафте-ПТК, или, говоря словами Делёза – Гваттари, как «тождество продукта и продуцирования». Удобная и привычная диалектика части и целого, внешнего и внутреннего в ландшафт-машине начинает «пробуксовывать». Правда, когда мы доходим до пределов «географической размерности» уровня ландшафтной оболочки (верхний предел) или фации / кочки (нижний предел), «вход» и «выход» снова дают о себе знать. Считается, что в ландшафтную оболочку «всякая всячина» в х о д и т из Космоса: энергия, поля, звездная пыль, метеориты, межпланетные микробы, НЛО, ангелы и др. Это «вход» в систему «ландшафт». С «выходом» сложнее. Часть «всячины» возвращается обратно в Космос (эффективное излучение, диссипация атмосферы, те же ракеты и спутники, замусоривающие ближний космос); другая часть уходит в недра Земли (метаморфизация осадочных пород, захоронение ОЯТ); а третья – переходит в разного рода химические, супрахимические, микробиологические модификации: она не покидает ландшафт, но резко уменьшается в размерности (из «мезо-» или «макро-» переходит в «милли-» или «микро-»). Если последовательно придерживаться «географической размерности», то работу ландшафтной машины на её нижнем и верхнем масштабных уровнях следовало бы остановить. Но сама идея ландшафтной машины не позволяет этого сделать. Эта **машина должна работать на всех без исключения уровнях размерности**²², или же не работать вообще. Если ландшафтная машина работает только на уровне «мезо-» (или «макро-»), то она, в сущности, не нужна, можно обойтись куда более привычной, удобной и методически «покладистой» категорией – категорией системы (*геосистемы*). Поэтому, вводя понятие ландшафтной машины – как одного из сущностных признаков ландшафтности, логичным и онтологически правильным шагом будет пролонгация

её работы в области размерностей, с одной стороны «мега-» и «гига-», с другой – «микро-» и «нано-». Иначе это понятие окажется бесполезным и принципиально мало чем отличающимся от понятия системы. Таким образом, мы можем определить ландшафтную машину, как нечто, что движется по уровням онтологических размерностей²³ и масштабам восприятия, и, независимо от того, на каком уровне находится, воспроизводит один и тот же эпистемологический продукт-результат – ландшафт-функтив. Понимание ландшафта как машины – один из центральных моментов ландшафтности.

В контексте ландшафтности учение о машине углубляется и развивается во втором томе «Капитализма и шизофрении» – в «Тысяче плато»²⁴. Понятие машины расширяется: из констатации существования и действия некоего пульсирующего анонимного переплетение сил и траекторий не неком «теле без органов» (выражение авторов), оно трансформируется в **вид, порождающий функцию**. Такую машину Делёз и Гваттари называют *машинной лицевости*. Заметим, что у Ронаи присутствует такой элемент трактовки ландшафтности-пейзажизма, как «лицо родины или нации»: именно на него ссылаются Делёз и Гваттари, заимствуя неологизм у географа [30, с. 297]. Можно также вспомнить, что ландшафтовед В.Н. Солнцев указывал на «качественно различные лики вещественного субстрата ландшафтных систем», имея в виду то, как визуально («лицево») ландшафт репрезентируется микро- и макросубстратными компонентами [93].

Ж. Делёз и Ф. Гваттари идут дальше и наделяют лицо (территории, ландшафта, просто лицо) совсем уже необычными свойствами. За лицом не скрывается что-то предметное, как мы к тому привыкли. Нечто предметное имеет лицо a priori и ни в какой дополнительной лицевости не нуждается. Машина лицевости сама порождает предметность – так, как «просто» машина порождает функциональность. Причем порождение это осуществляется не путем замены диспозиции «машина → лицо» на «лицо → машина», а путем смены вектора: «машина ← лицо».

То, лицо чего есть, обладает свойством субъективности. А поскольку машина лицевости способна «опейзаживать весь мир и все среды» [30, с. 299], ею субъективизируется и индивидуализируется всё и вся. Индивидуум на уровне размерности «микро-» – то же самое, что и индивидуум на уровне «мега-». Одни лица мы видим, другие сливаются для нас в сплошное гиле «объекта». Но то, что слитность лиц в «мощности континуума» для нас феноменологически неразличима, ещё не значит, что лица потеряли различимость в принципе. Пейзажизма – внемерно. Как ландшафт в общей трактовке. Если мы не признаём ландшафтом, то, что порождается лицом за пределами размерности «мезо-», то это – проблема метода, а не факт

онтологии. Таков главный ландшафтный результат работы машины лицевого. Но не единственный.

Индивид имеет тело. Субъективность, если уровень её размерности не уровень мельчайшего неделимого – первичной географичности (см. сноску «23»), всегда сопряжена с телом. Если субъективности нет, то можно говорить о веществе, энергии, информации, даже о вещи и предмете, но не о теле. С другой стороны, тело, телесность как бы подстраховывают категорию «пейзажэитэ» от тривиального сведения к видимости нами, к тривиально-картинной изображённости пейзажа. Хотя Ж. Делёз и Ф. Гваттари в силу особенностей романской речи и пользуются словом «пейзажэитэ», речь идет отнюдь не о привычном пейзаже и пейзажности! Их пейзажэитэ, очерчиваемая «линией пейзажности», суть именно ландшафтность, а та якобы пейзажность, которая суть привычная картинность, очерчивается ими совсем иной линией – «линией живописности» [30, с. 304]. В конечном счете, **ландшафт – это тело рожаемое видом**. Мы привыкли к «наоборот». Но вся эта непростая постструктуралистская диалектика ландшафтности нам для того и понадобилась, чтобы конституировать ландшафт именно так: «тело рожаемое видом»²⁵.

Насколько методологически эффективным может быть смена вектора с «машина → лицо» на «машина ← лицо» и сколь продуктивными могут оказаться порождаемые в результате этого модели, ясно не до конца. Но первое важное свидетельство того, что они эвристически и дескриптивно востребованы и эффективны, мы уже имеем. Это использование модели или категории «ландшафт» в точных науках. Метафорическое мышление для точных наук, подчеркнем ещё раз, не характерно. Поэтому объяснить их обращение к «ландшафту» стремлением жонглировать понятием ландшафта, как метафорой, мы вряд ли сможем. Думается, что всё сложнее.

Выше говорилось, что супрахимия / генетика и математическая физика / астрофизика обращаются к понятию ландшафта, когда сталкиваются с необходимостью объяснять сложностные феномены, когда работают в областях очень больших чисел, когда возникает потребность в имманентно визуальных или визуализирующих моделях. Л. Сасскинд, как мы помним, объявлял ландшафт даже «математической реальностью». Но это всё – только надводная часть гносеологического айсберга по имени «ландшафт», плавающего в прохладно-беспристрастных морях точных наук. Когда машинная концепция ландшафтности предлагает рассматривать ландшафт как тело, порождаемое видом, нам, по существу, предоставляется очень и очень своеобразная модель, которую в области сверхсложности и больших чисел можно продуктивно использовать для разного рода объяснений, представлений, описаний, выражений, репрезентаций

и т.д. Возникает закономерный вопрос: а почему именно модель «ландшафт»? почему не какая-нибудь другая? Ведь эвристическая мощь и дескриптивные возможности разных не ландшафтных моделей современных естественных наук и в особенности математики, как метанауки, – ещё те! В этом вопросе мы сейчас и попытаемся разобраться.

Ландшафт как предельная множественная модель

Переформулируем его следующим образом: как будут изменяться эвристические и дескриптивные возможности моделей множественной (теоретико-множественной) природы в процессе объяснения феноменов окружающего мира, рассматриваемого как ландшафт, по мере того, как структура (организация) модели «ландшафт» будет усложняться? Возрастание сложности организацию ландшафта рассмотрим в таком порядке: элементы ландшафта (элементный уровень организации) – геомассы (типологический уровень) – геокомпоненты (термодинамический) – собственно ландшафт (комплексный). Выбор из всего разнообразия математических моделей теоретико-множественных продиктован двумя обстоятельствами. Во-первых, теоретико-множественные – одни из самых фундаментальных математических моделей; при их использовании и анализе постоянно приходится обращаться не только к гносеологическим, но и онтологическим основаниям математики, что для наших целей будет далеко небесполезным. Во-вторых, глядя на выше приводившиеся «заоблачные» цифры и величины, подталкивавшие физиков, химиков, генетиков к использованию модели «ландшафт», не трудно понять, что речь идет об очень больших множествах – настолько больших и трудно представимых, что для их осмысления и репрезентации дискурсивных, математических моделей уже не хватает, и возникает нужда в моделях иного рода. Такой моделью *иного рода* и является модель «ландшафт». Рассматриваемая так, она, по существу, оказывается предельной моделью – предельной для теоретико-множественного дискурса как такового. То есть на модели «ландшафт» он в своих эвристических возможностях останавливается и дальше моделировать какие-либо феномены бытия, опираясь на понятия и принципы теории множеств (с её дериватами типа теории категорий), не представляется возможным. Такова рабочая гипотеза. Теперь шаг за шагом рассмотрим, как модель «ландшафт» превращается в предел теоретико-множественного дискурса.

Элементы ландшафта и элементы множества. Понятие *элемента* является исходным и для теории множеств и для ландшафтоведения, но и там и там оно определяется и артикулируется неудовлетворительно (а некоторые географы,

говоря об элементах ландшафта, вообще это слово берут в кавычки [24, с. 49]). В теории множеств (**ТМ**) базовыми понятиями считаются понятия *множества* и *принадлежности*, но сразу же оговаривается, что «множество – это то, что имеет элементы, или <...> состоит из элементов» [8, с. 12]. При этом, если термины (понятия) «множество» и «принадлежность» в ТМ объясняются и формализуются более или менее удовлетворительно, то понятие «элемент» подразумевается как бы само собой, что в контексте строгости, характерной для математического мышления, выглядит несколько странным. В ландшафтоведении кондиционного определения «элемента» тоже нет, хотя именно элементы ландшафта – это то непосредственное, с помощью и на основе чего мы физически воспринимаем и идентифицируем ландшафт – визуально, тактильно, акустически. Элементы – это также тот фактический, базовый, низший уровень ландшафтной организации, без опоры на который невозможно конституировать ландшафт как феномен, а значит и как модель. Элемент не несет в себе абстрактности, он очевиден, в то время как все последующие «кирпичики» и «блоки» ландшафтной организации – геомасса, геогоризонт, геокомпонент – это уже в той или иной мере продукты и идеализации, абстрагирования.

Хотя элемент и чужд абстрактности, он не лишен её совсем. Дело в том, что, согласно этимологии самого слова, смысл понятия «элемент» органически сопряжен со смыслом понятия *упорядоченности*. На первый взгляд, это не очевидно, но это так. Как показала известный российский специалист по античной филологии О.Б. Федотова, латинское слово «*elementum*» и его древнегреческий аналог «*στοιχεῖον*» изначально обозначали не просто единичные части чего-либо, а такие части-частицы, которые упорядочены по какому-то закону. В древнегреческом языке «слово «*στοιχεῖον*» обозначает один из объектов, расположенных в ряд, в определенном порядке или последовательности <...> Однокоренное слово «*στοιχός*» обозначает «ряд», в том числе «военный строй», а «*στοιχεῖον*» могло употребляться в значении «воин в строю», ср. русское «рядовой»» [101, с. 20].

Математических трактовок элемента давать не будем – это за пределами компетенции автора. Подчеркнем только три свойства элемента, которые известны (доказаны или постулированы) в ТМ и будут важны для дальнейших рассуждений: а) понятие элемента органично связано с понятием упорядоченности; б) элементы могут быть иерархически соподчинены по схеме «элемент» – «элемент элемента» – «элемент элемента элемента» и т.д. (в ТМ такое соподчинение называют *глубиной вхождения*); в) множество может трактоваться как элемент другого более крупного множества (согласно так называемой аксиоме подстановки [8, с. 53]). Однако условие «в»

соблюдается только до определенного предела, об этом – ниже. Что касается понятия «элемент ландшафта», то определим его так: э л е м е н т л а н д ш а ф т а – это визуально, тактильно, акустически различимая (по Э. Неефу, «измеримая» [73, с. 19]) единичная (отдельная) и целостная его часть, состоящая или не состоящая из других различных частей.

Говоря об элементном уровне организации ландшафта, важно понимать и помнить, что это её феноменологически первичный уровень – свободный от родовых понятий («платоновских идей») и идеальных обобщений, выражающихся с помощью какого бы то ни было категориального аппарата. Более того, ландшафтные элементы способны онтологически и экзистенциально «приземлять» высокие теоретико-множественные абстракции, некоторые из которых, если их, как это делается в математике, принимать а priori, не имеют никаких реальных соответствий в окружающем мире. Одними из наиболее важных таких абстракций ТМ являются понятия *актуальной бесконечности* и *пустого множества*.

По отношению к понятию актуальной бесконечности (бесконечности как данности), математиков можно условно разделить на три группы: а) приветствующие это понятие и считающие его, а также понятие *трансфинитного числа*, главным эпистемологическим и методическим достижением классической ТМ; б) относящиеся к бесконечности скептически на том основании, что этому понятию нет ни онтологических, ни феноменологических соответствий (коррелянт) в объективной реальности; в) переводящие актуальную бесконечность в сферу чистого конструктивизма и символики, ограничиваясь тем самым областью самодостаточной формальности. Четвертый путь понимания актуальной бесконечности – ландшафтный. Он прост: количество любых элементов любого ландшафта всегда конечно, но в общем случае до него досчитаться невозможно. Понятие бесконечного таким образом отождествляется с понятием *невозможного*. Отсюда трансфинитное число – это наименьшее число, до которого невозможно досчитаться ни при каких условиях. Оно объективно существует, оно ёсть, но назвать, определить, обозначить его в принципе нельзя. При этом не следует путать счёт с приближительной оценкой²⁶.

Условия, из-за которых конечное количество ландшафтных элементов в общем случае является несчетным, имеют экзистенциальную и физическую – динамическую природу. Первая состоит в том, что человеку или машине, осуществляющим процесс счета, просто не хватит жизни или амортизационного ресурса, чтобы завершить его. Вторая обусловлена тем, что пока длится пересчет элементов, их количество во множестве будет более или менее быстро меняться, а значит, до изначально имевшегося числа

элементов досчитаться не получится. И предпосылкой и результатом ландшафтного «перевода» бесконечного в невозможное является проникновение в теоретико-множественный дискурс *экзистенции* или экзистенциального момента. Это принципиально. Обычно математика избегает каких бы то ни было апеллаций к экзистенции и экзистенциальной аргументации, её интересуют сущности, а не существования. Математические операции осуществляет некий голем. Однако в случае модели «ландшафт» и теоретико-множественного рассуждения в контексте именно этой модели избежать контакта математического дискурса с экзистенцией не удаётся. Человек и машина, как будет показано ниже, тоже являются составными частями ландшафта, поэтому абстрагироваться от них, а значит и от их существования невозможно. Из-за этой специфической обратной связи, при рассуждениях об актуальной бесконечности в ландшафте, реального – экзистенциально реального субъекта эту бесконечность «считающего» не принимать во внимание нельзя. Здесь мы сталкиваемся с онтологическим ограничением экзистенциальной природы, которое модель «ландшафт» налагает на теоретико-множественный дискурс, с ограничением, от которого ни методическими приемами, ни философскими способами избавиться нельзя ни при каких условиях.

Впрочем, нужно отдать должное полёту математической мысли: она далеко не всегда и стремится абстрагироваться от экзистенции и следующей за ней феноменологии. В некоторых вариантах теории множеств эти моменты пытаются учитывать – насколько эффективно, с точки зрения математики, судить не берусь, но факт имеет место. Так, чешский специалист по теории множеств Петр Вopenка те множества, которые невозможно полностью идентифицировать феноменологически, перечесть физически, назвал *полумножествами*. Он писал: “Бесконечность вносится в нашу теорию с помощью полумножеств. Однако этот вид бесконечности отличен от актуальной бесконечности в канторовском смысле. Наша бесконечность есть феномен, который встречается при наблюдении больших множеств. Она проявляется в отсутствии лёгкой возможности обозрения, в невозможности для нас охватить множество всё целиком” [14, с. 37]. Грубо говоря, если множество оканчивается не конкретным количеством, а некоей зоной смутности, в и за которой непонятно, сколько ещё элементов «осталось», и эти «в» и «за» нельзя формализовать, то такое множество будет полумножеством. На этом основании Вopenка объявляет все канторовские множества конечными, а понятие бесконечного множества отождествляет с понятием полумножества. Нетрудно видеть, что **на рассматриваемом нами элементном уровне организации ландшафт** в общем случае **является типичным полумножеством**.

Полумножество не следует путать с понятием *нечёткого множества*, пользующегося популярностью у некоторых ландшафтоведов [24, с. 416-427]. В полномножестве факт принадлежности элемента множеству под сомнение не ставится, утверждается только феноменологическая невозможность однозначной фиксации этого факта. В нечётком множестве, наоборот, факт принадлежности элемента множеству ставится под сомнение и фундаментальная категория теоретико-множественного дискурса – принадлежность начинает моделироваться и репрезентироваться с помощью вероятностной по своей природе функции – функции принадлежности [55]. Тем самым понятие принадлежности из разряда фундаментальных переводится в разряд вторичных и конституция множества ставится в зависимость от вероятности. У специалистов в области ТМ нечеткие множества не вызывают особого восторга, отношение к ним довольно скептическое [8, с. 62]. Ландшафтоведение должно солидаризироваться с такой позицией. Сама постановка вопроса о том, входит ли элемент ландшафта в ландшафт, лишена смысла. Никаких вероятностей принадлежности элемента ландшафта ландшафту нет. Говорить можно только о том, какому ландшафту принадлежит элемент, да о времени или периоде, на протяжении которого эта принадлежность имеет место. Последнее хорошо описывается в рамках учения о функционировании и динамике ландшафта.

Ещё одна математическая абстракция, которая разбивается о реальность ландшафта, именуется *пустым множеством*, то есть таким, которое не содержит элементов. В классических вариантах ТМ существование пустого множества «обосновывается» волонтаристски – специальной аксиомой существования пустого множества. Когда же пытаются объяснить, что суть «пустое множество», обращаясь к силлогизмам, то апеллируют к чему угодно, вплоть до «множества летающих крокодилов» [111, с. 4], только не к объективной реальности вообще и ландшафта в частности. Думаю, ландшафтоведа, да и любого среднестатистического гражданина, не нужно убеждать в том, что в ландшафте никаких пустот нет, поэтому способы построения моделей, использующие понятие пустого множества, для модели «ландшафт» просто бесполезны.

Скажем также несколько слов о таком понятии ТМ, как *гипермножество*: в отличие от пустого множества, для ландшафтоведения оно важно. Гипермножества образуются при исключении из системы Цермело – Френкеля так называемой аксиомы регулярности и добавлении к ней некоей аксиомы антифундирования. Математически и философски эта схема выглядит довольно замысловатой, но эвристическую суть её не трудно уловить из рис. 4.

Рис. 4. Глубины вхождения элементов во множество на первых пяти уровнях иерархии фон Неймана (от V_0 до V_4 притом, что V_0 – «пустое множество»). Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Универсум_фон_Неймана).

Элементы гипермножества образуются не только путем охвата предметности окружающего мира, но и путем углубления в эту предметность по упоминавшейся выше схеме «глубина вхождения» – с привлечением понятия класса и/или при изменении масштаба рассмотрения предметности. «Если обычная канторовская теория множеств изучает экстенсивную бесконечность, уходящую вширь, теория гипермножеств добавляет к ней ещё и интенсивную бесконечность, уходящую вглубь», – говорят современные математики [8, с. 61]. Попутно заметим, что гипермножества – очень хорошая иллюстрация того, как быстро бесконечность может быть трансформирована в невозможность. Если пример с рис. 4 продолжить до V_5 , то количество элементов возрастет до 65536-ти, а на следующем уровне глубины вхождения (V_6) их будет уже 2^{65536} . Области столь больших, хотя и вполне конкретных, величин – это и есть области невозможного.

Важнейшим результатом, который можно получить, рассматривая организацию ландшафта на элементарном уровне, является тот, что множество обуславливает возникновение категории пространства. Выше мы говорили, что категории ландшафта и пространства должны быть онтологически паритетными, и «забегая наперед» писали, что эта паритетность возможна при «посредничестве» особого медиатора – множества. Действительно, на элементарном уровне организации мы можем интерпретировать множество как совокупность элементов ландшафта. Но, с другой стороны, то же множество можно понимать, как предпосылку-требование пространства, поскольку **элементы, любые элементы, даже один элемент – должны где-то размещаться**. Вот это-то долженствование, требование «где-то» и порождают онтологию «пространство», если онтологию «множество» принять за первичную (а в канонической теории множеств системы Цермело – Френкеля – напомним – есть только два первичных понятия – «множество» и

«принадлежность»). Очевидно, речь в таком случае должна идти ни о чём ином, как о пространство-вместилище Ньютона или даже о пустоте Левкиппа – Демокрита. Независимость порождения категорий «ландшафт» (пока только на элементарном уровне) и «пространство» категорией «множество» и создает предпосылку к паритетности этих категорий. Попутно заметим, что где-то размещаться должны не только физические элементы множеств, но и символы, формы и знаки, элементам приписываемые, или элементы обозначающие, или даже просто воображаемые, мыслимые, постулируемые «на голом месте» (этот расхожий идиоматизм в данном случае перестает быть идиоматизмом). Так, своего места для размещения требуют *кардинальные числа*, с помощью которых математики выражают *мощности* множеств.

Типологические совокупности в ландшафте. На более высоких уровнях абстрагирования получить множество из элементов с помощью «простой» феноменологии уже сложно. Приходится обращаться к тем или иным умственным операциям, идеальным обобщениям («платоновским идеям»), умозрительным конструкциям и т.п. Математики даже различают так называемую наивную теорию множеств, обращающуюся к наиболее очевидным способам обобщения предметности во множества, и более сложные её варианты (аксиоматическую, альтернативную и др.), требующие немалого напряжения воображения.

В контексте организации ландшафта рассмотрим два способа образования сложных, идеализированных, отрывающихся от простой феноменологической рефлексии способа образования совокупностей. Первый – тот, что использует так называемую аксиому выбора (**AB**). Второй – тот, что в явном или неявном виде апеллирует к имманентному свойству элемента быть «одним в ряду», к тому потенциалу упорядоченности, который онтологически свойствен элементу. В каноническом варианте ТМ есть специальная теорема Цермело, гласящая, что “для каждого множества существует отношение, вполне упорядочивающее его” [61, с. 263]. Наиболее просто упорядочивание множества осуществляется нумерацией его элементов натуральными числами. Такое множество называется вполне упорядоченным. Однако в любом множестве элементов ландшафта, да и в математическом множестве тоже, самих по себе первого и второго элементов нет. Они могут появиться только, если к элементам множества применить какой-либо критерий сравнения и соподчинения, сориентированный тем или иным образом: слева-справа, меньший-большой, тише-громче и т.п., Затем, согласно оговоренному правилу, каждое значение критерия приписывается тому или иному элементу и фиксируется определенным индексом – натуральным числом²⁷. В то же время, согласно своей онтологической природе, все элементы ландшафта обладают «сами по себе» теми или

иными признаками, свойствами, качествами, которые можно рассматривать как типобразующие. Они могут быть более или менее общими, но, как правило, элементы ландшафта по ним легко узнаются, идентифицируются и объединяются в соответствующие совокупности-типы. Известный философ А.Ф. Лосев – автор фундаментального труда «Диалектические основы математики» даже считал, что “всякое множество принципиально содержит в себе свой тип” [65, с. 231].

В ландшафтоведении взгляд на множества ландшафтных элементов как на типологические совокупности или общности порождает абстракцию, названную *геомассой*. А в теории множеств разработана специальная *теория типов*. Она считается “одной из наиболее естественных систем теории множеств (разбивка моя – Ю.Т.)”, определяющаяся “скорее через некоторое семейство структур, чем с помощью семейства аксиом” [109, с. 135]. Геомасса по Н.Л. Беручашвили “это собирательное, общее название всех элементов, обладающих теми свойствами, которые были признаны необходимыми для их выделения” [4, с. 47]. На низовых уровнях обобщения на основе типобразующих свойств элементов геомассы выделяются без особого труда. Но на каком-то уровне обобщения (на каком именно, в общем случае пока не до конца ясно), в качестве элементов приходится принимать уже ранее созданные довольно большие по мощности типологические совокупности геомасс²⁸. С позиций ТМ, принципиальных препятствий к этому нет, так как возможность заменять элемент множества меньшим по мощности множеством разрешается аксиомой подстановки. Однако до каких пор такие подстановки имеют смысл делать? в каких разумных границах они обладают эвристической ценностью?²⁹ На этот вопрос вразумительного ответа не дается, но интуитивно очевидно, что если подмножество множества имеет достаточно большую мощность, то называть его элементом этого множества уже как то «неприлично». Для подобных случаев разработан другой вариант теории множеств – системы Гёделя – Бернаиса. Наряду с понятиями принадлежности и множества, она содержит ещё одно исходное понятие – *класса*. Класс, по определению П.Дж. Козна, “это «коллекция» всех множеств x , обладающих некоторым свойством $A(x)$ ” [56, с. 91]. Очевидно, добавляя к типологической организации геомасс (на «верхних этажах») понятие класса, мы усложняем множественную организацию ландшафта. Можно также вспомнить о гипермножествах с их глубинами вхождения. Можно к множествам подойти генетически, или естественноисторически. Генетический подход в совокупности с гипермножествами сразу же даст нам *естественную систему* (минералов, горных пород, почв, живых организмов и т.д.). Теория типов, как указывалось выше, некоторыми математиками считается «наиболее естественным

вариантом теории множеств». Упорядочить всё это и элементное и предметно-типологическое разнообразие ландшафта, одновременно упорядочивая и сами способы упорядочивания, очевидно, далеко не просто. Это нетривиальная задача.

Все множества, которые тем или иным способом образуются на элементном уровне организации ландшафта вплоть до типологического соединения элементов в геомассы разных степеней обобщения, назовем *ландшафтными множествами*. Эти множества продолжают формировать пространство – теперь уже релятивное / реляционное (термины Д. Харвея [107, с. 16]). То есть пространство-вместилище, пространство-пустота, порожденное множеством рефлексивно-феноменологически без обращения к идеальной операции типизации, трансформируется в пространство-отношение – именно то, которое географы признают и любят (к пространству-вместилищу они симпатии не питают). А.Ф. Лосев – знаток древнегреческой филологии и этимологии, анализируя употребление понятия типа в теории множеств, подчеркивает, что хотя в общем случае «тип» равносителен термину «вид» или «род», ему в этой теории явно или скрытно придается другой смысл. Подобно тому, как изначальный смысл слова «элемент» несет в себе в свернутом виде категорию порядка («один в строю»), посконное значение слова «тип» имплицитно содержит в себе указание на визуальность и визуализируемость, или, как говорит сам Лосев, на фигурность множества и даже числа. ««Тип», – писал философ, – от греческого глагола *τύπτω* – «бью», «выбиваю»; «тип» – то, что выбито, высечено, – например, барельеф. В теории множеств тип есть наглядно данная фигурность числа (кардинального – Ю.Т.)» [65, с. 230]. Здесь не лишне вспомнить о том, что, как свидетельствовал Ф. Клейн [65, с. 168], «отец» теории множеств Георг Кантор хотел достичь в ней «истинного слияния арифметики и геометрии». В одной из своих работ, посвященной так называемым *порядковым типам*, Кантор писал: «Содержащиеся в нем (в порядковом типе – Ю.Т.) понятийно различные единицы образуют материю, тогда как существующий между ними порядок соответствует форме» [45, с. 270]. Выбитость, высеченность, барельефность, фигурность типа – всё то, чем является нам пространство в своей «реляционности», образуется уже не любыми элементами, в т.ч. и полностью абстрактными, а реальными элементами с реальными физическими свойствами, увиденными и интерпретированными как типобразующие признаки. Эта реальность идеально организована по «родовым понятиям» – типам, то есть она типологически оформлена в множествах, полумножествах, гипермножествах и в нашем языке для неё есть хорошее слово французского происхождения – *пейзаж*. Или, более конкретно, элементы пейзажа: косяк рыб, клин журавлей, багряная листва,

хаотическое нагромождение камней – курум, перистая или кучевая облачность, застывшая ветровая рябь на песчаной поверхности дюны или играющая, мимолетная на озерной глади и т.д.

Хотя географы и придерживаются пространства, как соотношения локализованных в *местах* совокупностей вещей, предметов, процессов и пр., и не любят пространства-вместилища, противопоставление этих двух онтологий по имени «пространство» выглядит во многом искусственным. Обе онтологии являются дериватами от множества – только на разных уровнях их организации: на низовом рефлексивно-феноменологическом, не апеллирующем к «идеям», и на более сложном – с помощью идей формирующемся, а также **выделяющемся** и **различающемся** как множества ландшафтные, как геомассы.

Конечным пунктом типологического обобщения элементов – уже собранных в геомассы на разных уровнях обобщения, является хорошо известный всем географам объект, который мы называем *геокомпонентом* (ландшафтным компонентом)³⁰. Что это такое, знает любой географ, но кто его – геокомпонент видел? Мы видим только элементы ландшафта – сами по себе («вразброс»), или сложно организованные, замысловато соподчиненные, собранные тем или иным способом в типологические совокупности – геомассы. Схватывая последние одним взглядом (не вдаваясь в элементную «анатомию»), мы видим то, что имманентно выбито и высечено на множествах-типах, и называем это пейзажем (или частями пейзажа). А где же геокомпоненты? На схемках и рисунках в учебниках по физической географии и всё? Визуально их, как таковых, нет. Геокомпонент – продукт достаточно высокого уровня абстрагирования, своеобразный и очень важный эпистемологический результат финального соединения классов-геомасс по **н е м н о г о ч и с л е н н ы м** типобразующим признакам высокой степени общности; геокомпонент – *предельный термодинамический тип*. Геокомпонент – продукт теоретико-множественной идеализации. И ничего страшного в этом нет. Для ТМ такая ситуация стандартна (чем сложнее организовано множество, чем больше его мощность, тем сложнее его изобразить), а для геокомпонентов в сущности уже и не важна: способы и свойства их организации со способами и свойствами организации математических множеств начинают расходиться принципиально.

Предельная модель. Впрочем, если быть точным, важные расхождения между множественной логикой ландшафтной и математической моделей начались уже на элементарном уровне организации. Констатировать, что в общем случае, невозможно сосчитать элементы ландшафта, мы обратились к понятию экзистенции и в итоге получили формально «рыхлые» полумножества. Обратившись к скользящему масштабу, мы

получили «катастрофически» быстро растущие гипермножества. Выдвинув требование о том, что элементы должны где-то располагаться, мы получили пространство. Но на элементарном уровне математика с такими гносеологическими и методическими неожиданностями более или менее успешно справляется (например, обращаясь к альтернативной теории множеств П. Вopenки или ультраминализму А.С. Есенина-Вольпина, У.О. Куайна). В случае же множественного понимания геокомпонента ситуация из-под математического «контроля» выходит и становится гносеологически и методически «драматической».

Первый акт «драмы»: перестает работать аксиома выбора, причем именно в тех областях, где она наиболее необходима – в областях очень больших мощностей и сложных правил упорядочивания множеств. Аксиома выбора – одна из центральных и наиболее дискуссионных в ТМ. Формулируют её по-разному, порой нарочито замысловато, но суть аксиомы уловить не сложно: если из разных множеств выбрать по элементу и соединить, то получится снова множество (рис. 5).

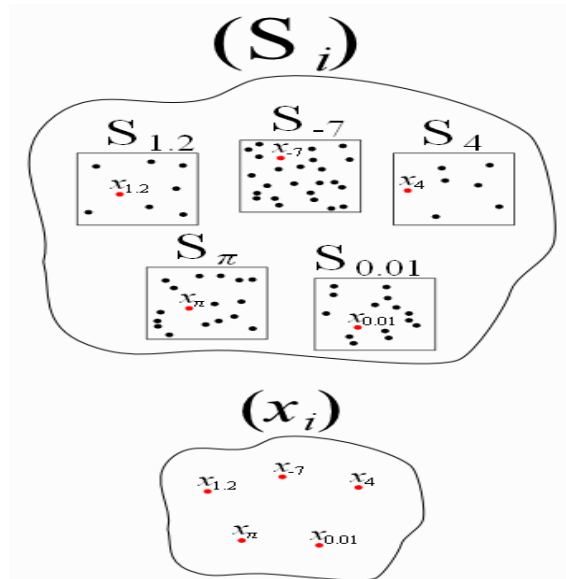

Рис. 5. Иллюстрация «работы» аксиомы выбора. Есть пять множеств S , из которых выбираются элементы-числа, соединяемые затем в новое множество x . Не сложно заметить, что выбираемые числа разнотипны и/или разномасштабны. Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Аксиома_выбора.

Следует помнить, что в аксиоме содержится два существенно разных утверждения: о выборе, и о соединении. Выдающиеся математики XX в. К. Гёдель и П.Дж. Коэн доказали, что аксиоме выбора невозможно ни опровергнуть ни доказать

В аспекте «выбор» АВ хорошо работает на элементарном уровне: из ландшафта до определённого момента можно выбирать любые элементы без разрушения самого ландшафта. Правда, получить затем из произвольно выбранных элементов эвристически ценные множества будет проблематично. На уровне геомасс, или ландшафтных множеств, АВ работает с «переменным успехом». В отдельных случаях, как правило, на низших уровнях типологического обобщения геомасс, из ландшафта ту или иную геомассу можно полностью выбрать, ландшафт не разрушая. Функционирование ландшафта вообще может происходить при перманентном выборе геомасс естественным путем (листопад, например, или снеготаяние). Соединение геомасс или ландшафтных множеств в классы – тоже возможно, такие соединения называют *геогоризонтами*. Но, опять же, «в отдельных случаях», то есть не в каких угодно комбинациях и сочетаниях.

Применяя АВ на уровнях элементарной и геомассовой организации ландшафта, мы можем и не обращаться к внутренней предрасположенности элементов к порядку («один в ряду») или к типологическим критериям объединения (это хорошо видно из рис. 5). Выбор, а затем и соединение элементов во множества (в полумножества), а множеств – в классы не задается никаким правилом. П.Дж. Коэн пишет: «Аксиома выбора <...> позволяет нам совершать бесконечное количество «выборов», хотя бы не имелось никакого свойства, определяющего функцию выбора» [56, с. 94]. Но можно и апеллировать и к имплицитной упорядоченности элементов ландшафта и к типологическим критериям объединения геомасс. Тогда аксиома выбора станет эквивалентной теореме Цермело³¹ [61, с. 263].

Ситуация решительно меняется на уровне геокомпонентной организации ландшафта. Выбрать геокомпонент из ландшафта без того, чтобы ландшафт не разрушить, мы не можем ни при каких условиях. А вот соединяя любые геокомпоненты в любых сочетаниях и количествах (вплоть до одного, например, в случае поверхности Луны), мы в любом случае получим ландшафт. Теория отделов (вариантов) ландшафтной сферы Ф.Н. Милькова [68] является хорошей тому иллюстрацией. Очевидно, при таком «сверхпродуктивном» соединении мы сталкиваемся с моделью иной природы. В самом деле, о соединении множеств в классы речь идти уже не может (напомним, что «класс» – изначальное, базовое, не выводимое понятие теории множеств по Гёделю – Бернаису). По той простой причине, что эту процедуру мы уже проделали при соединении геомасс в геокомпоненты. Значит, речь должна идти о

соединении классов (геокомпонентов-классов) во что-то, что также требует свойств базовости, обоснованности и невыводимости. И это «что-то» географам хорошо знакомо: это – *комплекс*. Любое множество – это класс, но не любой класс – множество. Любой класс – это комплекс, но не любой комплекс – класс. Ландшафт – это комплекс, убеждать географа в этом не надо.

Но имеет ли комплекс теоретико-множественную природу? Если имеет, то в рамках ТМ возникает необходимость вводить ещё один, как говорит Коэн [56, с. 141], «примитивный объект» и соответствующее ему обоснованное (т.е. фундаментальное) понятие – комплекса. Если не имеет, а смыслы слов «комплекс» и «примитивный» как то не очень сочетаются, то следует признать, что понятие ландшафта-комплекса выходит за пределы теоретико-множественного дискурса, даже если последний осуществлять, опираясь на понятия гипермножества, универсума или категории (теория категорий). Иными словами, на уровне комплекса теоретико-множественный дискурс в целом и теоретико-множественное моделирование в частности не работают. Ландшафт ставит им предел.

В этой связи обратим внимание на то, что некоторые географы пытаются строить теоретико-множественные модели ландшафта, используя в качестве элементов ... комплексы (территориальные). Этими комплексами могут быть элементарные геохимические ландшафты [24], фации, урочища, местности [20] или таксономически «безымянные» комплексные территориальные выделы [73], но в любом случае они рассматриваются как элементы множества, даже не как множества «коллекции множеств» – класса. Здесь не трудно заметить стремление перевести на теоретико-множественный язык вторую – полисистемную – модель ландшафта В.С. Преображенского [80], в которой, как известно, ландшафт таксономического ранга N состоит из частей – ландшафтов ранга N-1. Но, во-первых, ландшафты и ранга N-1 и ранга N суть комплексы³². А, во-вторых, приписывать комплексу ранга N-1 роль элемента, а комплексу ранга N статус множества – как то не очень сочетается с логикой теоретико-множественного дискурса.

Эмерджентность и гармоничность. Рассуждения о ландшафте как предельной теоретико-множественной модели будут незавершенными, если не вспомнить, о центральном понятии ландшафтоведения – том, что Л.С. Берг назвал *гармонией* ландшафта, а в более прозаических вариантах известно как его *эмерджентность*. Вполне обосновано считается, что без гармонии-эмерджентности нет ландшафта. Но что стоит за такими, в общем-то, банальными, утверждениями о том, что «целое больше частей», «несводимо к своим частям» и «обладает иными качествами,

нежели части»? И какой механизм обеспечивает инаковость ландшафта-целого по отношению к частям-геокомпонентам?

Обратим внимание на одно свойство геокомпонентов, которое из виду обычно упускают. Феноменологически геокомпонент «располагается» как бы на двух уровнях: видимом и невидимом, или, если использовать подходящий для данного случая термин М. Ронаи «геоскопия», геоскопическом и микроскопическом. С видимым уровнем геокомпонента проблем нет, а вот на микроскопический уровень внимание почему-то обращают мало. Между тем, на геоскопическом уровне геокомпонент практически не отличим от геомассы, он становится самим собой только тогда, когда мы принимаем во внимание микроскопический уровень его организации. Н.Л. Беручашвили, чтобы получить геомассу, «освобождал» геокомпонент именно от микроскопической составляющей, которая при пристальном рассмотрении оказывается генетически связана с другим геокомпонентом. Например, из аэромассы он «изгнал» пары воды, пыль и бактериальный аэрозоль – микроскопические части гидро-, лито- и биоконпонента соответственно.

На феноменологически не идентифицируемом микроскопическом уровне любой геокомпонент **облигатно** связан с любым другим геокомпонентом «мёртвой хваткой». Факультативно это может иметь место и на феноменологически идентифицируемом геоскопическом уровне (те же пары воды в атмосфере становятся видимыми как облака, пыль забивается в нос и мы ощущаем её тактильно, а «путешествующие» через воздух микроорганизмы вызывают респираторные заболевания, которые мы чувствуем всем организмом). Физически эмерджентность ландшафта зарождается таким путем: проникновением одного геокомпонента в состоянии «микро-» (геокомпонент-примесь) в другой геокомпонент, находящийся в состоянии «макро-» или «мезо-» (геокомпонент-матрица).

Но «эмерджентность», как подчеркивалось, это только первое приближение, «грубая форма» гармонии. Последняя куда более таинственней, сложнее и методически эффективнее, ибо способна связывать в одно целое части, которые, физически связать невозможно. Зададимся простым вопросом: виден ли геоскопически ландшафт, как гармоническое образование? – Нет, не видим. Если мы не пользуемся оптическими приборами, то всегда видим только элементы ландшафта в ранге «мезо-» («макро-»). А гармоническая взаимосвязь между ними как бы подразумевается. Но откуда такая уверенность, что она существует? Первое – самое простое – это то, что ландшафт, как целостное образование можно увидеть, поднявшись над уровнем «мезо-» («макро-»), то есть как бы выйти из ландшафта, стать над ним или в стороне, и посмотреть на масштабно уменьшенный

ландшафт «оттуда». Это «оттуда» было даже введено в определение ландшафта, которое в литературе принято считать самым первым его научным определением, хотя и весьма примитивным. Оно было дано немецким географом Г. Гомейером в 1800-х годах³³. Свой полноценный и законченный методический статус «точка наблюдения ландшафта с удаления» получила с возникновением летательных аппаратов и соответственно дистанционных методов изучения поверхности Земли. Аэрофотоснимок, космоснимок – это тот инструментарий, с помощью которого мы наиболее ясно видим ландшафт в целом, т.е. как **целостность**. Некоторыми ландшафтоведами эта ясность абсолютизируется настолько, что существование ландшафта как целостности утверждается только на таком – дистанционном, или телескопическом, уровне восприятия [51]. Но при переходе с геоскопического на телескопический уровень видения ландшафта, мы фиксируем только первые, слабые проблески его гармоничности, обзываемой иногда «нехорошими словами» типа «патерн», «фрактал» и т.п. Если мы не дадим объяснение гармоничности и механизму её возникновения, действия на геоскопическом уровне, то она так и останется «патерном», «эмерджентностью» или просто «целостностью», и вся тайна, неуловимость и загадка из неё испарятся...

Первые признаки эмерджентности ландшафта, появляющиеся в зоне масштабного перехода «микроскопический» / «геоскопический» уровни, и первые признаки его гармоничности, возникающие в зоне перехода «геоскопический» / «телескопический» уровни» наталкивают нас на мысль о том, что каким-то образом феномен гармонии должен быть связан со скольжением по масштабу, с динамикой размерностей феноменов окружающего нас мира. Если взять эту динамику и «соединить» её с некоторыми моментами теории множеств, то получаются интересные и не вполне понятные вещи. Количества элементов ландшафта в масштабе «мезо-», или на геоскопическом уровне идентификации, сосчитать, как мы помним, в общем случае невозможно, и эта эмпирическая, практическая невозможность теоретико-множественной мыслью трансформируется в формальную бесконечность. Очевидно, на микроскопическом уровне восприятия «частички» ландшафта также пересчитать невозможно, и эту невозможность тоже можно трансформировать в бесконечность. С позиций канонической теории множеств, первая «геоскопическая» бесконечность, будет очевидно меньше второй «микроскопической» бесконечности. Ситуация в теории множеств достаточно стандартная, только понятие количества здесь следует заменить на понятие мощности. С позиций теории чисел, геоскопическая бесконечность будет представлена видимыми дискретными объектами («частями») и соответственно рациональными числами,

имеющими на числовой прямой чёткие точки локализации; а микроскопическая бесконечность – будет представлена невидимыми объектами («частичками»), которым соответствуют действительные (вещественные) числа, не имеющие на числовой прямой чётких точек локализации. Мощность микроскопической бесконечности известна в математике как мощность континуума. Доказано, что мощность континуума больше мощности рациональных чисел и промежуточных мощностей между ними нет. Это значит, что микроскопической «частичке» ландшафта нельзя поставить в строгое соответствие макроскопическую его «часть», или, как сказал бы математики, отражение множества микроскопических «частичек» ландшафта на множество его макроскопических частей сюръективно.

А теперь вспомним, что никаких бесконечностей в ландшафте нет, и всё то, что называется бесконечностью, суть экзистенциальная или физическая невозможность. Иными словами, откажемся от понятия «бесконечность» и посмотрим, что в этом случае произойдет с отражением «частей» ландшафта на его «частички» и как поведут себя мощности тех и других. Один из крупных специалистов в области теории множеств А.С. Есенин-Вольпин (сын Сергея Есенина, кстати) писал, ссылаясь на работы таких математиков как А. Леви, П. Вopenка, П. Хаек, что “при отсутствии АВ можно о д н о з н а ч н о отобразить одно множество на другое, имеющее бóльшую мощность, чем первое (разбивка моя – Ю.Т.)” [56, с. 261]. Как было показано выше, в ландшафте, как таковом, аксиома выбора, в самом деле, не работает («отсутствует») и проявляется это в полной мере на геокomпонентном уровне его организации. Мы имеем дело с достаточно сложной «иерархической игрой» элементов в ряду возрастания сложности организации ландшафта «элемент – геомасса – геокomпонент – ландшафт». Аксиома выбора начинает пробуксовывать в звене «геокomпонент». С одной стороны, геокomпонент из ландшафта невозможно выбрать, с другой, к а к т а к о в о й, геокomпонент может состояться только тогда, когда микроскопический компонент-примесь проникает в макроскопический компонент-матрицу. Если мощность множества элементов и в том и в другом определить невозможно, то нет никаких логических основания отрицать то, что множество элементов примеси нельзя однозначно отобразить на мощность множества элементов матрицы. То есть тезис Есенина-Вольпина оказывается, если не формально-логически, то эпистемологически правильным. И это означает ни много ни мало, то, что в ландшафте множество невидимых («континуальных») «частичек» на множество видимых дискретных «частей» отражается б и е к т и в н о. (Биективным отражением одного множества на другое в ТМ называется такое отражение, когда каждому элементу одного

множества ставится в соответствие ровно один элемент другого множества и при этом все элементы обоих множеств имеют свою пару).

Утверждение о том, что дискретное множество можно однозначно отобразить на множество, имеющее мощность континуума, с формально-логической точки зрения выглядит вполне *абсурдным*. Неправдоподобно одно и с эмпирической и методической (практической) точки зрения. Но абсурд для нас в данном случае не помеха, а необходимое и важное звено той методологической схемы, которую мы пытаемся обосновать. Ведь гармония может состояться и быть феноменологически идентифицированной только в том случае, если она проявит себя как механизм поглощения, преодоления, «переваривания» именно абсурда. Это – её конечный онтологически пункт и самая совершенная репрезентация.

От предельной модели к ландшафтности

Каков же механизм «переваривания» гармонией абсурда? – Степень абсурдности утверждения о биективном отражении меньшего по мощности макроскопического множества дискретных объектов на большее по мощности микроскопическое множество неразличимых «частичек» континуума станет намного меньшей, если мы между ними «поставим» некое третье множество³⁴ с одним замечательным свойством: перманентно менять размерность элементов. Вслед за Ж. Делёзом и Ф. Гваттари назовем его *консистенцией* [30, с. 106, с. 242, с. 539, с. 545, с. 604, с. 860]. Почему консистенцией? – Потому, что это множество убирает, нивелирует все скачки и качественные переходы на лестнице размерностей «... наномир – микромир – миллимир – мезомир – макромир – мегамир – гигамир ...», но одновременно не дает превратиться феноменам бытия в сплошное недифференцированное и неидентифицируемое гиле, сохраняет его феноменальность, создает условия для различения и идентификации объектов каждого уровня размерности, как дискретов (термин В.В. Кизимы). Подобное замечательное множество может быть только имманентно динамичным (в то время как множество только «микро-» или множество только «макро-» имманентно статичны: отсюда, кстати, и понятие актуальной, то есть неподвижной – «данной» бесконечности). Причем динамично оно как «по вертикали», то есть «на ступенях» размерностей, так и «по горизонтали» – в пределах каждого размерностного мира – «микро-», «мезо-», «мега-» и т.д. Если говорить о том пространстве, в котором происходит движение такого множества (а мы помним, что множество «требует» пространства), то оно будет выглядеть весьма необычно – **д и а г о н а л ь н о** (без кавычек), и его можно

интерпретировать как пространство некоего третьего рода – сочетающее в себе свойства и пространства-вместилища и пространства-отношения. Ж. Делёз и Ф. Гваттари назвали такое пространство планом консистенции или *планоменом* [30].

В плане консистенции дискретное и континуальное феноменологически меняются местами по мере облигатного движения множества по шкале масштаба. В результате возникает такая феноменологическая ситуация, когда можно утверждать, что объекты любой размерности можно рассматривать и как дискретное, и как континуальное: грубо говоря, в зависимости от того, откуда «мы» будем смотреть – сверху или снизу.

Планоменон – вне масштаба, он сам «руководит» масштабом, обуславливает возможность в ы б о р а масштаба. В планоменоне АВ не работает: нельзя из объектов, например, макромира выбрать объекты микроскопические.

В планоменоне переходы дискретного в континуальное и наоборот выглядят естественными, а значит и о б и е к ц и и дискретного множества на континуальное (в т.ч. множества натурального ряда на множества континуума действительных чисел) говорить допустимо.

В то же время, не трудно догадаться, что логика такого высказывания уже не будет логикой теоретико-множественного дискурса. Сия логика – логика слóжностного мира, логика модели «ландшафт», и она географична по существу. Ведь планоменон можно интерпретировать как имманентно подвижный фронт, между и *первичную черту*. Точнее, его даже нужно интерпретировать так: ведь рано или поздно размерность дойдет до мельчайшего неделимого³⁵ и остановится в своем движении, превратившись в ничем не обусловленную и не проводимую ни между объектами одной размерности, ни между разными размерностями черту – в чистое, безотносительное, безосновное, не из чего не выводимое *между*. В современной физике предполагается, что такой чертой может быть струна (теория струн), а мы ранее эту первичную черту или не обусловленное «между» интерпретировали как онтологическую предпосылку географического дискурса, как *первичную географичность* [100]. Что же касается ландшафтности, то она в географическом дискурсе (в географичности) появляется тогда, когда непростой механизм скольжения по масштабам феноменологической идентификации миров разных размерностей, облигатность движения по диагонали, множественная обусловленность пространства начинают «переваривать» абсурд, то есть утверждают гармоничность.

В ландшафтоведении уже довольно давно подмечено, что эмерджентность ландшафта каким-то образом связана с разномасштабностью внутриландшафтных геокомпонентных взаимодействий. На то, что целостность ландшафта возникает в

результате взаимодействия разномасштабных субстанций и сил в начале 1980-х гг. обратил внимание В.Н. Солнцев. Он писал: “Внутренняя целостность ландшафтов сцепляется механизмами микросубстратной миграции, развертывающейся на множестве уровней организации. Здесь господствует радиальное направление микросубстратных потоков, и сквозь их «частокол» приходится «просачиваться» потокам макросубстратной миграции. Последняя вынуждена настраиваться на «камертон» микросубстратных механизмов и в то же время интегрировать обособленные микросубстратные механизмы в более крупные ландшафтные системы” [93, с. 224]. В наши дни на «причастность» разномасштабности межкомпонентных взаимодействий к формированию эмерджентности ландшафта указывает А.В. Хорошев [108, с. 31-32].

На первый взгляд теоретико-множественная схема «диагонального» рождения гармоничности из разномасштабности взаимодействий выглядит весьма отвлеченно. Однако всем нам очень хорошо известен и всеми нами очень любим один феномен гармоничности, возникающий именно благодаря движению в планоменонене. Это – музыка. (Обратим внимание на то, что В.Н. Солнцев в выше приведенной цитате апеллирует к музыкальному понятию – говорит о «“камертоне” микросубстратных механизмов»). Мелодия, как движение звуков – не просто произвольная последовательность таковых. Предыдущий звук должен находиться с последующим в определенном соотношении по высоте («высота звука» – нормативное понятие и акустики и музыкального искусства). То есть в линейном движении звуков по горизонтали уже скрыто их вертикальное движение как последовательность высот, и в этом можно видеть первые признаки гармоничности. В последовательном же движении звуков, взятых одновременно на разных высотах – аккордов, гармоничность предстает перед нами уже вполне отчетливо. Своего максимального выражения и воплощения она достигает в оркестровой партитуре, «движущей» и высоты и последовательности по законам контрапункта. Музыкальную гармонию можно, как о том мечтал Сальери, проверить алгеброй, то есть создать формальную модель диагонального (т.е. одновременно высотного и последовательного) движения звуков, но такая модель мало что объяснит в сути музыкального искусства и мало чем поможет в сочинении музыкального произведения. Для того чтобы сочинять музыку, а не создавать вертикальные комбинации и линейные последовательности звуков, пусть математически и точные³⁶, нужны ещё талант и вдохновение: а что это такое? – загадка, никем доселе не разгаданная... До конца гармония алгеброй не проверяется; в ней всегда присутствует что-то непонятное и не формализуемое, что-то иррациональное, не дискурсивное, чисто

эстетическое (красота) и глубинно экзистенциальное. И это-то «что-то» выступает в роли онтологического (именно онтологического, а не экзистенциального) предела математического моделирования в целом и теоретико-множественного в частности (напомним, что многие математики рассматривают теоретико-множественное мышление как квинтэссенцию и основу математического мышления вообще).

В поисках объяснения явления гармонии мы снова сталкиваемся с экзистенцией. Для лучшего понимания природы гармонии нам пришлось прибегнуть к аналогиям из области музыкального искусства. Но, в принципе, можно было бы обойтись и без них. Вспомним (см. разд. «Размерность») нашу геоскопическую схему «... нано- → микро- → милли- → **мезо-** ← макро- ← мега- ← гига- ...». Мы связали с ней «рождение» ландшафтности (точнее, один из моментов такого рождения) и объявили, что одной из важнейших функций ландшафтности и одним из её главных признаков является стягивание миров «внечеловеческих» размерностей к размерности человекомирной³⁷. Поскольку теоретико-множественный дискурс в его канонических формах экзистенциальный момент игнорирует, то наша схема размерностной «стяжки» не может уже однозначно опираться на масштаб Мидгарда – с точки зрения теории множеств, у него нет никаких экзистенциальных преимуществ (потому что экзистенция вообще вынесена за скобки). Поэтому ландшафтностная схема размерностной «стяжки» миров примет полимасштабный вид и станет такой:

... нано- → **микро-** ← милли- ← мезо- ← макро- ← мега- ← гига- ...
 ... нано- → микро- → **милли-** ← мезо- ← макро- ← мега- ← гига- ...
 ... нано- → микро- → милли- → **мезо-** ← макро- ← мега- ← гига- ...
 ... нано- → микро- → милли- → мезо- → **макро-** ← мега- ← гига- ...
 ... нано- → микро- → милли- → мезо- → макро- → **мега-** ← гига- ...

Однако игнорировать экзистенцию мы можем только с позиций теоретико-множественного дискурса. Да и то с большой долей условности: вспомним хотя бы активное вмешательство экзистенции в проблему актуальной бесконечности с последующим методическим результатом – заменой понятия бесконечного на понятие невозможного. Когда же мы подходим к пределам теоретико-множественного дискурса, которые, как было показано, реализуются в понятии ландшафта и соответственно в дискурсе и моделях иного рода – ландшафтных, мы в облигатном порядке должны с экзистенцией считаться. А это означает ни много ни мало то, что в выше приведенной схеме она присутствует не только в «мидгардовской» строке **мезо-**, а и в строках всех размерностей. Планоменон, как бы «заразившись» экзистенцией в строке Мидгарда, тащит её по строкам всех размерностей, независимо от того, видим / признаем мы в них наличие субъекта, жизни, разума,

воли, смерти, любви, или нет. Эта тема освоена фантастами и сюрреалистами. Например, у Сигизмунда Кржижановского можно прочитать о субъективности, путешествующей в милли-мирах («Странствующее "странно"»), а у Гари Гаррисона – о субъекте, обладающей размерностью «мега-» («Билл, герой Галактики»). Что же касается научной модели, на роль которой, как нам хотелось бы надеяться, может претендовать ландшафтность, то здесь представляется целесообразным пойти по такому пути. Считать, что все те смыслы, способы мышления, методики и понятия, которые возможны в рамках теоретико-множественного мышления, в том числе и в его наиболее мощных современных формах (теория универсума, теория категорий и т.п.), работают, функционируют, объясняют окружающий мир до некоего эпистемологического порога – до модели «ландшафт». Ландшафт в этом смысле и есть модель предельная. Дальше «идёт» ландшафтность, как расширение модели «ландшафт» за её пределы. То есть ландшафтность предстает перед нами как модель запредельная. «Запредельная» в тех смыслах, в которых понятие предела может употребляться в теоретико-множественном дискурсе, шире – в математическом мышлении вообще (см. рис. 1).

За пределами формального и формализуемого, исчисляемого и алгоритмизируемого лежит экзистенциальное. Ландшафтность, выступающая с претензией на роль общегеографической модели мышления, как бы доводит формализуемое до середины географического дискурса, а далее возможности формализации сходят на нет (рис. 1). Далее начинается сугубо экзистенциальное. Мы снова возвращаемся к вопросу об эпистемологическом статусе географии и фундаментальной специфике географического мышления: они бытуют и в рамках формализуемого и в рамках не формализуемого одновременно. Или по-простому: единая география – наука естественно-общественная, точно-гуманитарная. Таково её отличительное качество, таков её методологический и науковедческий статус...

Вся эта науковедческая «демагогия» имеет под собой одно мало заметное, но принципиальное онтологическое основание. Как мы уже говорили, первичным фактом онтологии для географической науки есть черта или межа: к а к т а к о в а я . Не то, что межа разделяет первично, а сам факт разделённости первичен. (Этот вопрос, повторимся, подробно рассматривался в «Философии географии»). Одним из воплощений межи есть предел; мы показали (надеюсь), что ландшафт – предел формализуемому, а ландшафтность – то, что находится за этим пределом. Межу можно заметить в таких квазиоппозициях, как бесконечность / невозможность, абсурд / гармония, формальное / экзистенциальное. Но это в данном случае не классические диалектические оппозиции. Здесь бесконечность снимается

невозможностью, абсурд поглощается гармонией, а между формальным и экзистенциальным всегда присутствует феноменальное... И в то же время, очевидно, что имеет место потенциал к межванию. В поле, напряжённости, создаваемым этим потенциалом, т.е. в плане референции, бытует целая наука. Межа не только служит ей онтологическим основанием, не только в любой ситуации может служить ей эпистемологической опорой, она ещё и метод, и историческое условие, и психология учёного... В каком виде – явном, неявном или даже в глубоко закамуфлированном – это уже вопрос второстепенный. Всё очарование географического мышления состоит в том, что через эту черту дозволено и даже вменено в обязанность постоянно переступать – хотите в формальную сторону, хотите – в экзистенциальную. Не придумав ничего лучшего, такие движения географы называли комплексным подходом. Но они больше похожи на танец...

Переступим черту в сторону экзистенции.

Ландшафтоведческий экзистенциализм

Ландшафтность, как модель, запредельная по отношению к теоретико-множественному (формализуемому, точному, алгоритмизируемому) дискурсу, которая предусматривает интеграцию и наличие «в себе» абсурда, позволяет по-новому взглянуть на некоторые трудные экзистенциальные вопросы и проблемы географии в целом и ландшафтоведения в частности, а также – истории, экономики, экологии, культурологии. Предельная модель ландшафта вплотную подводит нас к этим вопросам, но дальше, она не работает – как было показано выше, на дискурсивном уровне, и как будет показано ниже, на экзистенциальном и историческом. Если мы захотим идти дальше, предельную модель ландшафта, придётся настолько расширять, что она, во-первых, окончательно оторвётся от исторической традиции географической науки, во-вторых, станет настолько аморфной, всеядной и расплывчатой, что нею сложно станет пользоваться методически. Поэтому, перешагивая через модель «ландшафт», мы трансформируем её в «ландшафтность», и это дает нам возможность без экивоков в сторону истории / традиции науки и в сторону формализуемой части географии (рис. 1) обсуждать весьма «скользкие» вопросы экзистенциализма – *ландшафтоведческого экзистенциализма*. Всех их нам, разумеется, в данной работе не охватить. Поэтому выберем такие, которые в современном ландшафтоведении и географии в целом (а также в истории, экономической теории, экологии) чаще всего обходятся стороной. Вопросы вечные и неприятные. Экзистенциализм – вообще философия не для слабонервных, «высоких материй», убаживающих ум мыслителя, в ней маловато. То она ставит во главу угла

проблему самоубийства, как самую важную или даже единственную настоящую философскую проблему (К. Ясперс), то она озабочена анализом абсурда (А. Камю), то рассуждает о бытии, как бытии-к-смерти (М. Хайдеггер), то анализирует разного рода сумеречные и пограничные состояния сознания, а также негативные экстраординарные психологические ситуации, в общем, занимается грязной работой в авгиевых конюшнях людского бытия и сознания, да ещё без помощи строгого методологического инструментария (к которому, впрочем, особой привязанности и не питает). Вот именно такой неприятной работой мы сейчас и займемся.

В ландшафтной географии парадоксальные, абсурдные, хаотические и даже «самоубийственные» стороны ландшафта предпочитают не замечать. Это не значит, что не заводится речь о разного рода антропогенной деятельности и загрязнении, о девастировании ландшафта и всяческих экологических кризисах и катастрофах. Нет, этого в антропогенном ландшафтоведении и его дериватах как раз в избытке. Но в любом случае девастирование ландшафта рассматривается в потенциально позитивном ключе – как «временная трудность», которая в более или менее отдалённом будущем обязательно будет преодолена. Немногие исследователи-географы решаются вслед за Луи Селином совершить «путешествие на край ночи», в нашем случае – «ночи» ландшафтной...

Отправляясь в такое путешествие, нам, в первую очередь, необходимо повысить методический престиж предполагаемого экзистенциального «анализа». Это нужно сделать, поскольку ранее мы говорили «экзистенция», «экзистенциальный момент», обращались к этим категориям (порою слабо определённым) как бы за помощью – когда речь заходила о каких-то очень важных и трудных вещах «точного дискурса» (например, о бесконечности или пустоте). Теперь же «экзистенциальным моментам» должно быть не вспомогательными, пусть и важными, а основными. Говорить «моменты» здесь уже не пристало. Скажем экзистенциал. Это понятие в «Бытии и времени» использует М. Хайдеггер, с его помощью философ как бы институционализирует «экзистенциальный момент». Делает это он в своей своеобразной манере «на грани языка», в данном случае – с помощью предлога «в». «Бытие-в, – пишет Хайдеггер, – подразумевает <...> бытийное устройство присутствия и есть *экзистенциал*. Но тогда **тут нельзя думать о наличном бытии телесной вещи (человеческого тела) «в» наличном сущем.** Бытие-в тем менее означает пространственное «д р у г - в - д р у г е» наличных вещей, что «in» исходно имеет не смысл пространственного отношения названного рода; «in» идёт от корня *innan-*, селиться, обитать, пребывать; «an» значит: я привык, доверился, ухаживаю за чем-то; оно имеет значение *colo* в смысле *habito* и *diligio*. **Сущее, которому присуше**

бытие-в в этом смысле, мы характеризуем как сущее, которое всегда есть я сам. Выражение «bin», «есмь» связано с «bei», «при», и значит опять же: я обитаю, пребываю при... в мире так и так освоенном. Быть, понятие как инфинитив от «я есмь», т.е. как экзистенциал, значит **обитать при..., быть доверительно близким с...** . *Бытие-при есть соответственно формальное экзистенциальное выражение бытия присутствия, имеющего сущностное устройство бытия-в-мире.* «Бытие при» мире в ещё точнее истолкуемом смысле растворения в мире, есть экзистенциал, фундированный в бытии-в (выделение курсивом – М. Хайдеггера; полужирное выделение моё – Ю.Т.)» [104, с. 54]. Попробуем разложить «по полкам» то, что сказано мэтром в столь ясных и понятных выражениях. 1. Дана онтическая конструкция «бытие-в». Её нельзя разложить на «бытие-» и «-в». Ей не имманентна пространственность. (Вспомним, что мы отказались от реляционного и релятивного пространства, приняв за основу пространство как абсолютное вместилище). 2. Раз дано «бытие-в», то дан и мир. Без мира «бытие-в» не имеет смысла – нет того, по отношению к чему мы говорим «в», следовательно «-в» бессмысленно, а значит бессмысленно и «бытие-в» (хотя другая часть конструкции – «бытие-» – может быть вполне осмысленной, но уже только в смысле Абсолюта, Бога). 3. «Бытие-в» подразумевает тело, которое суть физический носитель «бытия-в», но само тело, как таковое, не дано, оно за «бытием-в» как бы следует. Вся эта замысловатая, но однозначно фундированная на модусе «бытие-в», конструкция в сумме и есть экзистенциал. При такой трактовке, понятие экзистенциала корреспондирует с тем, что говорилось нами об экзистенциальном начале ландшафта в теоретико-множественной интерпретации: с онтологической точки зрения, «мир», как носитель множеств, легко заменяется на «ландшафт». Утрируя ещё больше, можно сказать так: «бытие-в» тащит в ландшафт тело, а в теле *находится* субъект-человек. Экзистенциал, «протаскивая» субъекта в ландшафт в виде субстанции-тела, делает человека онтически и онтологически неотъемлемой составляющей ландшафта. Отсюда – логическое основание для того, чтобы считать человека полно- и равноправным компонентом ландшафта, биосоциальным его компонентом.

Раз человек – биосоциальный компонент ландшафта, то и всё то, что им в нем создано и с помощью чего он что-либо создает, также должен считать полно- и равноправными ландшафтными компонентами: артефакты и вещи; дома и инженерные конструкции; машины и механизмы; аппараты и агрегаты. Кроме этого, все те процессы, которые генерируются и человеком и его машинами – это процессы тоже ландшафтные. Перефразируя Д.Л. Арманду, скажем так: «От мифологии до технологии – всё ландшафтные процессы».

Подчеркнем: «ландшафтные» в смысле «бытия-в», то есть внутриландшафтные – процессы функционирования, динамики и эволюции ландшафта. Можно рассматривать их и как процессы межландшафтные (геосистемные), которые на более высоком уровне ландшафтной организации (в ландшафте более высокого таксономического ранга) будут тоже процессами внутриландшафтными. А вот какими они не могут быть, с позиций ландшафтоведческого экзистенциализма, так это процессами, действующими на ландшафт извне, хотя именно на такой точке зрения зиждется современное антропогенное ландшафтоведение. **У ландшафта нет ничего внешнего**, он существует как «бытие-в», **любая среда ландшафта – тоже ландшафт**.

Взгляд на человека и орудия/продукты его технико-технологической активности как на полно- и равноправные ландшафтные компоненты мы в своё время назвали *концепцией БТК* (аббревиатура от «биосоциальный и техногенные компоненты»). Такие взгляды для ландшафтной географии не новость. О том, что человек с его домами и машинами относятся к ландшафтными компонентам, прямо или завуалировано (т.е. другими словами), говорилось ещё на заре ландшафтоведческой науки немецкими географами [34]. Позже такой точки зрения придерживался Л.С. Берг. Но в дальнейшем она развития не получила. Хочется сказать «по философским причинам», но если быть исторически точным, то не столько по философским, сколько по социально-политическим и идеологическим. Не пользуется концепция БТК популярностью среди ландшафтоведов и сейчас, хотя, в 1990-х годах историческая и ментальная ситуация изменились таким образом, что былых околонуточных и околофилософских препятствий для её признания уже нет. В воображении большей части географов и сегодня человек и машины – отдельно, ландшафт – отдельно. Говорят также о разнообразных промежуточных конструкциях типа ландшафтно-инженерных комплексов или природно-технических геосистем, но это всё для нас интереса не представляет.

Откуда такое упорство в отрицании концепции БТК? Мне представляется, что причины носят скрытый аксиологический и экзистенциальный характер. Такие причины не афишируются, отрицанию концепции БТК стараются придать логический и объективистский характер; но иногда в рассуждениях тех или иных географов, в их аргументации, привлекаемой для отрицания концепции БТК, они явно или неявно проявляются³⁸. Боязнь аксиологии, стремление подменить её логицизмом (в лучшем случае), можно понять. Входя внутрь ландшафта на правах геокомпонента, человек тащит в него все свои пороки. Как быть, что делать с этими пороками, как подчинить их научному методу, а тем более социальному заказу на научное исследование, не впадая в

грех идеологии и догмы, никто не знает, в том числе философы, поэты и служители религиозных культов. Проблема БТК, возникает тогда, когда в состав БТК входят негодяй, поддонник, фашист, вандал, хам, стяжатель, рвач, лгун, лентяй, в общем, все те отрицательные воплощения Номо sapiens'a, которых гений Данте с такой скрупулёзностью распределил по кругам ада.

С позитивом, несомым человеком в ландшафт, проблем нет. Слагаясь его деятельность в ландшафте из одного позитива, концепция БТК была бы давно принята «на ура».

Проблемы же негатива и деструкции, внедряемые человеком в ландшафт, подобно иголке (см. прим. «38»), имеют глубоко экзистенциальную природу. Традиционных способов новоевропейской науки для их понимания и познания недостаточно. Проблемы эти, что важно понять, рождаются не тем, что Номо sapiens привносит их в ландшафт извне своей историей, психологией и технологией, а тем, что они входят в ландшафт вместе с ним как свойство одного из ландшафтных компонентов – точно так же, как свойства всех остальных геокомпонентов; а стало быть, имеют статус не внешнего по отношению к ландшафту фактора, а его внутреннего, имманентного признака и свойства.

М. Хайдеггер, рассуждая об экзистенциале, подчеркивает, что “способы бытия-в имеют <...> бытийный образ *озабочения*. Способы озабочения это и *дефективные* модусы небрежения, упущения, отказа, халатности <...>” [104, с. 57]. Экзистенциалу присущи не только позитив, но и негатив, не только конструктивность, но и деструктивность. Почему? Ответить на вопрос пытались давно. Сократ за такие свои попытки поплатился жизнью. А древние иудеи просто пришли в отчаяние и написали: “Они народ потерявший рассудок, и нет в них смысла” (32 Втор. 28). “Народ Мой глуп – не знает Меня; неразумные они дети, и нет у них смысла; они умны на зло, но добра делать не умеют” (4 Иер. 22); “от малого до большого каждый из них предан корысти, и от пророка до священника – все действуют лживо” (5 Иер. 13); “Я накажу мир за зло, и нечестивых – за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничтожу надменность притеснителей” (13 Ис. 11). Что касается современных способов философских и религиозных ответов, то одно только перечисление их заняло бы много страниц. А наука? – Ну, вот один из её малоутешительных эмпирических фактов. Дж. Гудол исследовала поведение наших ближайших биологических родственников – шимпанзе [25]. И сделала одно крайне неприятное открытие. Оказываются, эти милые и забавные обезьянки, имеющие общие с нами, людьми, гены, ответственные за биологические программы инстинктивного поведения, способны вести себя как настоящие садисты. В межгрупповых стычках они не редко проявляют друг к другу крайнюю жестокость, причем совершенно необъяснимо с точки

зрения рационального биологического поведения. Шимпанзе убивают своих соплеменников подло – сильные слабых, группа – одного; убивают медленно, мучая жертву, наслаждаясь процессом убийства. И такие «развлечения» далеко не всегда осуществляются ради завоевания территории, похищения самок или в борьбе за пищевые ресурсы, что с позиций этологии и экологии рационально объяснимо. Избыточно жестокое поведение *Pan troglodytes*ов остается для приматологов немалой загадкой. Она пока не расшифрована до конца, но уже ясно то (и на этом акцентируют внимание комментаторы этологических открытий Дж. Гудол), что поведенческая порочность высших приматов целиком и полностью свойственна и *Homo sapiens*'у. Когда-то она досталась пралюдям и предлюдям от общих с обезьянами предков, затем передавалась генетически от поколения к поколению. В «цивилизованном» человеке инстинктивные программы деструктивного и агрессивного поведения многократно усилились и обусловили то явление истории, которое мы называем в о й н о й. Этологи и антропологи считают, что в моральном и социальном отношении самым разрушительным инстинктом человеческого поведения, унаследованным *Homo sapiens*'ом от животного мира, является инстинкт *зоологического индивидуализма* [89]. Для его нейтрализации человек изобрел к у л ь т у р у, но выполняет она свои функции препятствия для проявлений зоологического индивидуализма в обществе далеко не всегда, а в отдельных случаях и стимулирует эти проявления [98].

Свою природную склонность к деструкции и разрушению, свою иррациональную деструктивность, обусловленную в своих самых глубоких основаниях инстинктом зоологического индивидуализма и красиво названную дедушкой Фрейдом «Танатосом», а также сопутствующий этой деструктивности моральный абсурд, человек и тащит с собою в ландшафт³⁹, пользуясь теми правами, которые ему дарует статус геокомпонента. Как результат, под удар ставится то, что делает ландшафт ландшафтом – гармония. Вполне понятно, что такой методологический и методический поворот в «отношении» человека к ландшафту у географов и их друзей экологов будет вызывать явный или скрытый эпистемологический страх, если не панику...

Мы знаем, что онтологически гармония более сильна, чем абсурд. Но для того, чтобы методически «переварить» тот ландшафтный абсурд, который производит человек и корни которого иррациональны, а последствия скрываются за «краем ночи», нам необходимо понятие ландшафтности. Огрубляя, скажем так. Оставим ландшафту всё то хорошее, что привносит в него человек, что делает ландшафт культурным, что вызывает к жизни ландшафтное творчество и ландшафтное искусство. Оставим ландшафту также всё то плохое, что привносит в него человек, но

что поддается исправлению рациональными способами, традиционными методами или высокими ландшафтными технологиями. А вот для рассмотрения всего того, что не влезает ни в какие двери новоевропейской науки, её методов и дискурсов, что суть ландшафтный абсурд (и даже смерть), что глубоко иррационально, необъяснимо, апокалиптично, привлечем понятие ландшафтности. Мы погрузимся в своеобразный алармизм, но это не алармизм привычного толка. Как назвать сию область? Экзистенциальный алармизм? Инвайронментальная эсхатология? Как-то ещё?.. Не в терминах дело. А в том, что её, эту область (на «краю ночи»), нужно исследовать, в том, что она – такой же «объект» и «предмет» исследования, как и все остальные области, аксиологически и экзистенциально для ландшафтной географии безопасные.

Ландшафты антропогенные и акультурные

Начнем издалека – с повтора некоторых известных и уже достаточно привычных для географа и среднестатистического гражданина фактов из области «влияния человека на ландшафт».

Человека, человечество, группы людей, с точки зрения их активности как ландшафтообразующих и ландшафтопреобразующих факторов и сил, можно условно разделить на три группы: творцы, основная («серая») масса, разрушители. Деление, подчеркнем, условное, чёткость здесь, скорее, исключение, нежели правило. Обычно в человеке намешано всего – и гениально-божественное и идиотски-дьявольское; а в рамках группы или эвфемического человечества – так это правило. Но методически такое деление полезно.

В единственном числе человек как ландшафтообуславливающий фактор выступает крайне редко и, уж конечно, очень локально и слабо. Обычно биосоциальный геокомпонент организован (на разных основаниях) в большие или меньшие коллективы, в масштабах ландшафтной сферы – в так называемое человечество. Продуктом ландшафтоформирующей активности биосоциального геокомпонента в ранге человечества является *географическая оболочка*. При пристальном рассмотрении она предстанет перед нами не некоей идеальной географической категорией правильного сциентизма из вузовских учебников и энциклопедий, а фантасмагорическим конгломератом всех форм и проявлений людской активности, образованным переплетением самых замысловатых причин, порою в невероятных сочетаниях. Продукты ландшафтоформирующей и ландшафтопреобразующей деятельности человека называются *антропогенными ландшафтами*, а вся их сумма может считаться географической оболочкой, которая таким образом предстает перед нами как

антропогенный ландшафт самого высокого таксономического ранга. Таксономия и систематика антропогенных ландшафтов разработаны недостаточно, поэтому вдаваться в этот «скользкий» вопрос не будем. Для целей дальнейшего изложения он не принципиален. А вот что принципиально, так это то, что антропогенизированная ландшафтная оболочка и все её более мелкие подразделения, не имеют никаких «чёрных дыр», щелей и ландшафтных разрывов. Она не продырявлена городами, поскольку города – это урбанизированные ландшафты; она не посечена транспортными коммуникациями, поскольку они – транспортные ландшафты; в ней нет «чёрных дыр» полигонов ТБО, поскольку их можно и нужно тоже рассматривать как особую разновидность антропогенных ландшафтов – паразитических. В общем – сплошной континуум ландшафтов различной степени антропогенно-техногенной изменённости и обусловленности. Этот континуум можно ранжировать по факторально-динамическому ряду антропогенно-техногенно-обусловленных и созданных человеком ландшафтов. Проще всего поименовать ранги так: природные ландшафты – природно-антропогенные ландшафты – антропогенно-природные – антропогенные – антропогенно-техногенные – техногенно-антропогенные – техногенные. Интуитивно понятно, о чем идет речь, и останавливаться на расшифровке каждой ступени мы не будем. Читатель, полагаясь на свой ландшафтный опыт (а он есть у каждого) и свою ландшафтоведческую интуицию (тоже свойственную каждому), может сам поупражняться, подыскивая примеры для каждой ступени ряда. Подскажем только, что к техногенным следует отнести не просто ландшафты, возникшие с помощью техники (сейчас так возникают практически все ландшафты ряда), а ландшафты, в которых ведущим ландшафтоформирующим геокомпонентом является техногенный покров, состоящий из инженерных сооружений, домов, артефактов, машин, дорог и т.п. Очевидно, это будут ландшафты населенных мест (в первую очередь, городов), отдельно стоящих промышленных площадок (например, АЭС) и транспортных коммуникаций с искусственным покрытием.

Ряд антропогенно-техногенно-изменённых и созданных человеком ландшафтов в том виде, в каком он очерчен, аксиологически индифферентен. То есть мы не оцениваем ландшафты разных его ступеней в координатах «плохо – хорошо», просто ранжируем их по факту, степени и глубине влияния человека, как ландшафтоформирующей причины. Теперь усложним схему и введем в причинно-следственную цепочку такие параметры как «экзистенциал» и «ценность» (экономическая, историческая, эстетическая, культурная, моральная). Будем рассматривать антропогенный ландшафт⁴⁰, как с точки зрения глубины и меры его

антропогенно-техногенной изменённости (физической, химической, биологической), так и в контексте «плохо – хорошо». И здесь нам придется покинуть удобную линейную схему. Антропогенный ландшафт предстанет перед нами как объект в некоей многомерной аксиологической нише (аналогии экологической ниши), который можно разложить на разные ценностные векторы, и посмотреть, как вдоль каждого из них выстраиваются ландшафтные продукты человеческих усилий, ума, чувств и глупости.

Несколько упрощая задачу, выделим два вектора: рациональный и экзистенциальный (что-то вроде разложения вектора по правилу параллелограмма). При этом внимание сосредоточим не на ландшафтных шедеврах человечества, даже не на ценностно-нейтральных и не на технологически вынужденных (лесосеки, пашни, сенокосы) результатах его ландшафтоформирующей деятельности, а на тех ландшафтных объектах, ведущих силами формирования которых являются алчность, невежество, хамство, жестокость, наглость, злоба, себялюбие, глупость и прочие людские пороки.

Обобщенно все ландшафты, возникшие в силу людской глупости и порочности, обычно именуются *акультурными ландшафтами*. Следует помнить, большая часть акультурных ландшафтов – это ландшафты, сформированные произвольно и без злого умысла: в силу объективной ограниченности человеческого знания и технологии. В отличие от понятия культурного ландшафта, которое в географии хорошо осмыслено и давно используется, теория акультурного ландшафта разработана плохо. Обычно их представляют как антипод ландшафта культурного – и всё. Но, очевидно, что категория акультурного ландшафта содержит в себе два разных момента: а) ландшафты, девастированные в силу объективного, исторически подвижного несовершенства человеческого знания и технологии; б) ландшафты, глубинной причиной возникновения которых являются людские пороки в области морали, этики, права и совести. Ясно, что эти две группы акультурных ландшафтов требуют отличных методологических подходов и методик для изучения и понимания причин их возникновения. Дабы не смешивать сии подходы и методики, представляется целесообразным закрепить понятие акультурного ландшафта за ландшафтами группы «а». Такие акультурные ландшафты, в самом деле, формируются из-за дефицита культуры. Но не культуры в целом, не культуры художественной или музыкальной, не культуры традиции, а *культуры технологической*, культуры производства, материальной культуры. На производственную культуру в ландшафтной географии, в теории культурного ландшафта внимания обращают меньше, нежели на формы духовной культуры. А между тем, именно простой недостаток и несовершенство научных и технико-

технологических знаний в области физики, химии и биологии, а также знаний о закономерностях строения и функционирования ландшафта (экосистемы), и обуславливает формирование акультурных ландшафтов. Но несовершенство знания исторически преходяще. Постулатом новоевропейской науки считается, что по мере движения истории человек усвершенствует свои знания во всех необходимых областях, перейдет на «безотходные», «экологические» и даже «ландшафтные» технологии и тем самым снимет с повестки дня вопрос о возникновении акультурных ландшафтов. А те, которые он успел насоздать, будут рекультивированы и превратятся в цветущие сады и заповедники. Всё это понимается как *прогресс* в области охраны природы и экологии. Но, как сегодня выясняется, «бог» метода и целеполагания науки последних 300-350-ти лет – Его Святейшество Прогресс оказывается отнюдь не таким «белым и пушистым», как это представлялось ещё несколько десятилетий назад, а многим видится и по сей день. Достаточно явные признаки того, что не всё в акультурном ландшафте объясняется объективными изъянами знания и рациональными законами экономики/истории, просматриваются уже в рамках этого самого прогресса, подвергающегося во второй половине XX – начале XXI века достаточно суровой и справедливой критике, начиная с работ философов франкфуртской школы и заканчивая проклятиями постмодернистского толка.

Однако и без философских реминисценций, отсылок к фундаментальным законам истории, простым «эмпирическим глазом» можно заметить некоторые несуразности в ландшафтоформирующих занятиях человека, которые рационально объяснить очень сложно. Простой пример. Специалистам по мониторингу загрязнения окружающей среды хорошо известны так называемые «пиратские выбросы». Это – внеплановые, ненормированные выбросы вредных газов в атмосферу или грязных стоков в водотоки/водоёмы, осуществляемые обычно в тёмное время суток, «когда никто не видит» («никто» – санврачи, экологические инспектора и просто граждане, склонные жаловаться в разные инстанции на «плохую экологию»). Такая практика была широко распространена в СССР, сегодня она немного отошла на задний план, т.к. пиратские сверхнормативные выбросы стало возможным «легализовывать» в «непиратские» с помощью коррупции – в том числе и в международном масштабе посредством продажи квот на выбросы парниковых газов. Думаю, нет особой нужды убеждать читателя, что пиратские выбросы или квоты на выбросы вредных веществ в окружающую среду выходят за рамки рациональной причинности логики прогресса. Их не исправить, не ликвидировать, от них не уйти никакими рациональными способами. По одной очень простой причине: сама их природа иррациональна. Самое глубокое, надежное и

незыблемое их основание кроется не в исторически преходящем несовершенстве технологии, а в обыкновенной человеческой алчности, в тривиальной трусости, в элементарном хамстве. И нет никаких научных и научно-технических способов, как бы наука не развивалась и не прогрессировала, чтобы от этого избавиться. Очевидно, такие причины девастирования ландшафтов – из сферы экзистенциального. Экзистенциальная ситуация ещё более усложняется по мере того, как сознание человека всё сильнее и сильнее поражается смертельным «вирусом» *потребления*. Потребление, умноженное на Прогресс, способно натворить массу бед. И именно этому занятию оно сегодня предается...

Но вернемся пока к акультурным ландшафтам чисто технологического, так сказать, генезиса. Самой распространенной и безобидной их разновидностью являются ландшафты *горнопромышленные*. Они формируются под карьерно-отвальными комплексами, мульдами проседания, на шламовых полях горно-обогатительных комбинатов и на других разновидностях искусственной морфолитогенной основы, образованной в процессе добычи и обогащения полезных ископаемых. Многие из горнопромышленных ландшафтов человек научился более или менее успешно рекультивировать. А нерекультивированные горнопромышленные ландшафты после прекращения функционирования горной выработки часто, находясь в заброшенном состоянии, сами по себе зарастают лесам, лугами, кустарниками, заселяются зверьем и птицами, обводняются – на дне карьеров образуются озера, обваливаются, заплывают и т.д. Ландшафтоведы и экологи в таких случаях говорят, что они демутируют – самопроизвольно возвращаются к природному состоянию. Последнее, конечно же, в чистом и законченном виде никогда не достигается (во всяком случае, за исторический период), но состояние сильно демутировавших горнопромышленных ландшафтов может быть настолько «экологически полезным», что на них можно организовывать природные охраняемые территории – заказники, памятники природы и даже памятники садово-паркового искусства. А иногда старые карьеры и отвалы становятся и памятниками истории, объектами индустриального наследия.

Более опасной разновидностью акультурных ландшафтов являются карты шламонакопителей гидро- и химико-металлургических заводов, химических предприятий, гальванических цехов. Немалую опасность представляют также металлургические шлакоотвалы и теплоэнергетические золоотвалы, отвалы солевых пластов электрометаллургии и тому подобная технолого-экологическая «экзотика», вызванная к жизни глубокой переработкой естественных субстратов и искусственных веществ. Её чаще всего рекультивировать или переработать сложно, дорого и опасно, а иногда и невозможно. Но, как пытается

нас убедить в этом философия прогрессизма, это станет возможным в «светлом экологическом завтра», когда нужные для этого знания и уровень экономики достигнут соответствующих высот.

Таков рациональный подход к проблеме опасных технологических отходов, складываемых на планете Земля. И он, казалось бы, логичен, конструктивен, реален – не сегодня так завтра. Но в сию логику незаметно проникает «бес» потребительства и всё портит. Капиталистическое общество – это общество потребления. Оно должно потреблять всё большие объемы предметов и услуг, и всё новые и новые их качества. Без потребления оно умрёт. Обществом потребления сегодня является вся «цивилизация». Приостановка роста ВВП, «потребления на душу населения», «роста экономики» и тому подобного экзистенциального (именно экзистенциального, а не экономического) антуража «рыночных отношений» равносильна умиранию «цивилизации». Хочет человечество в целом и каждый его индивидум в отдельности, чтобы эта «прогрессивная» цивилизация умерла? – Большинство ответит «нет». И не важно, что эта цивилизация в своей основе бесчеловечна, не важно, что распределение потребления между особями и группами Homo sapiens'a искажено до пределов иррациональности, важно то, что потребление придает капитализму некое подобие человеческого лица. Поэтому нужно потреблять – новые количества и новые качества. И вот здесь то «бесёнок» вырывается наружу.

Между потреблением новых качеств и девастированием ландшафта устанавливается очень простая положительная обратная связь. (Здесь нужно вспомнить один из основных постулатов теории систем, гласящий, что неконтролируемая положительная обратная связь в системе рано или поздно приведет к её саморазрушению). Новое качество товара требует новой технологии, новая технология продуцирует новую разновидность отхода (тезис о полностью безотходном производстве – миф). Новый тип отхода требует новой технологии нейтрализации, обезвреживания, утилизации. Но пока такая новая технология создается, общество потребления а л ч е т товаров и услуг новых качеств, которые снова создаются и снова будут продуцировать новые типы отходов⁴¹. И так без конца, пока потребление существует. Идут, правда, разговоры о «разумном потреблении», но, к сожалению, это только разговоры (во всяком случае, на данном витке истории).

Итак, уже на этапе формирования акультурных ландшафтов, которые, как предполагается, можно исправить и сделать культурными рациональным путем (и что отчасти, действительно делается), явно, или скрыто, появляется иррациональный, экзистенциальный в своей основе момент, который никакими

средствами прогрессистской логики и вызываемой нею к жизни технологии исправить нельзя. А дальше – дальше этот «момент» или «бесёнок» получает ещё большую свободу и это приводит к таким негативным «ландшафтным результатам», которые никакими способами новейшей европейской науки и либерального сознания исправить не представляется возможным.

В царстве ландшафтного абсурда

Ландшафты абсурда – назовем так всё то, что «более акультурно, чем акультурные ландшафты». Эти ландшафты изучены плохо. По большому счету, для их изучения следовало бы структурировать особую ветвь ландшафтной географии – *радикальную ландшафтную географию*. Однако таковой в повестке дня пока нет, а радикальная география 1960-1970-х гг. отошла в прошлое (хотя, конечно, из неё можно и нужно позаимствовать много полезного).

Ландшафты и их дериваты, которые предполагается описывать и характеризовать, расположим снова вдоль факторально-динамического ряда ландшафтообразующей и ландшафтопреобразующей деятельности человека, но не вдоль его «объективной» – технико-технологической, экологической, экономической, культурологической, в общем, антропогенной (ещё говорят «антропической»), слагающей, а вдоль «субъективной» – экзистенциальной, аксиологической, этической, моральной, в общем, гуманитарно-географической, точнее, гуманитарно-ландшафтоведческой составляющей. Здесь может возникнуть вопрос: а в какую сторону направить вектор этой деятельности: в положительную, в сторону культурного ландшафта, или в отрицательную – в сторону ландшафта акультурного? Разумеется, нам хочется направить его в сторону ландшафтного позитива и как можно более позитивного позитива. Но, во-первых, выше мы договорились позитивные аспекты ландшафтообразующей и ландшафтопреобразующей деятельности человека не рассматривать. Во-вторых, если вектору ландшафтной деятельности человека придать экзистенциальный смысл, то сразу «всплывёт» одно очень неприятное свойство экзистенциала, и притом свойство сущностное. В философии экзистенциализм оно известно как *бытие-к-смерти*. То есть негативного направления вектора, вдоль которого предполагается расположить ландшафтные «продукты» общества, требует сама постановка вопроса, коль скоро этот вопрос будет рассматриваться в экзистенциальной плоскости. И, в-третьих, как ни странно, но именно такого – негативного направления факторально-динамического ряда требует сама логика этого ряда, сформированная в рамках «чистой» физической географии

усилиями А.А. Крауклиса, В.С. Михеева, В.Б. Сочавы. Вспомним «Проблемы экспериментального ландшафтоведения» Крауклиса [57]. Куда «движутся» геомеры в рамках эпифацы, согласно действию того или иного ландшафтоформирующего фактора? Гидрогенный ряд их «движения» заканчивается болотом, нивальный – вечной мерзлотой, а литогенный – геомером голой скалы, или, по меткому определению А.И. Перельмана, «примитивным ландшафтом». Вектор факторально-динамического ряда направлен в сторону максимального проявления ландшафтоформирующего фактора, и проявление это, взятое в своём законченном и наивысшем выражении, отнюдь не ведет к ландшафтно-экологическому оптимуму. В случае если фактор – экзистенциал, а экзистенциал «толкает» бытие к смерти, то и эпифаца геомеров, выстроенных вдоль экзистенциала будет «двигаться» к этому мало симпатичному эквифинальному, как говорят ландшафтоведы и экологи, состоянию. Короче, ряд выстраивается в направлении усиления процессов девастирования и деструкции ландшафта. Конечно, ряд можно выстроить и в направлении увеличения «культурности» ландшафта. Но экзистенциальным он уже не будет.

Не следует, однако, думать, что все ландшафты, которые располагаются вдоль экзистенциального факторально-динамического ряда, устремленного к негативу, в обязательном порядке должны быть представлены ландшафтами физического разрушения. Речь идет о девастировании и деструкции экзистенциального и, как следствие, аксиологического плана. Такое разрушение ландшафта может сопровождаться очевидной физической деструкцией ландшафтов, а может в явной форме и не сопровождаться ею. Главные критерии, по которым выстраивается ряд, это, прежде всего, критерии морали, норм гуманизма, совести, способности адекватно ответить на вопрос «в чём цель и смысл жизни?». Дефекты таких идеальных понятий, или говоря словами Хайдеггера «дефективные модусы» экзистенциала (см. выше), служат предпосылками и мотивациями для физического поведения человека в ландшафте, но сами-то они, как таковые, на ландшафта не влияют. Поэтому мы и столкнемся с парадоксом, что в представленном ниже ряду ландшафтов человеческого абсурда окажутся, как «классически» девастированные ландшафты, так и вполне импозантные, даже вроде как культурные – с физической (антропогенно-ландшафтоведческой) точки зрения.

Предлагается первый опыт «экзистенциогенного» факторально-динамического ряда антропогенно-техногенно-изменённых и созданных человеком ландшафтов. Разумеется, ряд может и должен быть дополнен, уточнен, исправлен, если надо, в том числе и терминологически, но пока – в рабочем порядке, или в порядке рабочей гипотезы – он нам видится таким: **поп-**

ландшафты – покемон-ландшафты – интерстициальные ландшафты – антиландшафты – ландшафтоиды. Количество абсурда, или бытия-к-смерти (если понятие количества для его оценки подходит), в этом ряду нарастает слева направо.

Поп-ландшафты. Поп-ландшафт начинается с элементарного *информационного загрязнения* ландшафта. Ландшафт насыщается разного рода носителями рекламной информации, преимущественно коммерческой, часто политической, которая в периоды «выборов» может превалировать. Какой бы характер информация, внедряемая в ландшафт с коммерческими / политическими целями, не носила, она чужда ему как аксиологически, так и феноменально (в частности, визуально). М. Оже участки с переизбытком такой информации, способной «заменять» сам ландшафт назвал *не-местами*. «Некоторые места существуют лишь благодаря словам, обозначающим их, – они являются в этом отношении не-местами», – писал французский исследователь [74, с. 103], и далее: «Не-место <...> существует, не содержа в себе ничего органически социального» [74, с. 121]. Чаще всего информационному загрязнению подвержены урбанизированные и автотранспортные ландшафты, здесь концентрация рекламных носителей наибольшая. Но даже один бигборд способен начисто уничтожить образ ландшафта, если это ландшафт природный, а рекламный щит бесцеремонно в него вклеен (без кавычек).

Мы не будем углубляться в теорию рекламы, маркетинга, сущности современной торговли и политики, как разновидности торговли политическими образами, а также влияния рекламы на поведение и психику человека. По этому поводу существует обширная литература. Подчеркнем только один важный в данном случае момент: в отличие от физического и химического загрязнения окружающей среды, информационное её загрязнение носит явно не технологический и иррациональный характер. Заявления типа «торговля – двигатель прогресса», «торговля – двигатель экономики», в лучшем случае, банально действуют на нервы, а в худшем приводят к возникновению такого понятия как «торгашеская цивилизация» (понятие, фигурирующее в современной «левой» публицистике). В конечном счете, вся современная экономика, поддерживаемая и стимулируемая рекламой (а также политика, как разновидность торговли), сводится к удовлетворению потребительских форм поведения человека, превращаемого в придаток к товару «просто» и товару – политическому образу. Об этом также много написано в современной критически ориентированной философии и социологии.

Подобно тому, как физическое и химическое загрязнение способно кардинально изменить ландшафт, в том числе и на

уровне инварианта, также и информационное его загрязнение может менять ландшафт до неузнаваемости и необратимости. Правда, неузнаваемость эта чаще всего «прячется» где-то в ментальных глубинах человеческого поведения, но сути дела это не меняет. Агрессия товарной формы по отношению к ландшафту накапливается и в какой-то момент «количество торгашества» в ландшафте переходит в новое качество, меняя сам ландшафт, кардинально трансформируя его экзистенциал. Тогда начинают говорить о «пространстве-на-продажу» и даже «капитализации пространства» [41, с. 32]; или о супермаркетах, «наступающих на пространство» с помощью текста [74, с. 108]; или о коммерческом «брендинге ландшафта» в глобальном масштабе [50, с. 177, с. 429]; или о «политическом ландшафте», как месте, где «откровенно издеваются над истинной» [36, с. 81] и т.д. Ландшафт, как относительно инертная площадка для торговли – торговли не столько как физического действия, сколько как мировоззрения, смысла и образа жизни, трансформируется в активного участника торгашеских вакханалий. В таких ландшафтах взывают к «духам товара» и молятся на «богов потребления». И в этом смысле в них есть что-то от сакральных ландшафтов, от капищ, на которых ещё древние иудеи поклонялись Золотому Тельцу, чем вызвали нешуточный гнев Бога и только благодаря заступничеству Моисея не были Им уничтожены (32 Исх. 1-14). С тех пор культ Мамоны с местами его почитания то там, то здесь возникал на протяжении всей истории, пока не достиг совершенства и законченности в современных гипермаркетах и торгово-развлекательных центрах: родство последних с храмами неоднократно подчеркивалось в современной критической литературе [117, с. 80]. Такие торгашеские урболандшафты, «сакральные ландшафты наоборот», как грибы после дождя, растут на наших глазах, бравидура стеклом и дешевым металлопластиком до иступления – до состояния деархитектуры (рис. 6). Их опасность очень велика, по существу это – *ландшафты-гнойники сознания*, в них вызревают черви потребительских инстинктов Homo sapiens'a, медленно, но уверенно выползающие на ведущие позиции в «этом мерзком зверинце пороков людских» (Ш. Бодлер) разрушителей и деструкторов географической оболочки. При всём этом процесс гниения обладает притягательностью болезненной и болезнетворной эстетики декаданса, шармом пошлости и гламурностью дикого эгоизма.

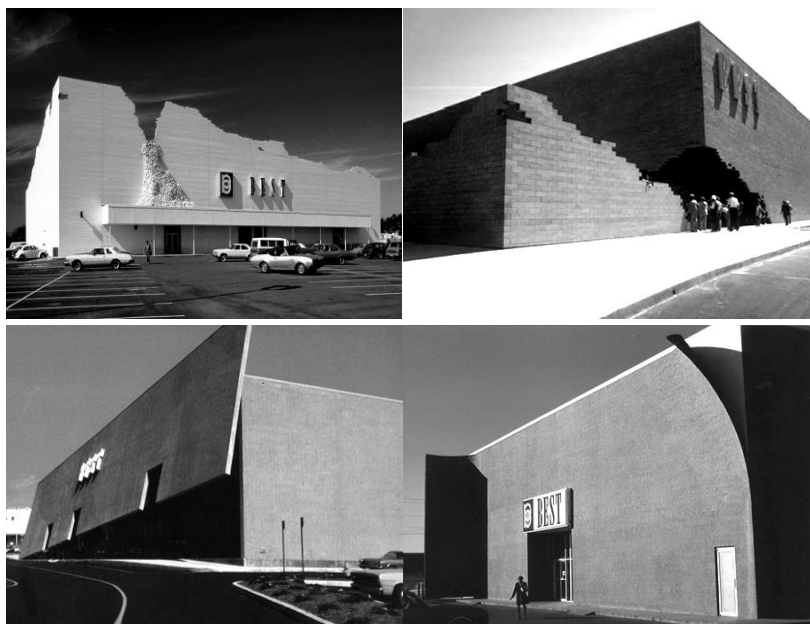

Рис. 6. Сооружения магазинов торговой сети BEST выполнены в архитектурном стиле «деархитектура», использующего приём хаотичного разламывание и разложения архитектурной массы. Этот стиль как нельзя более точно передаёт с помощью архитектурного образа экзистенциальную сущность торгашеских урбандолафтов современности. Источник: <http://ounodesign.com/2009/03/15/still-unsurpassed-box-store-architecture-site/>

Одновременно агрессия товарной формы по отношению к ландшафту превращает его в тривиальный товар. Ландшафт на продажу существовал всегда. Хотя бы в форме той же ренты, частной собственности на землю, а в засушливых странах – и на воду. Однако нынешние торги ландшафтами нам представляются переросшими грубо-примитивные законы экономики частного землевладения и земельной ренты, которые уходят корнями в животные инстинкты приматов, в частности в территориальный инстинкт. Сегодня ландшафт широко продается и перепродается как способ накопления, символ престижа, знак власти или «бойкое место». Очень популярны его продажи как рекреационного ресурса. Навязчивы продажи ландшафтных образов (вспомним, что образ – неотъемлемая часть, признак и свойство ландшафта). Продаются ландшафты также как произведения искусства – ландшафтной архитектуры и дизайна, широким массам, как правило, – в лубочной и аляповой форме. Здесь, кстати, кроется причина того, что

рекламирующие, продающие и продаваемые ландшафты мы назвали обобщенно поп-ландшафтами. Для ландшафтов, ориентированных как на массового продавца и покупателя, так и на современные «элиты», характерно более или менее выраженное снижение эстетических качеств. Высокое и выспренное, воплощаемое, в том числе и в ландшафте, сегодня продается плохо. А вот обывательский лубок, мещанский китч, кричащая броскость, безвкусная роскошь, внешняя эффектность, престижный стандарт – это да, это ставится на конвейер. И не только в переносном смысле слова. Первые постановки эстетических качеств товарной продукции на конвейер, известны как дизайн рекламы. Открытие по привлечению эстетики дизайна для зазывания массового покупателя на массовый товар было связано с конвейерным производством. В маркетинге свой окончательный статус это открытие получило в 1907 году, благодаря усилиям известного германского художника, дизайнера и архитектора Питера Беренса, занимавшегося разработкой рекламы для фирмы AEG [83]. (Изобретение Генри Фордом поточного производства на основе конвейера датируется, как известно, 1908-м годом). Омассовление приёмов художественного творчества и поточное производство художественных продуктов ведут к возникновению того, что в искусствоведении называют поп-артом, а в культурологии поп-культурой. Поэтому мы и обобщили понятием «поп-» все формы торгашеских ландшафтов, начиная с самых примитивных – загрязненных рекламной информацией.

Поп-ландшафт агрессивен. Его агрессивность обуславливается, прежде всего, агрессивностью товарной формы, которая, в свою очередь, зиждется на агрессивности отупляющей массовой культуры, а эта имеет в своей основе агрессивность инстинкта зоологического индивидуализма.

Покемон-ландшафты. Это ландшафты, в которых реальный и виртуальный ландшафты соединяются в одно целое. Факт такого соединения индицируется поведением человека: пребывая физически в реальном ландшафте, он ведет себя – опять-таки, физически – так, словно пребывает в совсем ином мире, то есть в виртуальном ландшафте. Покемон-ландшафты – продукт информационного общества, это новейшая разновидность ландшафтов абсурда, родившаяся на наших глазах и пока совершенно не изученная.

Сегодня опасность покемон-ландшафтов проявляется, главным образом, в неадекватности и деструктивности физического поведения человека в реальном ландшафте, которое генерируется в виртуальной среде. Когда любители поиграть в покемонов (отсюда предлагаемое название этой разновидности ландшафтов абсурда) бегают по реальным ландшафтам где попало в поисках виртуальных существ, это может вызвать улыбку. Но когда

подросток, наслушавшись «инструкций» от «Синего Кита» или «Красной Совы» (суицидальные интернет-игры), реально ложится под поезд или прыгает с крыши многоэтажки – тут уже не до смеха. Это уже бытие-к-смерти без всякой метафоричности, но с отчетливым уголовным подтекстом (статья «Доведение до самоубийства»). В таких случаях агрессивность покемон-ландшафтов более чем очевидна.

Что несет нам дальнейшее «развитие» таких ландшафтов абсурда? То, что, по точному наблюдению антрополога Жака Эллюля, техника станет полностью антропоморфной, а человеческие существа – полностью техноморфными [27, с. 114]. Точнее, Эллюль говорит об этом уже в настоящем времени, может быть это пока и преувеличение. Но если в не такое уже и далёкое «светлое информационное будущее», заглянуть глазами фантаста, кинематографиста, квазинаучного футуролога, да и серьезного учёного, то покемон-ландшафт, приняв в своё лоно и с к у с т в е н н ы й и н т е л л е к т, предстанет перед нами как вполне зловещая реальность со свойствами, которые сегодня и представить трудно. Во всяком случае, предупреждение об опасности искусственного интеллекта, сделанное незадолго до смерти крупнейшим физиком современности Стивеном Хокингом, получило большой общественный резонанс. Израильский популяризатор науки Ю.Н. Харари в мрачных тонах описывает фундаментальную деструктивность и антигуманизм информационного будущего и отчасти уже настоящего [106]. А культовая трилогия «Матрица» американских режиссёров Эндрю и Лоуренса Вачовски с потрясающей художественной силой демонстрирует нам то, чем завтра для человека может обернуться покемон-ландшафт, в котором сегодня бегают забавные и милые «зверушки» покемоны.

Агрессивность покемон-ландшафта обуславливается, в первую очередь, агрессивностью виртуальной среды по отношению к физической. В частности, формы человеческого поведения всё в большей и большей мере зависят от правил, законов и алгоритмов, по которым живёт виртуальный ландшафт. Очевидно, достаточно технического внедрения злого умысла в виртуальную среду с целью корректирования и управления человеческим поведением, чтобы произошла катастрофа.

Интерстициальные ландшафты. Понятие интерстициальности (от лат. *Interstitium* – промежуток), используется сегодня в медицине, экологии, градостроительстве, социологии. В экологии животных, особенно в гидробиологии, под интерстициальным местообитанием (интерстициалью) понимаются разного рода плёночные и поверхностные промежуточные местообитания, заселяемые микроорганизмами, простейшими, мезофауной (например, плёночная влага почвы, щели и проходы между

песчинками, нижняя кромка льда, поверхность ракушек, зона заплеска волн в литорали, водная приповерхностная пленка). В медицине говорится об интерстициальных клетках и тканях (соединительных) и подчеркивается их высокий уровень предрасположенности к патогенным трансформациям. В социологии об интерстициальных местах и территориях первым заговорил, по-видимому, американский социолог Ф.М. Трэшер, изучавший банды Чикаго. В его фундаментальной работе «The Gang», увидевшей свет ещё в 1927 году (и позже неоднократно переиздававшейся [120]) к интерстициальным территориям городов были отнесены места концентрации и воспроизведения групповой и организованной преступности. (Яркий пример подобной территории показан в фильме Люка Бессона «13-й квартал»). Наиболее близкими к ландшафтно-географическим являются интерпретации интерстициальности в архитектуре и градостроительстве. Так, современный канадский архитектор Люк Левескю к интерстициальным урбанизированным территориям относит то, что в англоязычной литературе иногда обозначается как *man's land* – ничейные земли, бесхозные районы, промежуточные территории, места-прокладки [118]. Левескю прямо связывает понятие интерстициального места с понятие ландшафтности (при этом он, обращаясь к иному переводу на английский фр. «*payisag  it  *» – к неологизму «*landscapeness*»). Это важный момент. По существу, так подчеркивается то, что интерстициальное место – это по своей сути ландшафт, городской ландшафт, но такой ландшафт, смысл которого не вполне вкладывается в традиционные интерпретации понятия ландшафта. Как мы знаем, одна из важных причин, вызвавших к жизни понятие «ландшафтность», как раз в том и состояла, чтобы обозначить, идентифицировать, репрезентировать «ландшафт» с такими новыми смыслами, которые не вкладываются в традиционные.

Интерстициальные места имеют предрасположенность к деструкции. В медицине соединительные ткани считаются местами, где риск образования злокачественных опухолей больше. Социальные же интерстициальные места очевидно деструктивны: в них генерируются разнообразные формы бытового, уголовного насилия, криминальное сознание и психология. В интерстициальных местах сосредоточиваются необычные объекты и явления. Например, на поверхности раздела «вода – атмосфера» живут клопы-водомерки из рода *Halobates* – единственные насекомые, которые приспособлены к существованию в открытом море. Жизнь в интерстициальных областях – это всегда жизнь как бы на краю, жизнь на рубеже, жизнь в неопределенности, в ожидании и риске. Это важно для экзистенциала. Как мы знаем, экзистенциализм проявляет особое внимание к разного рода пограничным и экстремальным состояниям (психики, социума,

бытия) и считает, что именно в таких состояниях наиболее полно раскрывается людская экзистенция.

В контексте нашего исследования ландшафтов абсурда, ландшафтов негативной «экзистенциогенности», нетрудно прийти к выводу, что к интерстициальным ландшафтам следует отнести разного рода *социально-девастированные ландшафты*. В большинстве случаев, это селитебные ландшафты районов сосредоточения бедноты, пауперов, мигрантов, криминалитета и т.п. Они могут быть представлены трущобами, флавелами, «шанхаями», городками наркоманов, деградирующими «спальными» микрорайонами, в общем, все тем, что в своей киноленте «13-й квартал» сконцентрировал Бессон. Но и в сельской местности сельские селитебные ландшафты – интерстициальные ландшафты не редкость (в частности, в условиях современной Украины). Целые деревни могут быть населены пьяницами и алкоголиками; в последние годы появилась масса вымирающих сёл, лишенных каких бы то ни было «благ цивилизации», элементарной инфраструктуры. Социально-девастированные интерстициальные ландшафты – это тот случай, когда экзистенциальное разрушение сопровождается физической деградацией. Места горя, безнадёжности, болезней, самого настоящего и отнюдь не философского бытия-к-смерти одновременно являются и местами разрухи, разрушения, рассыпания... Глядя на них, невольно вспоминаешь строки Андрея Белого: «Туда, где смертей и болезней, // Лихая прошла колея, // Исчезни в пространство, исчезни, // Россия, Россия, моя». Такие интерстициальные ландшафты можно было бы назвать *ландшафтами агонии*.

Вероятно, среди социально-девастированных ландшафтов следует различать и другие разновидности. Мы полагаем, что к ним следует отнести также *горнопромышленные* и *промышленные ландшафты потогонных систем труда*. Они берут начало, по-видимому, от древних каменоломней, где трудись рабы и откуда живыми они не выходили. Здесь человек умирал медленно и постепенно; сначала наступала смерть ментальная – человек терял волю, надежду, разум, затем – биологическая. Последняя могла отсрочиваться на более или менее длительный период (вплоть до «пожизненности»), но сути дела это не меняло. Тяжёлый, отупляющий, рабский и полурабский, монотонный потогонный труд, превращая человека в запуганное, не соображающее и покорное животное, убивает его ещё при биологической жизни. И сегодня таких ландшафтов немало. Типичными в эпоху глобализации стали промландшафты «фабрик-ласточек» (термин канадской журналистки Наоми Кляйн), которые создаются транснациональными корпорациями в бедных странах, в государствах с диктаторскими режимами и/или низким налогообложением

иностранного капитала («инвестиций»). Вот как описывает фабрично-заводские интерстициальные ландшафты города Кавите (Филиппины) Н. Кляйн: «Выстроившиеся в ряд фабрики, каждая с собственной проходной и охраной, тщательно спланированы с тем, чтобы выжимать с этой полосы земли максимум продукции. Цеховые здания без окон, сделанные из дешевого пластика и алюминиевого сайдинга, плотно прижаты друг к другу, так, что между ними остается не более нескольких футов пространства. На солнце блестят стенды с карточными регистрациями рабочего времени – тут следят, чтобы из каждого работающего выжималось максимальное количество сил, а из каждого дня – максимальное число рабочих часов. Улицы внутри зоны зловеще пусты; открытые ворота цехов – единственное средство вентиляции на большинстве фабрик – являют взору ряды молодых женщин, склонившихся над шумящими машинами. <...> Я иду вдоль пустых улиц Кавите и чувствую какое-то угрожающее непостоянство, какую-то фундаментальную нестабильность зоны. Похожие на сараи корпуса настолько не сочетаются с окружающей природой, с прилежащим городом, с самой почвой, на которой стоят, что кажется: рабочие места, переместившиеся сюда с севера, так же легко могут «мигрировать» обратно <...> Зоны пронизаны страхом. Правительство боится потерять иностранные предприятия; те, в свою очередь, боятся потерять своих заказчиков с громкими именами; рабочие боятся потерять работу. Эти фабрики выстроены даже не на песке, – их можно назвать «воздушными замками» [50, с. 265-266, с. 268].

И уж совсем необычная разновидность объектов, которые также можно отнести к интерстициальным ландшафтам, была недавно описана исследователем арктических ландшафтов Н.А. Смирновым. Точнее, зародыши этих объектов многие из нас замечали – это поселения бомжей на свалках, но об их ландшафтной сущности мало кто задумывался. А ведь, по существу, такие поселения – не что иное как начала селитебных ландшафтов, как бы дико в данном случае это не звучало, формирующихся на ландшафтах паразитических. Смирнов обратил на этот феномен внимание, изучая геокультуры российской Арктики. Им описаны «свалка как тундра», «арктические трущобы» как места, где живут ненцы «вперемешку с промышленным мусором» [91, с. 63, с. 73]. Подчеркнем: речь идёт не о замусоривании селитебных ландшафтов трущоб, что обычно, речь идёт о совершенно новом, необычном и диком свойстве свалок – их превращении в селитебные ландшафты вне каких бы то ни было контекстов рекультивации. Здесь уже начинают проступать признаки ландшафтоида, о котором – ниже.

Агрессивность интерстициальных ландшафтов – это агрессивность «жизни на краю», агрессивность «дикого поля»

агрессивность фронта, который может существовать только, продвигаясь вперед, наступая. Социально-девастированные ландшафты сегодня являются главными проводниками негативных качеств и свойств экзистенциала в ландшафтной оболочке, поскольку они могут существовать только, постоянно наступая, расширяясь, захватывая новые и новые территории и площади.

В то же время, следует иметь в виду, что социально-девастированные ландшафты, несмотря на всю свою бесчеловечность, всё-таки целенаправленно не создаются для смерти, хотя последняя всегда в них присутствует или, по крайней мере, им сопутствует. Они – результат, так сказать экзистенциального и аксиологического загрязнения окружающей среды, подобно тому, как традиционные акультурные ландшафты – результат её физического и химического загрязнения. А вот абсурдистские ландшафты следующей ступени экзистенциально-негативного факторально-динамического ряда измененных и созданных человеком ландшафтов создаются целенаправленно или «в лучшем случае» возникают спонтанно именно ради смерти. Это – антиландшафты.

Антиландшафты. Термин «антиландшафт», автором которого является В.Л. Каганский [42], кажется нам весьма удачным и адекватным именно в связи с сущностной смертностью и некрофильностью этого типа ландшафтов абсурда. Действительно, само собой разумеющимся постулатом географии является то, что одной из сущностных, отличительных и характеристических черт ландшафтной оболочки – ландшафта самого высокого таксономического ранга является его **в и т а л ь н о с т ь**. Это же касается и меньших по таксономическому рангу ландшафтов. В них и только в них зарождается и проистекает **ж и з н ь**. Некоторые авторы придают этому свойству ландшафта настолько большое значение, что даже пытаются отождествлять понятие ландшафта с понятием экосистемы (а то и заменять одно другим). Нет, смерть в ландшафте тоже есть, но это естественная и понятная (рациональная) смерть – смерть как закономерное окончание любого жизненного процесса, ни один из которых никогда не длится вечно. Из факта витальности ландшафта следует очень простой вывод: если ландшафт вдруг оказывается *á*-витальным, то он перестает быть ландшафтом и становится *á*-ландшафтом, то есть антиландшафтом. Антиландшафт – это место зарождения и проистекания смерти искусственной, такой, которая вызывается и стимулируется человеческой деятельностью, в частности той её разновидностью, которую мы называем *убийством*.

Какие антропогенные ландшафты можно отнести к экзистенциальной категории антиландшафта? Самыми «безобидными» будут *беллигеративные ландшафты* – ландшафты мест сражений и битв. Правда, здесь нужно сделать

оговорку. Война может быть несправедливой, а может быть и справедливой. Вопрос сложный в философском и аксиологическом отношении. Но на интуитивном уровне понятно, что если на поле боя человек отдает свою жизнь за идеалы справедливости, свободы, независимости, человеческого достоинства, то однозначно отнести такое поле брани к антиландшафту у нас нет оснований. Но обратной стороной медали является то, что противоборствующая сторона выступает, как правило, с прямо противоположных позиций, и это дает нам основание смотреть на беллигеративный ландшафт как на антиландшафт. Здесь есть внутреннее противоречие. Поэтому о таком беллигеративном ландшафте лучше говорить, что он имеет признаки антиландшафта. Если же противоборствующие стороны устраивают драку «за кусок», если они обе обуяны демоном экспансионизма и агрессивности, то место их противоборства – однозначно антиландшафт. Вся сложность заключается в том, чтобы исторически и аксиологически адекватно правильно определить соотношение «плюсов» и «минусов» в беллигеративном ландшафте-антиландшафте, а это задача – очень непростая.

С войной связаны и такая разновидность антиландшафта как *лагерный ландшафт*. Российский культуролог Ю.П. Гусев назвал так ландшафты фашистских лагерей смерти, в частности Освенцима⁴² [26]. Как антропогенные ландшафты, это ландшафты селитебные. Но понятие «селитебности» в данном случае звучит как форменное издевательство. Ю.П. Гусев устами героя романа Имре Кертеса «Без судьбы» (это роман он анализирует в своей статье) – узника Аушвица – говорит: «Дальше мы увидели и строения, те самые, которые я заметил со станции, в самом деле, они и вблизи выглядели странными: длинные, приземистые, неопределенного цвета, с каким-то вентиляционным или осветительным устройством, выступающим по всей длине крыши. Каждое строение окружено было дорожкой, наподобие садовой аллеи, посыпанной красным щебнем, а от шоссе отделено широкой полосой аккуратно подстриженного газона; между домами же этими я, испытав веселое удивление, увидел маленькие огородики с капустой и другой зеленью и клумбы с пестрыми цветами. Всё выглядело очень чистым, ухоженным, всё радовало глаз» [26, с. 177]. «Всё радовало глаз» – это в Освенциме! Оказывается, ландшафт смерти может быть импозантным. Это издевательство или какая-то чудовищная экзистенциальная аберрация?

Дальше – больше. В ландшафте Освенцима происходит экзистенциальная инверсия пространства. В романе Кертеса это описывается как экзистенциально-топологическая перемена местамирая и ада. Рай в религии и мифопоэтике приурочен к небу: верх, ад – к подземелью: низ. Герой романа смотрит в небеса и

видит там глаза «доктора» Менгеле – нацистского преступника, ставившего в Освенциме «опыты» над людьми. И узнику вверху, в небе видится ад. Он смотрит на землю, то есть вниз, и видит лагерные клумбы и дорожки между бараками, и его охватывает чувство комфорта, и место внизу, в лагере смерти, ассоциируется у него с раем [29].

Теодор Адорно, анализируя феномен Аушвица, в своё время показал, что подобные места обладают вообще некоей экзистенциальной экстерриториальностью [1]. Этот важный для нас момент с позиций метафизики ландшафта (см. выше) подробно обсуждает и анализирует В.А. Подорога. Философ объясняет то, почему лагерный ландшафт смерти сущностно “экстерриториален <...> не имеет географически-физического измерения <...> вне пространства жизни <...> «чёрная дыра» [78, с. 389]. Список таких «чёрных дыр» Подорога расширяет за счет лагерных ландшафтов ГУЛАГа.

Топологическую инвертированность и экстерриториальность лагерных ландшафтов смерти можно рассматривать как завершение той экзистенциально-пространственной эволюции ландшафтов абсурда, которая началась в поп-ландшафтах. В них, как мы помним, возник феномен не-местности. В покемон-ландшафтах реальность физического пространства размылась в виртуальной среде Сети. А интерстициальный ландшафт негативно-экзистенциально утверждается в краевом, пограничном пространстве, на меже, как и фронтир бытия, движущегося к смерти. И вот конечный пункт пространственных трансформаций: антиландшафт. В нём пространство выворачивается наизнанку или свертывается в «чёрную дыру» – совсем как в физике: всё, что туда попадает – всё пропадает и не возвращается обратно. Все позитивные качества, свойства и характеристики экзистенциала из такого ландшафта исчезают. Остаются только отрицательные, если такой экзистенциал вообще можно назвать экзистенциалом.

И ещё один важный негативный момент экзистенциала антиландшафта, вскрытый, как нарыв цивилизации, феноменом Освенцима и его антиландшафтом: *кардинальная инверсия культуры*. Адорно, как известно, поставил вопрос, что называется ребром: а возможна ли вообще после Освенцима культура? [1]. В самом деле, культура – главный предохранитель человека от проявления инстинкта зоологического индивидуализма не сработала в таких масштабах и в таком вопиющем качестве, что вообще впору поставить вопрос: а возможна ли она, в самом деле, как фактор предотвращения подобных экзистенциальных катастроф? Грубо говоря: способна ли в современном мире культура в принципе выполнять эту свою главнейшую миссию – служить препятствием для проявлений человеком деструктивных форм поведения? Если «нет», то каких трансформаций культуры

можно ещё ожидать, и не превратится ли она, в конечном счёте, в «союзицу» зоологического индивидуализма, придя тем самым к отрицанию самой себя. Ведь предпосылка к этому – в виде массовой культуры, ответственной за формирование поп-ландшафта, уже имеется.

Ответ на этот вопрос могут дать наблюдения и анализ следующей – самой «совершенной» разновидность антиландшафта – урболандшафтов городов, в которых разрабатывается и производится *оружие массового уничтожения*. В.Л. Каганский к понятию антиландшафта пришел, изучая именно такой город – в прошлом Арзамас-16, сегодня Саров [42]. В этих ландшафтах бросается в глаза, прежде всего то, что они – почти идеальные урболандшафты. Здесь царят порядок и изобилие, здесь удобно жить (они прекрасно спланированы), они окружены красивыми радующими глаз лесными пейзажами, здесь высококачественный социальный состав населения, а работа, которая предлагается человеку, носит творческий, инновационный характер – она направлена на познание тайн вещества, Вселенной, сил природы, и в техническом завершении – на создание чудес инженерного искусства и конструирования. Каганский пишет, что в Арзамасе-16 в период его расцвета работала едва ли не половина всех членкоров и академиком в области физических наук СССР. Правда, уже на визуальном уровне бросается в глаза два «странных» качества этих современных ландшафтов «городов Солнца»: строгая режимность (засекреченность) и «плохая экология» (о которой, впрочем, знают немногие). Это признаки того, что сии города⁴³ суть «воплощенный **военно-промышленный урбанизм**» [42, с. 218]. А Солнце в таких «городах Солнца» суть вспышка ядерного взрыва. Ведь для создания таких «солнц» подобные города и построены и живут этим. Здесь делают смерть для всего мира, для всей планеты. И этот факт служит основанием для того, чтобы в таких урболандшафтах исчезало всё, в том числе и пространство. Каганский об Арзамасе-16 пишет как об экстерриториальном урбанизированном антиландшафте, который бытует вообще «вне пространства и географии» [42, с. 215]. Он показывает, что «это место – **ландшафтная аномалия**», где «не действует основной закон ландшафта – позиционный принцип, по которому размер, смысл, связи, функции места согласованы с его положением в пространстве; «отменена» логика географического положения» [42, с. 218]. Культура в антиландшафте подобного типа подменяется культом атомной бомбы [42, с. 229]. А это – явление уже почти библейского апокалипсического и эсхатологического порядка. Недаром в гербе уже «демократического» и «духовного» Сарова, пришедшего в 1990-х на смену атеистическому советскому Арзамасу-16 (а Серафим Саровский, имя которого носит город, является одним из самых почитаемых в православии святых),

изображены колокольня церкви и стилизованный рисунок атома. Такие атомы обычно изображают на гербах городов-спутников АЭС. Но в данном-то случае речь идет отнюдь не об атомной энергетике и вовсе не о «мирном атоме»! С позиций здравого смысла, более абсурдное сочетание символов – божественности и тотального уничтожения – трудно представить! А вот с точки зрения эсхатологии, в том числе и христианской, оно вполне закономерно...

В целом агрессивность ландшафтов абсурда из группы антиландшафтов проявляется в закономерном соединении, сплавлении, совокуплении агрессивности негативно-экзистенциальной и физической. В результате такого «синтеза» выходит нечто ландшафтно-чудовищное, переворачивающее с ног на голову или выворачивающее наизнанку («чёрные дыры») пространство и превращающее культуру в свою противоположность. В антиландшафте агрессивность абсурдистского ландшафта достигает максимума своего проявления. На следующей, завершающей, ступени экзистенциально-негативного факторально-динамического ряда изменённых и созданных человеком ландшафтов всё «успокаивается» и «входит в колено». Никаких эксцессов, только – технология. Вот только что это за колено и куда она ведёт?

Ландшафтоиды. Ландшафтоид – это безнадежно больной ландшафт. Я подчеркиваю: б е з н а д е ж н о.

Ландшафтоиды образуются как результат *технологического бескультурья*. Подробно вопрос рассмотрен нами в [98], здесь остановимся на главных моментах.

Все те перипетии культурных трансформаций, о которых говорилось выше и которые шаг за шагом вели к тому, чтобы культура перестала выполнять свою главную функцию – служить препятствием проявлениям в человеческом поведении инстинкта зоологического индивидуализма, все они ещё в 1960-х годах были «структурно» обобщены Гербертом Маркузе следующим образом. “Новизна сегодняшней ситуации, – писал философ, – заключается в сглаживании антагонизма между культурой и социальной действительностью путем отторжения оппозиционных, чуждых и трансцендирующих элементов в высокой культуре, благодаря которым она создавала *иное измерение* реальности. Ликвидация *двухмерной* культуры происходит не посредством отрицания и отбрасывания «культурных ценностей», но посредством их полного встраивания в утвердившийся порядок и их массового воспроизводства и демонстрации” [67, с. 73]. В такой ситуации рождались ландшафты абсурда от поп-ландшафтов до антиландшафтов включительно. Сегодня ситуация качественно изменилась – в худшую сторону, и это привело к возникновению феномена ландшафтоида.

В период 1970-х – 2000-х гг., то есть в период становления «ситуации постмодерна» и информационного общества, и в особенности после реставрации капитализма в глобальном масштабе в 1990-х годах, переродившаяся культура (далее понятие культуры можно употреблять лишь условно), не просто встроилась в негативную историческую и социальную систему, не просто трансформировалась в механизм её саморегуляции и самовоспроизведения, она начала сама создавать вокруг себя некое «силовое» поле – пространство тотальной деструкции и деградации. Она трансформировалась (пока частично, но процесс идёт бешеными темпами) в *технологическое бескультурье*. Суть его предельно проста. Для дальнейшего существования капитализму нужно безмозглое, тупое, интенсивно жующее стадо. Это стадо должно, не задумываясь и не задавая вопросов, работать и потреблять, потреблять и работать. Для того чтобы коллективы Homo sapiens'ов превратить в стаи Pan troglodytes'ов – не в Homo economicus'ов и даже не в Homo consumens'ов и Homo gourmanikus'ов, отупляющего механизма массовой культуры уже недостаточно. Нужна антикультура, или то, что в просторечии зовется бескультурьем. Но не то бытовое бескультурье, которое возникает в силу недостатка культуры, образующегося из-за социальной несправедливости, люмпенизации, просчётов в образовании и воспитании, деградации института семьи, из-за пьянства и наркомании, из-за за тривиализации науки и философии и тому подобных и з д е р ж е к «исторического производства», которые в той или иной степени так или иначе имели место всегда; а бескультурье а) технологически производимое и внедряемое в социум с помощью новейших информационных, нейролингвистических, психофармакологических и политических технологий; б) выполняющее технологическую функцию: сделать из человека автомат для работы и потребления. Бескультурье, которое все склонности и поползновения к протесту и критическому, даже просто аналитическому, мышлению «умиротворяет с помощью капучино» ([107, с. 410]).

Такое бескультурье выполняет технологические функции в широком смысле слова – от регуляции и управления самым что ни на есть настоящим технологическим процессом, принявшим форму потогонного отупляющего труда, до осуществления самых разнообразных социальных, политических и даже этических (!) технологий, призванных в качестве конечной цели утвердить, закрепить и освятить в истории только одно право – право собственности. И эти технологии близки к успеху. Если «земля» может быть частной собственностью, то почему частной собственностью не может быть «Земля»?..

Такое бескультурье мы и называем технологическим. При этом нужно сказать, что предлагаемый термин не отражает все

«глубины падения» культуры. В данном случае она не только не препятствует проявлениям зоологического индивидуализма, не только стимулирует его проявления, она создает его новые формы. Культура обращается в свою противоположность, но уже в такую противоположность, суть которой не передашь ни приставкой «анти-» ни даже приставкой «без-»; в русском языке для этого просто нет адекватного слова или словосочетаний. Есть необходимость доказывать, что это – путь никуда? – Именно на этом пути мы встречаемся с ландшафтоидом.

Ландшафтоид – феномен новый (1970-е – 2000-е), неизученный. Но одна его разновидность уже успела, что называется намозолить глаза. Это – обычные свалки бытового мусора, причём по размерам пока относительно небольшие. Почему мы их относим к ландшафтоидам? – Причина в следующем. Огромный полигон ТБО рационален. Он вынужден, он обусловлен недостатками наших технико-технологических знаний. На переработку ТБО и рекультивацию полигонов направлены научные и организационные усилия. Рационально можно объяснить даже те стихийные свалки, которые селяне устраивают на периферии своих сёл: нищета, нет технических возможностей вывезти мусор, безразличие местных властей и т.п. С этим тоже можно бороться рациональными средствами. А как рационально объяснить кучу мусора, оставленную рекреантами в пригородном лесу? – Никак! В её возникновении нет ни технологической необходимости, ни экономически вынужденной потребности. Она возникла в силу хамства, лени, безразличия или хулиганских побуждений. На вопрос много или мало таких куч и как быстро они разрастаются, предоставим читателю ответить самому. В данном случае важнее подчеркнуть, что все те «человеческие качества», из-за которых возникла иррациональная куча мусора, – продукт именно технологического бескультурья, которое невозможно преодолеть известными в истории средствами. Могут сказать, что «можно» – можно с помощью закона и педагогики... Но как, если «мы живём в мире, где права частной собственности и норма прибыли попирают все остальные представления о правах» [107, с. 399]? если понятия закона сегодня – понятия не из области права и морали, а категория «рыночных отношений» в сфере юриспруденции и государственного управления (коррупция)? А педагогика ... нынешняя педагогика, порождаемая также «рыночными отношениями», некоторым социологам видится проявлением такой культуры, к которой мы можем поставить только приставки «анти-» и «без-» [36]⁴⁴.

У «цивилизации» сегодня нет средств нейтрализации технологического бескультурья, порождающего ландшафтоиды. А значит последние – это, в самом деле, безнадежно больные ландшафты. Все остальные ландшафты абсурда, ландшафты с

преимущественно или полностью негативным экзистенциалом так или иначе поддаются «лечению». Так, урбанизированные антиландшафты «атомных городов» можно как-то приструнивать борьбой за мир или в худшем случае страхом смерти («в ядерной войне победителей не будет»), покёмон-ландшафты ещё поддаются технической регуляции и управлению («обрубить Интернет»), а с поп-ландшафтами ещё можно бороться с помощью той же культуры – традиционной культуры, воспитывающей эстетический вкус и отворачивающей человека от пошлого и безобразного. И только против ландшафтоида средства нет.

Пусть нас не вводит в заблуждение, что пока это только свалки. Завтра появится ещё какое-то «чудо». Пусть нас не успокаивает, то, что свалки-кучи пригородных лесов в сравнении с полигонами ТБО малы. Раковая опухоль тоже может начать развиваться с мутации в одной лишь клетке. Ландшафтоиды сегодня маленькие, но их очень-очень много, увеличиваются в размерах и захватывают новые территории они быстро. Так растет раковая опухоль, так убивают организм её метастазы. Если говорить об агрессивности ландшафтоида, то, по-видимому, можно было бы употребить такой термин: *ландшафтный канцерогенез*.

* * *

Очевидно, в случае ландшафтоида мы подошли к тому пункту, когда говорить о явлениях одного порядка – о явлениях ландшафтных, используя только понятие «ландшафт», даже со множеством оговорок, невозможно. Ландшафтоид лишён главного, что есть в ландшафте – способности с помощью гармонии переваривать абсурд. Мало того, он сам суть предельное ландшафтное воплощение экзистенциального абсурда и способен убить гармонию. Говоря о ландшафтоиде, как о безнадежно больном ландшафте, мы, молча, признаём, что он неизбежно умрет. И, возможно, убьет весь тот организм, который заражен его метастазами. Но, подобно тому, как врач-онколог не рассматривает раковую опухоль в отрыве от биологической системы организма в целом, ландшафтовед также должен систему «ландшафт – ландшафтоид» рассматривать как целостность. Однако в рамках традиционного ландшафтоведения у него для такого рассмотрения нет не то что метода и методологии, нет даже термина. Очевидно, в такой ситуации понятие ландшафтности, что называется, само напрашивается. В контексте «надландшафтной» и «надландшафтоидной» ландшафтности возможно эпистемологически и методически корректно подойти к рассмотрению ландшафта и ландшафтоида, как системной целостности. (Ясно, что о гармонической целостности или об эмерджентности речь здесь идти уже в принципе не может).

Негативная поляризация ландшафтной сферы и деонтология ландшафтоведения

Идея поляризации ландшафтной сферы была высказана и обоснована Б.Б. Родоманом в начале 1970-х [85]. Она была (и остаётся) красивой географической идеей, обосновывающей и разъясняющей то, как лучше всего расположить в географической оболочке ландшафты разной степени антропогенно-техногенной преобразованности – расположить их так, чтобы на Земле было достаточно места всему – от ландшафтов фабрично-заводских до девственных лесов и нехоженых человеком гор. Что-то похожее можно найти у советских конструктивистов-дезурбанистов 1920-х – начала 1930-х гг. (М. Гинзбург, М. Охитович), у немца Т. Фритча и англичанина Э. Говарда (концепция «города сада», 1890-е –1900-е гг.), и далее в веках – у авторов средневековых и античных утопий идеальных городов. Но географическая реальность сегодняшнего дня очень далека от оптимально и рационально поляризованного пространства. Вот как действительное состояние поляризованного пространства в городах (то есть поляризацию урболандшафтов) «красочно» описывает один из немногочисленных ныне здравствующих радикальных географов поколения 1960-х –1970-х – мэтр Дэвид Харвей: «Результаты этого развития [поляризации – Ю.Т.] будут запечатлены в формах наших городов, которые всё в большей степени складываются из отдельных хорошо защищённых районов, огороженных сообществ и приватизированных общественных мест, находящихся под постоянным наблюдением <...> Богатые сообщества, которые могут позволить себе разного рода услуги, например, эксклюзивные школы, поля для гольфа, теннисные корты и частное круглосуточное патрулирование полицией, будут перемежаться с нелегальными поселениями, где единственным источником воды будет общественный фонтан, отсутствует система канализации, электричество незаконно крадётся теми немногими, кто имеет к нему доступ, дороги превращаются в потоки грязи во время дождя и проживание нескольких семей в одном доме является нормой. Кажется, каждый такой фрагмент городской мозаики живёт и функционирует автономно, крепко держась за то, что он может добыть в ежедневной борьбе за выживание» [107, с. 411].

Самая большая проблема, даже беда, заключается в том, что экзистенциально-негативные ландшафты имманентно агрессивны. Выше мы специально акцентировали внимание на главных формах их агрессивности. В том, что ландшафты абсурда обладают агрессивностью – качеством высокоразвитого живого организма вообще и человека в частности, нет ничего удивительного.

Носитель негативной агрессивности⁴⁵ – человек, человек – компонент ландшафта, значит, его негативная агрессивность передаётся ландшафту. Наиболее деструктивные формы агрессивности сопряжены с инстинктом зоологического индивидуализма. В животном мире проявления последнего регулируются внутрипопуляционными и внутривидовыми отношениями, законами экологии. В человеческом обществе... Ну, об этом речь шла.

Негативная агрессивность ландшафта нарастает (не обязательно линейно) от поп-ландшафта до антиландшафта, а в ландшафтоиде приобретает совершенно специфическую форму саморазрушающегося и разрушающего процесса – ландшафтного канцерогенеза. Учитывая это, все ландшафты географической оболочки можно расположить в поле напряжения экзистенциального негатива или негативной составляющей экзистенциала, который ей внутренне присущ. И они в этом поле начнут поляризоваться. На иррациональную поляризацию, обусловленную экзистенциальными причинами, может накладываться рациональная негативная поляризация, обусловленная обычным «загрязнением природной среды». В результате формируется очень сложная, на сегодняшний день практически не изученная пространственная картина поляризованной ландшафтной сферы, полюсами поляризации которой выступают девственный природный ландшафт и идеальный культурный ландшафт, с одной стороны, и физически предельно девастированный ландшафт (те же *рациональные паразитические ландшафты* полигонов ТБО) и ландшафтоид (полностью *иррациональные паразитические ландшафты*), с другой стороны. Соотношения рациональной и иррациональной (абсурдистской) составляющих в девастировании ландшафтной сферы зависят от экзистенциальных причин. При этом следует помнить, что рациональная физическая и иррациональная экзистенциальная девастированность ландшафта связаны между собой отнюдь не линейно: пример «образцово-показательного» урбанизированного антиландшафта «атомного» города – наглядное тому подтверждение.

В связи с имманентной негативной агрессивностью иррационально девастированных ландшафтов, все остальные типы ландшафтов географической оболочки, включая и рационально девастированные, оказываются перед ними совершенно беззащитными. В особенности – перед ландшафтоидами. Здесь уместно провести такую аналогию. В политической истории показано, что миролюбивые, неагрессивные территориальные политические структуры постоянно покоряются, завоёвываются, разрушаются воинственными, как правило, имеющими более или менее жёсткую иерархию, этатистскими или квазиэтатистскими

образованиями [22]. Но с миролюбивыми политиями тесно связано и «миролюбивое природопользование»; точнее они взаимосвязаны и даже взаимообусловлены. Как свидетельствует скрупулёзный историко-антропологический анализ Филиппа Десколы [33], наибольшую степень миролюбия в «природопользовании» проявляют тотемистские общества (или, выражаясь в терминах Десколы, общества с тотемистским онтологическим режимом). В целом, миролюбиво настроены к природе и общества с анимистским онтологическим режимом. Их мифопоэтику и своеобразную щадящую философию природопользования сегодня пытаются брать на вооружение многочисленные инвайронменталистские течения, особенно практикующие так называемую глубокую экологию и примитивизм. Но именно тотемистские и анимистские общества на протяжении всей истории считались «дикими» и «нецивилизованными». Представители более «развитых» онтологических режимов – европейского натуралистского и дальневосточно-южноазиатского аналогового (термины Десколы) всегда стремились покорять эти «нецивилизованные» народы, что сопровождалось широким спектром насилия – от ограничения в политических правах до полной ассимиляции, уничтожения самобытности и даже геноцида⁴⁶. А поскольку именно этим онтологическим режимам, особенно натуралистскому (европейскому, позже евро-американскому), были и остаются свойственны наиболее последовательные проявления потребительского отношения к окружающей среде («покорение природы», «эксплуатация природных ресурсов» и т.п.), то с исчезновением (ассимиляцией, вымиранием) «нецивилизованных» народов, практиковавших онтологическую, если так можно выразиться, эко- и ландшафтофилию, исчезали и возможности широкомасштабного внедрения альтернативных принципов природопользования в ход «развития цивилизации». Так агрессивность поглощала неагрессивность – одновременно политически, социально-экономически и экологически. Остаётся только вспомнить, что всё то, что происходит в обществе, «от технологии до идеологии», – всё суть внутриландшафтные и межландшафтные («геосистемные») процессы. Так мы снова возвращаемся к проблеме негативной агрессивности ландшафтов из «царства» абсурда и обуславливаемой ею негативной поляризации географической оболочки. И нам остаётся рассмотреть последний – сакраментальный – вопрос: как долго это буде продолжаться и чем сия поляризация завершится? Как автор не оттягивал этот момент, но, очевидно, пришло время сделать шаг в область самую опасную и неблагоприятную и для учёного и для философа – в область футурологии.

Постараемся облегчить наш удел такой простой и на, первый взгляд, методически безобидной установкой: если речь заходит о прогнозе (в том числе, «географическом» или «экологическом»), а тем более о проекте, то научный анализ должен рассматривать все возможные варианты. Такая позиция кажется вполне логичной и адекватной. Но только кажется. На самом деле, она нас «подводит под монастырь». И происходит это так.

Прогнозируя-проектируя развитие географической оболочки, в том числе и с учетом хода её негативной поляризации, мы неизменно выбираем *happy end*, хотя и добавляем *ad astra per aspera* (кстати, так же назывался и снятый в 1980 г. советский научно-фантастический фильм на «межзвездную» социально-политическую и экологическую тематику режиссера Р. Викторова). А чем этот наш выбор продиктован? – Верой. Верой в научно-технический прогресс, верой в человеческий разум, верой в горьковское «человек – это звучит гордо». Как ни странно, явная или скрытая апелляция к вере⁴⁷ в данном случае воспринимается как «истинная объективность», «настоящий сциентизм», «материалистический взгляд на вещи» и тому подобные мантры-максимы новоевропейской науки. Почему же «объективная наука» стыдливо и с осторожностью прибегает к такому совсем необъективному аргументу как вера⁴⁸? Причина очень проста: только так строящийся ею проект-прогноз может быть позитивным. Или как пытаются убедить нас, например, украинские «эколого-географические» провайдеры «устойчивого развития» [64], «декларацию Рио» критиковать можно, но лучшего-то всё равно ничего нет...

Отложим, вслед за Фейерабендом, в сторону нашу слепую веру в «величие человеческого разума», дарованную нам «веком Просвещения». Что останется от «декларации Рио» и других подобных деклараций? Алармизм? Если бы... Останется вот что: «Долгая уверенность и надежда на эволюционный прогресс сменилась страхом, что мировую систему переделать невозможно» [9, с. 225]. Так сегодня в лице И. Валлерстайна утверждает уже сам мир системный анализ. Произносится это в разного рода интеллектуальных средах с большей или меньшей осторожностью, но логика таких посылов в любом случае приводит нас к одному выводу, для новоевропейской науки очень неприятному и по-человечески совсем неприемлемому, а именно: ***время, когда «глобальная эволюция» рассматривалась только в сценариях с happy end*** – пусть и по схеме *per aspera ad astra*, – это время ***прошло***. Или стремительно проходит. И нам не остаётся ничего другого, как сию «эволюцию» рассматривать в трёх возможных сценариях:

а) после прохождения тернистого пути, мы таки дойдем до светлого экологического (а заодно и экономического) будущего планеты;

б) географическая оболочка и человечество будут частично уничтожены, а те особи *Homo sapiens*'а, которые уцелеют, наберутся ума и начнут на Земле (или на Марсе?) совсем другую историю, или же, если ума не наберутся, будут «вечно возвращаться» – почти по Ницше – в ад пороков и катастроф;

в) географическая оболочка и человечество самоуничтожатся полностью, биологический вид *Homo sapiens* исчезнет: по comments...

Мы далеки от того, чтобы давать аксиологические и экзистенциальные интерпретации этим сценариям (которые и так вполне очевидны); ещё дальше мы от того, чтобы вычислять для каждого из сценариев процент вероятности, с которой он может реализоваться (что вообще вряд ли возможно, но с завидным упорством делается разного рода футурологами). Мы просто утверждаем, что **нужно иметь в виду все три сценария**. Независимо от того, хотим мы этого, или нет. Только такой подход сегодня можно считать беспримесно научным. Правда, это уже совсем другая наука, а «примесь» ... примесь – это вера. Которая, кстати сказать, не такое уже и большое утешение: понятие *эсхатологии* – тоже ведь понятие веры, а Библия, как известно, заканчивается книгой «Откровение Иоана Патмосского», именуемой также «Апокалипсис». При этом не лишне помнить и иметь в виду, что в Писании есть прямые и косвенные указания на то, что это событие может иметь и экологическую «форму» (16 Ис. 17-20; 9 Иер. 10-11; 39 Иез. 16-21; 4 Ос. 7).

Вряд ли есть необходимость убеждать читателя, что подобная схема, такой проект, данный прогноз «развития» ландшафтной оболочки, в основе которого, подчеркнём ещё раз, лежит её поляризация по негативному вектору экзистенциала, не могут быть ни рассмотрены ни изучены с позиций новоевропейской науки. Разумеется, не сработает здесь и методология нынешних географии, ландшафтоведения, даже если объект исследования «ландшафт» пролонгировать до состояния антиландшафта. А вот ландшафтоведение, онтологически расширенное до ландшафтоида и эпистемологически до ландшафтности⁴⁹, может дать результат. Какой? – Оставим этот вопрос будущим исследователям. Пока же, дабы не заканчивать наше повествование в совсем уже серых и свинцовых тонах, обратимся ещё раз к аналогии, к которой мы уже обращались – к медицинской.

Первая заповедь Гиппократы – «**не навреди!**». Странно, вроде бы на первом месте для врача должно стоять «вылечи». Но нет: сначала «не навреди». Это означает, что «проект вреда», вреда практически вполне возможного, изначально предусмотрен.

И при этом мы считаем профессию врача самой гуманной... В принципе, проект вреда есть в любой науке. Любая наука, в том числе и история, создает орудия убийства и порабощения человека человеком (история – идеологию, что частично «переходит» и на географию, принимая уродливые формы разномастных геополитик). Но все науки стараются стыдливо подальше от глаз людских спрятать свои чёрные делишки (или свалить их на головы военных и политиков). И только медицина, не стесняясь, ставит во главу своей *деонтологии* проект возможного вреда: «могу навредить», «смерть возможна». И от этого никуда не деться: такова природа медицинского дискурса. Любой врач стремится вылечить больного и в большинстве случаев это получается. Но иногда не получается. А может статься и так, что с самого начала понятно: болезнь неизлечима, смерть неизбежна. И нужно быть очень плохим врачом, чтобы испугаться такой ситуации, опустить руки, не облегчить последние дни умирающего. Здесь рационализм дискурса, что называется, лоб в лоб сталкивается с иррационализмом экзистенции. И если подобного столкновения не боятся медики, более того, считают постыдным избегать ответственности, прятаться от бессилия, пугаться взглянуть в глаза смерти – чужой смерти, – то почему в деонтологически схожей ситуации, формирующейся вокруг современного ландшафта, этого должны бояться географы? В конце концов, мужество – конечный пункт экзистенциализма. Мужество и стоицизм, а не отчаяние. И тем более, не маниловщина⁵⁰.

Выводы

Ландшафт. Главные выводы, которые на основании выше изложенного можно сделать относительно объекта природы и понятия «ландшафт», следующие:

— категория «ландшафт» является специфической, уникальной и неповторимой категорией культуры. Она не выводима ни из какой другой её категории, не сводима к другой и не имеет аналогов (понятия пейзажа и экосистемы могут рассматриваться как дериваты или аспекты категории «ландшафт» и не более);

— слово и понятие «ландшафт» с момента своего рождения (830 г.) обладало исключительно большой смысловой ёмкостью и потенциалом к разворачиванию и проявлению всё новых и новых оттенков смысла, нюансов, трактовок, которые в разных исторических ситуациях и контекстах осуществлялись на протяжении всей истории по сей день;

— рассматриваемый, с точки зрения науки, ландшафт, как объективная реальность Мироздания, и «ландшафт», как фундаментальное понятие научного дискурса, являются совершенно специфическими объектом и предметом исследования

науки географии. Методы изучения ландшафта также неповторимы. География, принимающая в качестве основополагающего объекта и предмета исследования ландшафт, и изучающая его с помощью своеобразных методов, выступает как единая фундаментальная наука – наука о ландшафте;

— своеобразие ландшафта, как базового объекта и предмета исследования, состоит в том, что а) категория «ландшафт» онтологически и эпистемологически паритетна с категорией «пространство» (обе можно вывести из категории «множество»); б) категория «ландшафт» формализуема и в то же время не формализуема (50 × 50), в ней методы любой дискурсивной формализации, характерные для естественных наук, достигают своего предела (это дает основания говорить о ландшафте, как о предельной модели); в) категория ландшафта имманентно визуализируема и визуализирующая, она обладает «прирожденной» способностью, как к дискурсивным, так и к образным репрезентациям; г) ландшафт органически включает в себя субъективность, как таковую, то есть онтологически он одновременно и объективен и субъективен.

Ландшафтность. Главные выводы относительно ландшафтности:

— к понятию ландшафтности целесообразно обращаться тогда, когда понятие «ландшафт» в нынешней ситуации Постмодерна раскрывается такими новыми оттенками и нюансами смыслов, которые противоречат или плохо стыкуются с теми, которые были свойственны ему на протяжении предыдущих веков и десятилетий, то есть не вкладываются в традиции понимания и трактовок «ландшафта». Вот некоторые из таких трактовок:

— ландшафтность характеризует и репрезентирует ландшафт как машину, функционирование которой и то, что образуется в результате этого функционирования, проявляют себя как одно целое;

— с помощью понятия ландшафтности, преодолевается «земная» размерность ландшафта, его мезомасштабность и, как следствие, принципы / методы ландшафтной интерпретации объективной реальности переносятся в области иных её размерностей («милли-», «микро-», «нано-», с одной стороны, и «макро-», «мега-», «гига-», – с другой);

— если «ландшафт», с дискурсивной точки зрения, является категорией предельной, то «ландшафтность» – запредельной; она дает возможность методически корректно анализировать те иррациональные понятия, факты и феномены, которые не поддаются дискурсивным операциям и репрезентациям, но объективно присутствуют в ландшафте;

— в частности, с помощью понятия ландшафтности можно осмысливать и описывать экзистенциальные ландшафтные

феномены бытия-к-смерти, которые в географической оболочке проявляют себя как поп-ландшафты, покемон-ландшафты, интерстициальные ландшафты, антиландшафты и ландшафтоиды;

— с единых (системных) ландшафтно-географических позиций, экзистенциально-негативные феномены географической оболочки совместно со всеми остальными её явлениями и проявлениями могут быть осмыслены и понятны только с привлечением понятия ландшафтности;

— в рамках категории «ландшафтность» методологически допустимо и методически корректно рассматривать частично и полностью деструктивные сценарии дальнейшей эволюции географической оболочки, что отрицает аксиологические принципы и психологические установки новоевропейской науки как таковой, а в более широком плане – онтологический режим натурализма, которым характеризуется «западная» культура в целом.

* * *

«Дополнение» категории «ландшафт» категорией «ландшафтность» даёт возможность с удвоенной силой и новой аргументацией поставить в географии вопрос, который в ней стоит с конца XIX в. – о **ландшафте, как специфическом объекте и предмете исследования географической науки**. Сей вопрос приобретает новое звучание, в частности, в связи с высказанным и обоснованным выше тезисом об онтологической и эпистемологической паритетности понятий «ландшафт» и «пространство», порождаемых как равно-положенные категорией множества. Проще: «ландшафт» не выводится из пространства, не связывается с ним генетически, не ставится в отношение зависимости от пространства, как некоего более «глубокого» и более «первичного» феномена природы, атрибута материи, философской категории и т.п. Все пространственные контексты, аспекты, интенции и аллюзии географии можно рассматривать как контексты, аспекты, интенции и аллюзии ландшафта. Можно и наоборот, что, собственно говоря, по преимуществу имело и имеет место в географии. Но ландшафтность раздвигает операциональные возможности нашей науки в сторону ландшафта. Именно операциональные. Методическая, методологическая, философско-методологическая и философская новь географической науки сегодня нарабатывается семимильными шагами. Но пришло время и для её активного практического применения (в астрофизике, например, а не только на поле деятельности старой хорошо знакомой «подружки» – экологии). В любом случае, и прямой долг учёного и самое большое удовольствие от занятия наукой – делать шаги в область незнаемого, пугающего, завораживающего, «за горизонт», говоря

словами Вернера Гейзенберга. Ландшафт и ландшафтность для географа – именно такая область.

Примечания

¹ Ландшафтоведам знакомы попытки К.И. Геренчука заменить в украинском научном лексиконе «ландшафт» *kraєвидом*, и П.П. Кавалаяускаса в литовском – *kraštovaizdis*'ом. Ничего не получилось. Сложнее обстоит дело в романских языках, где вместо «ландшафта» употребляется «пейзаж». Но и в них уже наблюдаются робкие попытки калькирования германского слова: «пейзаж» не поддается смысловому наполнению до уровня «ландшафта», потому и приходится заимствовать германизм.

² Забегая наперед, заметим, что примерно в это же десятилетие, если вести счёт с 1923 года, понятие ландшафта было использовано в молекулярной биологии и генетике. Современный российский специалист в области математического моделирования сложных биологических систем и биоинформатики М.С. Бурцев, говоря об использовании понятия «ландшафт» в этих областях, ссылается на работу С.Райта от 1932 года: Wright S. The roles of mutation, inbreeding, crossbreeding, and selection in evolution // In Proceedings of the Sixth International Congress on Genetics. 1932. P. 355-366. [6, с. 32].

³ Эта работа примечательна тем, что её автор С.А. Терепиций имеет профессиональную подготовку как в области педагогики, так и в области географии. То есть здесь мы имеем дело отнюдь не с дилетантским обращением к понятию ландшафта, что характерно для большинства негеографических работ, «жонглирующих» им.

⁴ Косвенно С.А. Терепиций подтверждает это и сам. В одном месте своей книги он приводит выдержки из работы некоей Х. Вайтбред, которая «обосновала» концепцию образовательного ландшафта на метафорах «водяные лилии» и «кибер-корова» [94, с. 76]. Не трудно понять, что с не меньшим успехом «образовательный ландшафт» можно «обосновать» с помощью таких, например, метафор, как «рдесты» и «кибер-коза» или «карась» и «кибер-злодея».

⁵ «Концепт одновременно абсолютен и относителен – относителен к своим собственным составляющим, к другим концептам, к плану, в котором он выделяется, к проблемам, которые призван разрешать, но абсолютен благодаря осуществляемой им конденсации, по месту, занимаемому им в плане, по условиям, которые он предписывает проблеме» [31, с. 33].

⁶ Обратим внимание на пп. 20-21, характеризующие философский концепт: «концепт не имеет пространственно-временных координат, но может быть представлен как территория».

⁷ В своё время это заметил Г.Д. Костинский: «Может подавляться пространство, тогда равновесие нарушается «в пользу» места. Возникающее в результате такого смещения понятие правильнее было бы именовать «ландшафтом»» [53, с. 29].

⁸ Понятие онтологического региона используется в феноменологии.

⁹ Её не следует путать с прикладными науками, которые суть не что иное, как производные от соответствующего фундаментального знания научно-технические и технико-технологические (τέχνη) области. Техника и технические науки производны от физики; технология и также технические науки – от химии; медицина, ветеринария и сельскохозяйственные (аграрные) науки – от биологии. С прикладными производными географии и истории сложнее. К техническим ветвям истории можно отнести все небиелогические науки, фигурантом которых является человек и которые направлены не только на объяснение, но и на конструирование каких-то исторических (в широком смысле) структур. Это науки экономические, педагогические, юридические, социологические, культурологические. Сюда же примыкают некоторые лженауки, известные как «политические», или просто банальная идеология. Что касается технических отраслей географии, то тут с идентификацией дело совсем плохо. В первом приближении к таковым можно отнести геологию и архитектуру / градостроительство. У многих это вызовет возражения, но вопрос, как минимум, нужно обсудить. Меньше дискуссий вызовут такие технические приложения как землеустройство и районная планировка, мелиорация, рекультивация (сегодня плюс ещё целый ряд «ре-»: ревалоризация, реновация, рекуперация и др.), ландшафтное планирование, ландшафтная архитектура и др. Они часто бытуют за пределами институционального географического дискурса, а будучи вовлечены в таковой, получают красивые ярлыки-эвфемизмы, не меняющие их сущности: «прикладная» или «конструктивная география». Особняком стоят геодезия и топография, в прошлом «сёстры» морской навигации, сегодня – ракетно-авиационной, а завтра – космической. При желании технические приложения географии можно увидеть и в таких областях научно-практической деятельности как «мониторинг», «географический прогноз», «военная география» и т.п.

¹⁰ Здесь следует помнить, что речь идет не об использовании в географических науках категорий химии, физики и математики, что вполне традиционно, оформлено в отдельные научные направления (геохимия ландшафта, геофизика ландшафта, математическая география) и даже – на уровне попыток – в парадигмы (например, «физический монизм» А.Ю. Ретеюма). Речь идет о прямо противоположном: об использовании в химии, физике

и математике ландшафтно-географических взглядов, подходов, категорий, особенно понятия ландшафта.

¹¹ Нам представляется, что более подходящим в данном случае понятием будет понятие *сложности*, разрабатываемое в философии постструктурализма [88]. По мнению М. Кастельса, сущностью сложностного мышления является своеобразная «игра правил»: они создаются и трансформируются по мере необходимости, а необходимость эта диктуется потребностью познания *разнообразия* [88]. Для нас это важно, особенно, когда ниже придется говорить о ландшафтном разнообразии в экзистенциально негативном контексте. Пока же ограничимся более простым («сциентистским») аспектом сложности – тем, что она чисто методически более удобна, нежели понятие сверхсложности. В последнем чётко не дается тот смысловой рубеж, который обозначен первой частью слова – «сверх». Когда начинается сверхсложность, особенно если её выражать количественно? Строгого методического ответа на этот вопрос нет, и всяк может маркировать «конец сложности» и «начало сверхсложности» по своему усмотрению, руководствуясь собственной интуицией. Понятие сложности в этом случае интуитивно и логически будет явно выигрывать: употребляя к обозначению сложности новое слово, мы тем самым сразу же подчеркиваем тот факт, что это не «простая сложность», пусть даже и очень большая, а некоторое новое качество сложности, порождаемое диалектически трансформацией в качество количества. Однако далее по тексту, дабы не перегружать текст непривычными терминами, мы будем всё-таки чаще пользоваться более привычным для сциентистского уха словом «сверхсложность», помня при этом, что оно в данном случае – синоним «сложности».

¹² Это больше характерно для германских и французских ландшафтоведческих школ. Например, К. Тролль определял ландшафт так: «Под географическим ландшафтом мы понимаем часть земной поверхности, которая по внешнему облику и взаимодействию своих проявлений и взаимосвязей, как внутренних, так и внешних, образует пространственное единство конкретного содержания и с ясно выраженными границами, за которыми данный географический ландшафт переходит в ландшафты иного рода» (цитата по [3, с. 12]). Французское ландшафтоведение, имеющее выраженный «пейзажный» характер, вообще в имманентной визуализируемости ландшафта видит само собой разумеющийся факт. Советские же ландшафтоведческие школы, опасавшиеся запрещенного в СССР «идеализма», наоборот, от физиономичности-визуализируемости ландшафта, как имманентных свойств ландшафта и его характеристических признаков, старались дистанцироваться. В постсоветском ландшафтоведении философские и методологические препятствия

для их надлежащей переоценки снялись, но привычка недооценивать визуализируемость и физиономичность ландшафта у большинства ландшафтоведов осталась.

¹³ Методически это не совсем метафора. Так называемая гуманитарная география, продолжая неоднократно критиковавшиеся «идеи» Е. Савы-Ковача (1960-е) [86], постоянно и упорно смешивает ландшафт, как объективную реальность, с тем, что мы об этой реальности думаем и воображаем; и затем именно такая смесь объявляется наиболее «правильным» ландшафтом. У некоторых исследователей этот приём граничит с обычным солипсизмом, а порою и переходит в него.

¹⁴ Аббревиатура от словосочетания «природно-территориальный комплекс», которую сторонники индивидуальной трактовки ландшафта используют как синоним для ландшафта в общем понимании.

¹⁵ Риттер в попытках «одомашнивания» географии не был первым. Традиция, «одомашнивания» – замыкания географической мысли рамками земных миров, восходит, по-видимому, к Геродоту и Страбону. А первое её теоретическое обоснование дал Б. Варениус – в своей концепции «земноводного круга». Хорологические взгляды И. Канта тоже стали важным теоретическим основанием географии, как науки о «доме человечества». Окончательно же она в таком виде оформилась в работах Ф. Рихтгофена. После них изучение Земли как «дома» стало пользоваться «всеобщим признанием» [34, с. 524]. Ясно, что «дом человечества» должен быть человекомирным, поэтому традиционный ландшафт всегда тяготел к Мидгарду, а его феноменологическое восприятие – к краю-виду.

¹⁶ В 1418 году в Португалии около города Лагуш и чуть позже в городе Сагриш принцем Энрике было основано первое географическое научно-исследовательское и научно-образовательное учреждение, включавшее навигационную школу, обсерваторию, библиотеку, картохранилище и даже «общежитие» для научного и научно-педагогического персонала. В статусном смысле, это был самый настоящий средневековый «географический исследовательский институт» [34, с. 106].

¹⁷ При этом В.Н. Солнцев незаслуженно обходит вниманием сильные (10^0) и слабые (10^{-14}) взаимодействия, забывая тот простой факт, что они принимают участие в ядерных реакциях, а последние обуславливают разогревание земных недр, что, в свою очередь, делает возможным проявление тектоники, которая самым непосредственным образом отражается в ландшафте.

¹⁸ Здесь уместно вспомнить, что в архаическом значении слово «landschaft» в германском просторечии имеет административно-территориальный, микро-геополитический, если можно так выразиться, смысл.

¹⁹ Книга «Тысяча плато» увидевшая свет на языке оригинала в 1980 году, позиционируется автором, как второй том «Капитализма и шизофрении», хотя она и «Антиэдип» (1972) являются двумя самостоятельными философскими произведениями.

²⁰ Одним из популярных выражений физической географии является словосочетание «термодинамическая машина»; чаще всего оно применяется в отношении метеопроцессов и климата.

²¹ Понятие круговорота – тоже обычно в физической географии: «круговорот воды», «биогеохимический круговорот», «круговорот вещества, энергии и информации» и т.п.

²² См. свойства концепта №№ 5, 10 и 11.

²³ Здесь есть одно «но»: а как быть, если бытие «имеет» мельчайшие неделимые? Вопрос, поставленный ещё мыслителями античности, окончательного ответа на сегодня не имеет. Есть разные варианты ответа на него – вплоть до того, что пространства и время на неких очень малых уровнях размерности квантируются и вместо стандартной непрерывности и мощности континуума являют нам дискретное скопище маленьких неделимых «кусочков». Географическое мышление и такую онтологическую ситуацию может повернуть себе на пользу, полгая что «кусочки» пространства и времени являются материализацией чистой геометрии, которую наш язык обозначает предлогом «между». Подробно этот вопрос был нами разобран ранее [100]. «Между», понимаемое, как мельчайшее неделимое (может быть, это и есть струны современной физики), можно интерпретировать как некую первичную географичность. В силу этой первичности и изначальности, на самом крохотном уровне организации материи ещё рано говорить о конституировании ландшафтности. Но далее, поднимаясь вверх по масштабу, мы на первой же «ступеньке», вступим в область работы ландшафтной машины, безотносительно к тому имеет здесь место субъективность наблюдателя, или нет.

²⁴ Нельзя сказать, что главной целью труда французских философов является разработка учения о ландшафтности. Нет. Во всяком случае, прямо и в явном виде такая задача не формулируется и не ставится. Да и понятие ландшафтности (пейзажэнтэ) фигурирует в «Тысяче плато» на небольшом количестве страниц. Но те идеи и мысли, которые высказывают Делёз и Гваттари в своей работе, хорошо адаптируются и продуктивно используются для разработки учения о ландшафтной машине и ландшафтности для «нужд» географической науки. Это тот случай, когда можно однозначно и уверенно сказать о философских основаниях научной методологии.

²⁵ Здесь уместно вспомнить о том, что вид, картина, изображение, гипостазлируемые и отождествляемые сегодня некоторыми ландшафтоведами [51] с ландшафтом, как таковым,

фактически отрывают его от телесности. Онтологически это некорректно, поскольку тело и видимость, как это показано Ж.-Л. Нанси [71], взаимообусловлены. Утверждение же о том, что вид – это вид тела, банально и в научном отношении методически бесплодно. Сия бесплодность проявляет себя, в частности, в том, что некоторые географы сегодня практикуют отрыв географический образ от его физического носителя (ландшафта как объективной реальности) и начинают манипулировать «висящим в воздухе» образом ландшафта (чаще всего – плодом индивидуальной фантазии), выходя за рамки собственно научного дискурса и одновременно пытаясь навязывать ему приёмы и способы мифопоэтического и художественного мышления.

²⁶ Приблизительные оценки – едва ли не основной приём «подсчёта» тех или иных элементов ландшафта, их свойств и характеристик. Оценка не подразумевает процедуры счёта, как таковой, она осуществляется как бы «окольными путями», с помощью тех или иных технических (главным образом, статистических) приёмов, методик, манипуляций с «цифровым материалом». Оценка может быть более точной или менее точной, но никогда – совершенно точной (со значением до единицы). По существу, она дает не конкретное число, выражающее количество элементов ландшафта, а некий интервал, в который это количество попадает (иногда, особенно в химико-аналитических характеристиках, он прямо указывается с помощью знаков « \pm » или « \div » и величин колебания значений). Первым, кто продемонстрировал виртуозное оценивание большого количества элементов ландшафта – песчинок на пляжах Сицилии и во всей Элладе, был Архимед [2].

²⁷ Все эти операции являются внешними по отношению к самому множеству. Они естественным образом подразумевают наличие некоего субъекта, «стороннего наблюдателя», который будет их осуществлять. Ясно, что это снова «провоцирует» строгое математическое мышление на обращение к существованию, то есть к экзистенции, хотя, может быть, и не в таком явном виде, как в случае невозможности пересчета очень больших множеств.

²⁸ Н.Л. Беручашвили выделяет 4 уровня обобщения элементных и типологических группировок геомасс: вид – род – тип – класс [4, с. 46-47]. Полагаем, этого недостаточно, но разработка детальной иерархии типологических совокупностей геомасс – это, в общем, вопрос технический.

²⁹ Вопрос об эвристической ценности здесь уместен. Теоретически осуществлять взаимопереходы в системе «элемент \leftrightarrow множество» (с привлечением или без привлечения понятия «класс»), можно без конца, и в некоторых вариантах теории множеств (например, включающих так называемую аксиому Гротендика) это проделывается. Но зачем? Что это дает для

познания реального мира? «Низшие» (реалистичные) варианты теории множеств запрещают множество всех множеств, «высшие» (свободные в полете фантазии) разрешают. Любые объединения без привлечения аксиомы выбора подразумевают наличие типологических признаков. На высоких уровнях типизации эти признаки будут настолько общими, что создаваемые на их основе теоретико-множественные конструкции начнут превращаться в этикие глобально-тотальные онтологические смеси и перестанут давать мало-мальски познавательно ценные эпистемологические схемы. Ценность же научного миропостижения, согласно [31], как раз и состоит в том, чтобы крайне общие по своим свойствам онтологические смеси разделять и разносить по «методам изучения» и, как раньше выражались, по «царствам природы».

³⁰ Читателю не географу напомним, что в ландшафтоведческой науке компонентами ландшафта или геокомпонентами традиционно считаются горные породы (литоконпонент), почва (педоконпонент), поверхностные и океанические воды (гидроконпонент), атмосферный воздух (атмоконпонент), растительность (фитоконпонент) и животные (зооконпонент). Последние два иногда объединяются в биоту или биоконпонент. Некоторые ландшафтоведы в качестве отдельного геокомпонента рассматривают подземные воды. Другие считают, что люди, а также их дома, машины и созданные ими артефакты тоже являются ландшафтными компонентами – биосоциальным и техногенным. Но это принимается не многими исследователями. Отдельно следовало бы рассматривать в качестве ландшафтного компонента вещество в состоянии холодной плазмы – огонь (пирокомпонент), но этот вопрос пока что даже не обсуждается.

³¹ Вообще в теории множеств просматривается некое подобие конфликта между типологическим подходом, который задает правила соединения элементов во множества уже на уровне феноменологической рефлексии, и аксиомой выбора, которая освобождает нас от поиска и соблюдения таких правил. Так Э. Шпеккер утверждает, что “в каждой модели теории типов <...> с полной типовой неопределенностью <...> аксиома выбора не верна” [109, с. 139], Н. Вавилов прямо говорит о несовместимости АВ с теорией типов [8, с. 53]. С эпистемологической точки зрения, это не совсем так. АВ не отрицает полностью типообразующие признаки, она только с огромной «методической скоростью» делает их очень общими. Если при типологическом подходе пошаговое увеличение объединяющей мощи типообразующих признаков приводит нас к эвристически малоценным теоретико-множественным моделям постепенно (см. сноску «29»), то в случае «грубого» применения АВ, такую модель можно получить после первого же акта объединения (это заметно на рис.5).

Эпистемологическое сходство между типологическим способом образования множеств (классов, универсумов) и их формированием с помощью аксиомы выбора состоит в том, что, в конечном счете, и так и так получающиеся модели, на сверхвысоких уровнях обобщения имеют малую эвристическую ценность.

³² Недоучет этого очевидного факта приводит к лексической и понятийной путанице, когда понятие «ландшафт» отождествляется с эвфемизмом «ландшафтный комплекс» и наоборот. Она, эта путаница, особенно распространена в современном украинском ландшафтоведении.

³³ Георг Гомейер называл ландшафтом «окружающую территорию или совокупность местностей, просматриваемую с ближайших командных высот – прежде всего гор и возвышенностей» (цитата по [3, с. 12]).

³⁴ В теории множеств ситуация, когда элементы одного множества отражаются на элементы другого через промежуточное, называется композицией.

³⁵ Впрочем, это не факт. Вопрос о существовании мельчайших неделимых не решен ни в физике, ни в философии. Может быть, он вообще не решаем. Автор придерживается точки зрения, что мельчайшие неделимые существуют. Но с равным основанием можно полагать, что их и нет.

³⁶ С созданием ЭВМ, в XX в. начались опыты по сочинению музыки, согласно строгим математическим правилам и алгоритмам. В 1960-х – 1970-х годах были даже сделаны попытки адаптировать теорию множеств для нужд музыкальной теории. Эти опыты представляли определенный интерес для слушателей – любителей электронной музыки и для профессиональных композиторов [52]. Но никаких выдающихся или мало-мальски известных музыкальных произведений ЭВМ не написали, а в современном стиле так называемого «техно», искусственная электронная музыка полностью деградировала, превратившись в образно и эмоционально мало что выражающие наборы, комбинации и последовательности звуков.

³⁷ Понятие человекомирности обосновано В.В. Кизимой, как одно из ведущих понятий постнеклассической философии [49]. Но в некоторых других интерпретациях оно звучит и как *человекомерность*. В любом случае для нас в данном случае наиболее важным является то, что речь идёт о взаимной соразмерности человека и окружающего его мира. Только «человекомирность» делает ударение на онтологическом моменте этой соразмерности, а «человекомерность» – на феноменологическом.

³⁸ Например, у М.Д. Гродзинского. Отрицая принадлежность человека с его домами и машинами к полно- и равноправным геокомпонентам, он сравнивает их с иголкой, попавшей в живой

организм [24, с. 227]. То есть ландшафт – «хороший», поскольку он – «организм», а человек и машина – «плохие», ибо попадая в ландшафт, «колют» его изнутри, «портят» его органы и ткани.

³⁹ Здесь уместно вспомнить, что первые попытки осмысления человеком его экзистенциальных проблем, опирающиеся на оценки им своих же деструктивных по отношению к ландшафту форм поведения, первое осознание неизбежности возмездия за проступки и преступления, совершаемые им в окружающей среде, описаны в древнейшем произведении художественной литературы – в «Эпосе о Гильгамеше». Гильгамеш и Энкиду нарушили правила поведения в ландшафте – убили неких «Быка» и «Хумбабу» и изрубил кедровый лес. За это боги рассердились на них, а Энкиду поплатился за свои проступки жизнью. Смерть друга Энкиду и осознание собственной вины повергли Гильгамеша в отчаяние и в глубокие размышления о смысле жизни и смерти.

⁴⁰ Для краткости так будем называть любой ландшафт из факторального ряда антропогенно-техногенно-изменённых и созданных человеком ландшафтов. Внимание! Не путать с антропогенным ландшафтом, как ступенью ряда. Типичными антропогенными ландшафтами – ступенями ряда являются агроландшафты и садово-парковые ландшафты.

⁴¹ Простой пример. Посмотрим на упаковку батареек и мини-аккумуляторов, производство которых огромно в связи с массовым запросом «информационного общества», использующего их в разного рода «гаджетах». На ней нарисован значок «в мусорник не бросать». Отслужив свой ресурс, батарейки и аккумуляторы превращаются в отход нового типа, который к традиционному отходу присовокуплять нельзя, так как он требует новых технологий переработки и утилизации. (При этом далеко не все потребители проявляют «экологическую сознательность» и выбрасывают отработавшие батарейки в специальные ёмкости). Вообще, электронный скрап – это отход нового типа, с которым ещё не до конца ясно, что делать. Более грозный пример – отработавшее ядерное топливо (ОЯТ). Это один из самых опасных, сложных и дорогих для переработки отходов, рожденный во второй пол. XX в. атомной энергетикой. В её экономической истории известен один любопытный факт. На первых порах (1960-е – 1970-е) развития атомной энергетики считалось, что атомная энергия – самая дешёвая и выгодная. Но в расчет её стоимости не были вложены расходы на сберегание и переработку ОЯТ, которые исключительно трудоёмки, дороги и опасны. И только по мере накопления ОЯТ на АЭС и в хранилищах, увеличения мощностей по переработке ОЯТ и / или его захоронению, в особенности же после 1986 года (Чернобыль), проблема экономической выгоды атомной энергетики с учетом стоимости утилизации ОЯТ встала в полный

рост. Сегодня аргумент дешевизны атомной энергии, успешно эксплуатировавшийся в 1960-х – 1970-х годах, не работает.

⁴² Конечно, лагерные ландшафты в виде лагерей смерти, или, например, ГУЛАГа, или сельхозкоммун «красных кхмеров» – это самые крайние, ничем не прикрытые и не замаскированные территории смерти, убийств, насилия и издевательств человека над человеком, наиболее известные в истории (по крайней мере, в истории XX в.). Тут, очевидно, не возникает никаких вопросов насчет того, относить или не относить их к категории антиландшафта. Сложнее обстоит дело с обычными лагерями и тюрьмами. Здесь мы видим определенный аксиологический камуфляж – их называют даже исправительно-трудовыми учреждениями: вроде бы организации, предназначенные для благого дела. Кроме того, общество каким-то образом должно защищать себя от криминальных элементов, и оно идет по пути их изоляции, которая, очевидно, должна где-то локализовываться. Однако эти «смягчающие» обстоятельство не меняют сути дела, и обычные лагерные ландшафты в любом случае являются экзистенциально негативными. Географ П.А. Кропоткин называл тюрьмы «университетами преступности», а наличие криминалитета в обществе – вина не столько самих тех людей, которые по тем или иным причинам вошли в него, сколько самого общества: это постулат и социологии и юриспруденции (если, конечно, не принимать в расчет откровенное биологизаторство а la Ломброзо). Дело не в том, относятся ли «гражданские» лагерные ландшафты к сонму ландшафтов абсурда, а в том, к какой ступени экзистенциально негативного факторально-динамического ряда их следует отнести? Может быть, это особая разновидность интерстициальных ландшафтов, может быть, что-то переходное между интерстициальным ландшафтом и антиландшафтом. Вопрос требует более глубокой проработки.

⁴³ То есть все города, или части городов, в которых разрабатывается и создаётся оружие массового уничтожения – не только ядерное, но и химическое и биологическое. Арзамас-16 / Саров – лишь пример, изученный В.Л. Каганским. Все наблюдения и выводы, сделанные им на «материале» этого города, будут с теми или иными нюансами справедливы и для остальных городов подобного рода. В частности, можно упомянуть об американском Лос-Аламосе, с которым в 1990-е годы Арзамас-16 / Саров даже установил отношения побратимства.

⁴⁴ В работе А. Жиру, исследовавшего состояние педагогического и образовательного процесса в США, насчитываем 28 отрицательных культурологических коннотаций образовательного и воспитательного процесса в этой стране: «культура безответственности», «культура войны», «культура жадности», «жестокости», «зомби-культура», «культура зрительства»,

«излишества», «клеветы», «коррупции», «криминогенная культура», «культура лжи», «милитаризации», «обмана», «порочности», «преступления», «преступности», «репрессий», «садизма», «смерти», «страдания», «страха», «тупости», «тюрьмы», «цирково-трюковая культура», «хищная культура», «экранная культура», «культура эксплуатации» [36]. Положительной – ни одной! Теперь перенесем все эти «категории» на «образовательный ландшафт» Терепищего (см. выше) и получим вполне законченный «образовательный ландшафтоид».

⁴⁵ Мы говорим «негативная», так как в этологии различают и позитивные формы агрессивности. Например, агрессивность родителей в случае, если их потомству угрожает опасность. Пищедобывательное поведение хищников не считается формой агрессивности.

⁴⁶ Исторически наиболее масштабное и самое, пожалуй, наглядное столкновение культур с разными онтологическими режимами произошло на Американском континенте. Причем результаты этого столкновения принципиально отличались. Испанские и португальские завоевания территорий южнее Рио-Гранде принесли местному населению неисчислимые страдания. Но романско-католический дискурс оставлял индейцам надежду и выход: креститься, превратившись тем самым из «животных» в «людей», и в последствие пользоваться правами людей. Пусть едва, пусть с трудом, пусть недостаточно – но пользоваться; в частности, быть под охраной европейского закона. Так и произошло. В итоге всемирная культура стала богаче на ещё одну великую культуру – латиноамериканскую. В ней сплелись преимущественно анимистские и тотемистские, иногда аналоговые (инки, ацтеки) культуры индейцев с натуралистской романо-иберийской культурой испанцев и португальцев. Совсем по иному дела пошли к северу от Рио-Гранде. Протестантско-англосаксонский дискурс отказывал индейцам в праве на крещение: им было суждено оставаться «животными». А на животных не распространялись ни нормы христианской морали (в т.ч. «не убий!»), ни сила европейского закона. В результате жизни около 40-ка млн. североамериканских индейцев были положены на жертвенный алтарь «прогресса» и «демократии» в «самой свободной стране мира». И никакого сплава пришлой культуры с автохтонной! Хотя США, как никакая другая страна в мире, позиционирует себя «котлом», где переплавляются и сплавляются разные культуры.

⁴⁷ В 1985 году основоположник так называемой конструктивной географии акад. И.П. Герасимов писал: «Оптимизм, вера в силу науки и разум человека глубоко отличает современные конструктивно-географические экологические подходы в нашей науке от пессимистических тенденций сторонников алармистско-экологи-

ческого подхода в зарубежной географии» [16, с. 43]. До Чернобыля и «взрыва» советского алармизма – одновременно со взрывом реактора – оставался год. В то же время, в изданной в том же году в СССР книге одного из наиболее известных общественно-экологических деятелей Запада 1970-х – начала 1980-х гг. Аурелио Печчеи (президента широко известной на то время эколого-футурологической организации – Римского клуба) говорилось: “Эти воспоминания заставляют меня ещё больше верить в человека, и от этого растёт моя убежденность, что стоит дать ему развить и развернуть всё лучшее, что в нем заложено <...> постепенно исчезнет зло и многие беды” [77, с. 225]. Не трудно видеть, что идеологических оппонентов – марксиста и буржуазного либерала – объединяла позитивистская вера в человека. Здесь же будет уместным указать на то, что ученый, которого, может быть, можно было бы «обвинить» в наиболее крепкой вере в человеческий разум с прицелом на «светлое экологическое будущее», – Владимир Иванович Вернадский, несколькими десятилетиями ранее всячески старался дистанцироваться от веры в своё детище – *ноосферу*. Понимая философскую и методологическую, а также практическую, опасность привлечения в научный дискурс веры, он подчёркивал: “Для меня ноосфера – не фикция, не создание веры – а эмпирическое обобщение” [11, с. 53].

⁴⁸ Читая работы апологетов «устойчивого развития», легко заметить и момент политики, за которым, как правило, стремление к материальной выгоде – как можно более широкому доступу к государственному, корпоративному или частному финансированию разного рода экспертов, советников, консультантов, руководителей проектов, научных коллективов и пр. Большинство их деклараций напоминает банальный агитпроп и носит явно конъюнктурный характер, является таким ландшафтным и экологическим приложением к идеологемам либерализма и неолиберализма.

⁴⁹ В контексте *ландшафтной эсхатологии* дня сегодняшнего и особенно завтрашнего, напрашивается одна любопытная историко-эпистемологическая параллель. Понятие ландшафта, как мы помним, родилось в империи франков во время Каролингского Возрождения. Несмотря на то, что та эпоха получила столь звучное название – «возрождение» – ментально-исторически она существенно отличалась от «настоящего» Возрождения, которое наступило в Европе через 5-6 веков. Одной из самых характерных ментальных черт времени Каролингского Возрождения было эсхатологическое сознание. Известный историк, ведущий российский специалист по времени Каролингов А.И. Сидоров так характеризует интеллектуальную и общественно-политическую атмосферу того периода: “Природа каролингских анналов была <...> глубоко эсхатологичной. Эти тексты свидетельствовали о неуклонном нарастании страха, связанного с приближением конца

времени" [90, с. 31], и далее: "Каролинги <...> позиционировали собственную власть в эсхатологической перспективе. <...> Это вполне соответствовало массовым общественным настроениям" [90, с. 108]. Понятие ландшафтности, судя по тем оценкам общественного сознания, которые даются в философии конца XX – начала XXI в. (например, Э.-М. Чораном) и в миросистемном анализе (тем же Валлерстайном), также рождается в ментально-исторических условиях, близких к эсхатологическим. Случайно или нет, но эсхатология, получается, служит своеобразным историческим катализатором развития ландшафтно-географической мысли.

⁵⁰ В данном случае упоминание о маниловщине – не только художественная фигура речи, использованная автором для «нагнетания» экспрессии в конце повествования. Позиция гоголевского Манилова не так смешна и гротескна, как кажется на первый взгляд. Она крайне опасна. Особенно в пограничной ситуации, в которую, если не вошел, то стремительно движется современный ландшафт (а вместе с ним и его злосчастный биосоциальный компонент). Это – расслабляющая позиция самоуспокоения, выдачи желаемого за действительное, страуса, прячущего голову в песок или даже молча потворствующего процессам разрушения. Очевидно, подобная позиция в экстремальной ситуации, в положении хаоса, в точке бифуркации закономерно ведет к гибели, во всяком случае, лишает человека (в том числе и ученого) **воли к сопротивлению**. Д. Харвей в своё время назвал её контрреволюционной (в духе радикальной географии 1960-х – 1970-х). Он писал: "Контрреволюционная теория – теория, которая может казаться, а может и не казаться укорененной в описываемой ею реальности, которая эту реальность затуманивает, растушёвывает и в целом сбивает нас с толку (непреднамеренно или в результате продуманного плана), когда мы пытаемся понять реальность. Такая теория обычно выглядит заманчиво и пользуется успехом благодаря логической связанности, лёгкости манипулирования ею, эстетической привлекательности или просто потому, что это что-то новое и модное; но она весьма далека от реальности, которую она хочет представить. Контрреволюционная теория автоматически блокирует разработку или внедрение жизнеспособной политики. Поэтому она становится идеальным инструментом политики неприятия решений, отвлекая внимание от фундаментальных вопросов и направляя его на высосанные из пальца или вообще не существующие проблемы. Она также может выступать в качестве сомнительного обоснования или легитимации контрреволюционных действий, предпринимаемых, чтобы сдерживать остро необходимые изменения" [107, с. 189-190]. Чтобы убедиться в глубокой контрреволюционности «концепции» так

называемого устойчивого развития, достаточно задаться одним, всего лишь одним и притом крайне простым вопросом: как возможна устойчивость развития в условиях перманентного классового насилия, классового антагонизма и классовой ненависти? Даже если эти понятия классического марксизма и не рефлексировались повседневным и политическим сознанием, в том числе и совестью учёного...

Список литературы и электронных источников

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика / пер. с нем. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Архимед. Псаммит. В кн. Архимед: Соч. М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит., 1962. С. 358-367.
3. Бауэр Л., Вайничке Х. Забота о ландшафте и охрана природы / пер. с нем. М.: Прогресс, 1971. 264 с.
4. Беручашвили Н.Л. Геофизика ландшафт. М.: Высш. шк., 1990. 287 с.
5. Беручашвили Н.Л. Четыре измерения ландшафта. М: Мысль, 1986. 182 с.
6. Бурцев М.С. Исследование новых типов самоорганизации и возникновения поведенческих стратегий. Дис. ... канд. физ.-мат. наук. – 05.013.08. Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ / Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН. М., 2005. 120 с.
7. Бяллович Ю.П. Системы биогеоценозов. В кн. Проблемы биогеоценологии: Сб. М.: Наука, 1973, С. 37-47.
8. Вавилов Н. Не совсем наивная теория множеств. URL: <http://patryshev.com/books/set-int.pdf>
9. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
10. Веденин Ю.А. Мой путь в географию искусства // География искусства: междисциплинарное поле исследований. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 13-28.
11. Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943. М.: РОССПЭН, 2010. 542 с.
12. Визгин В.П. Идея множественности миров: Очерки истории. М.: Наука, 1988. 296 с.
13. Виленкин А. Мир многих миров: Физика в поисках параллельных вселенных / пер. с англ. М.: АСТ, Астрель, Corpus, 2010. 303 с.
14. Вopenка П. Математика в альтернативной теории множеств / пер. с англ. М.: Мир, 1983. 152 с.
15. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ

праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. Т. 1-2. 1341 с.

16. Герасимов И.П. Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира. М.: Наука, 1985. 248 с.

17. Геттнер А. География. Её история, сущность и метод / пер. с нем. Л. – М.: Гос. изд-во, 1930. 420 с.

18. Гильберт В. О магните, магнитных телах и о большом магните – Земле: Новая физиология, доказанная множеством аргументов и опытов / пер. с лат. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 412 с.

19. Глазовская М.А. Геохимия природных и техногенных ландшафтов СССР. М.: Высш. шк., 1988. 328 с.

20. Гомология и гомотопия географических систем / А.К. Черкашин, Е.А. Истомина, И.Н. Владимиров, А.В. Мядзелец, С.И. Мясникова, С.В. Солодянкина, И.Е. Трофимова, А.А. Фролов. Новосибирск: Гео, 2009. 352 с.

21. Грин Б. Скрытая реальность. Параллельные миры и глубинные законы космоса / пер. с англ. М.: Либроком, 2013. 400 с.

22. Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги. В кн. Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. Волгоград: Изд-во «Учитель», 2006. С. 85-163

23. Гродзинський М.Д. Ландшафтна екологія. К.: Знання, 2014. 550 с.

24. Гродзинський М.Д. Пізнання ландшафту: місце і простір. К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2005. Т.1. 432 с.

25. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение / пер. с англ. М.: Мир, 1992. 670 с.

26. Гусев Ю.П. «Культурный ландшафт» XX в.: «Без судьбы» Имре Кертеса. В кн. Ландшафты культуры. Славянский мир: Сб. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 176-188.

27. Дегтярёв В. Прошлое как область творчества. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 224 с.

28. Дегтярёв П.Я. Экономический ландшафт: дефиниция и подходы к исследованию // Исследования территориальных систем: Материалы Всерос. науч. конф. с международным участием 4-6 октября 2012 г. Киров, 2012. С. 13-15.

29. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. М.: Издательский центр «Академия», 1995. 300 с.

30. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

31. Делёз Ж. Гваттари Ф. Что такое философия / пер. с фр. М.: Институту экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

32. Дельоз Ж., Гваттари Ф. Капіталізм і шизофренія: Анти-Едип / пер. з фр. К.: КАРМЕ-СІНТО, 1996. 384 с.

33. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
34. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры: История географических идей / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
35. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 622 с.
36. Жиру А.А. Зомби-политика и культура в эпоху казино-капитализма / пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр» / Вовк Ю.С., 2015. 284 с.
37. Забелин И.М. Астрогеография (её предмет и задачи). М.: Географиз, 1958. 64 с.
38. Забелин И.М. Возвращение к потомкам: Роман-исследование жизни и творчества Александра Гумбольдта. М.: Мысль, 1988. 331 с.
39. Зайцев И.Ф. Структурные уровни экономико-географической системы // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1972. №2. С. 68-78.
40. Замятин Д.Н. Ландшафт и бытие // Гуманитарная география. М.: Институт наследия. 2006. Вып. 4. С. 362-379.
41. Замятин Д.Н. Пространство и искусство: онтологические модели воображения. В кн. География искусства: междисциплинарное поле исследования: Сб. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 31-41.
42. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
43. Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. №1. С. 134-145. №2. С. 160-169.]
44. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
45. Кантор Г. Труды по теории множеств / пер. с нем. М.: Наука, 1985. 430 с.
46. Кизима В.В. Ландшафт – это все // Феномен ландшафту: частини – ціле – все. Філософія і географія: Проблеми постнекласичних методологій: Тез. доп. міжнарод. наук.-методол. конф. К., 2004. С. 6-13.
47. Кизима В.В. Ландшафтная сущность Бога или «божественная» природа ландшафта? // Totallogy. Вип. 10. К.: ЦГО НАН України, 2003. С. 8-53.
48. Кизима В.В. Постнеклассические практики: дивергенция и исток. В кн. Постнеклассические практики: определение предметных областей: Сб. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 42-52.
49. Кизима В.В. Человекомирная тотальность. Постнеклассический манифест. К.: ЦГО НАНУ, 1993 34 с.
50. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. М.: ООО «Добрая книга», 2003. 624 с.

51. Ковалёв А. П. Ландшафт сам по себе и для человека. Х.: Бурун Книга, 2009. 928 с.
52. Когоутек Ц. Техника композиции в музыке XX века. М.: Изд-во «Музыка», 1976. 358 с.
53. Костинский Г.Д. Географическая матрица пространственности // Изв. РАН. Сер. геогр. 1997. № 5. С. 16-31.
54. Котов А.А. Экономический ландшафт полосы Северной железной дороги от станции Москва до станции Пушкино. М., 1923. 68 с.
55. Кофман А. Введение в теорию нечётких множеств / пер. с фр. М.: Радио и связь, 1982. 432 с.
56. Коэн П. Дж. Теория множеств и континуум-гипотеза / пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 344 с.
57. Крауклис А. Проблемы экспериментального ландшафтоведения. Новосибирск: Наука, 1979. 233 с.
58. Крупянский Ю.Ф., Гольдманский В.И. Динамические свойства и энергетический ландшафт простых глобулярных белков // Успехи физических наук. 2002. Т. 172, № 11. С. 1247-1269.
59. Кудряшев А.Ф. Бесконечность в себе. В кн. Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты: Сб. М.: Янус-К, 1997. С. 265-269.
60. Кукурудза С.І. Метризація природного середовища як актуальна природничо-географічна проблема // УГЖ. 2013. №3. С. 16-20.
61. Куратовский К., Мостовский А. Теория множеств / пер. с англ. М.: Мир, 1970. 416 с.
62. Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма: Сб. М.: Современник, 1990. 623 с.
63. Лёш А. Географическое размещение хозяйства / пер. с нем. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 455 с.
64. Лісовський С.А., Марушевський Г.Б., Павличенко П.Г., Руденко Л.Г., Тимочко Т.В. Ріо +20 – «Майбутнє, якого ми хочемо»: Особливості реалізації парадигми сталого (збалансованого) розвитку в Україні // УГЖ. 2012, № 3. С.3-10.
65. Лосев А.Ф. Дialeктические основы математики. М.: Academia, 2013. 800 с.
66. Любарский Г.Ю. Объективация категории таксономического ранга // Журн. общ. биологии. 1991. Т. 52. №3. С. 319-333.
67. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.
68. Мильков Ф.Н. Общее землеведение. М.: Высш. шк., 1990. 336 с.
69. Мукитанов Н.К. От Страбона до наших дней (Эволюция географических представлений и идей). М.: Мысль, 1985. 237 с.
70. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / пер. с фр. Мн.: Логвинов, 2004. 272 с.

71. Нанси Ж.-Л. *Corpus* / пер. с фр. М.: Ad Marginem, 1999. 256 с.
72. Науменко С.А. Динамика однолокусного мультиаллельного адаптивного ландшафта в молекулярной эволюции белок-кодирующих последовательностей ДНК. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. 03.01.09. – Математическая биология, биоинформатика / Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН. М., 2014. 97 с.
73. Нееф Э. Теоретические основы ландшафтоведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1974. 218 с.
74. Оже М. Не-места: Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
75. Панов А.Д. Природа математики, космология, и структура реальности: физические основания математики. В кн. *Метавселенная, пространство, время*: Сб. М.: ИФРАН, 2013. С. 74-103.
76. Пащенко В.М. Теоретические проблемы ландшафтоведения. Киев: Наук. думка, 1993. 284 с.
77. Печчеи А. Человеческие качества / пер. с англ. 2-е изд. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
78. Подорога В. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX – XX веков; 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2013. 552 с.
79. Преображенский В.С. Бытийный географизм и географическая наука // Изв. РАН. Сер. геогр. 1993. №3. С. 40-54.
80. Преображенский В.С. Поиск в географии: Кн. Для учителя. М.: Просвещение, 1986. 224 с.
81. Преображенский В.С. Феномен географии (раздумья географа) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1979. №4. С. 20-27.
82. Проекты и мероприятия в области патентов и здравоохранения в ВОИС, ВОЗ и ВТО. Перечень документов: На сайте <http://www.wipo.int>
83. Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; 2007. 264 с.
84. Ретеюм А.Ю. Земные Миры. М.: Мысль, 1988. 269 с.
85. Родоман Б.Б. Основные процессы пространственной дифференциации // Вест. МГУ. Сер. геогр.. 1970. № 5. С. 22-23.
86. Сава-Ковач Е. Современное состояние ландшафтной теории и её основные философские проблемы // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1966. № 2. С. 103-111.
87. Сасскинд Л. Космический ландшафт. Теория струн и иллюзия разумного замысла Вселенной / пер. с англ. СПб.: Питер, 2015. 448 с.
88. Свирский Я. На пути к «сложностному» мышлению: Послесловие переводчика. В кн. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895. С. 872-889.

89. Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989. 318 с.
90. Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII – X века. СПб.: Наука, 2018. 223 с.
91. Смирнов Н.А. Композиция геокультур Арктики: новые основания геокультурного анализа. В кн. Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования: Сб. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. С. 38-80.
92. Солнцев В.Н. О гравитационной парадигме ландшафтоведения. В кн. Ландшафтный сборник (Развитие идей Н.А. Солнцева в современном ландшафтоведении). М. – Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 155-169.
93. Солнцев В.Н. Системная организация ландшафтов: (Проблемы методологии и теории). М.: Мысль, 1981. 239 с.
94. Терепиций С.О. Сучасні освітні ландшафти. К.: Фенікс, 2016. 309 с.
95. Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь: L (laidis – *lut- & *mod-). М.: Наука, 1990. Т.5. 424 с.
96. Тютюнник Ю.Г. К истокам ландшафтного мышления // Изв. РАН. Сер. геогр. 2006. № 1. С. 134-142.
97. Тютюнник Ю.Г. Ландшафт: этимология, герменевтика, экзегетика // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження. К., 2003. Вип. 10. С. 54-71.
98. Тютюнник Ю.Г. Проблемные вопросы теории культурного ландшафта // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 4. С. 36-47.
99. Тютюнник Ю.Г. Тоталлогия ландшафта. К.: ЦГО НАН Украины, 2002. 122 с.
100. Тютюнник Ю.Г. Философия географии. К.: Університет «Україна», 2011. 204 с.
101. Федотова О.Б. Четыре элемента Эмпедокла: текстологический анализ фрагментов // ВІЕТ. 2005. №2. С. 19-65.
102. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. и нем. М.: **Прогресс**, 1986. 542 с.
103. Фейерабенд П. Прощай, разум / пер. с англ. М.: АСТ «Астрель», 2010. 476 с.
104. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. 2-е изд. СПб: Наука, 2002. 452 с.
105. Хайдеггер М. Европейский нигилизм. В кн.: Проблема человека в западной философии: Сб. / переводы. М. Прогресс, 1988. С. 261-313.
106. Харарі Ю.Н. 21 урок для 21-го століття / пер. с англ. К.: Book Chef, 2018. 416 с.
107. Харви Д. Социальная справедливость и город / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.

108. Хорошев А.В. Полимасштабная организация географического ландшафта. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 416 с.
109. Шпеккер Э. Типовая неопределенность. В кн. Математическая логика и её применения: Сб. / пер. с англ. М.: Мир, 1965. С. 135-143.
110. Яу Ш., Надис С. Теория струн и скрытые измерения Вселенной / пер. с англ. СПб.: Изд. дом «Питер», 2012. 400 с.
111. Яценко И. В. Парадоксы теории множеств. М.: МЦНМО, 2002. 40 с.
112. Deleuze G, Guattari F. Mil Mesetas: Capitalismo y esquizofrenia / Traducción de José Vázquez Pérez. Valencia: Paterna: Ed. PRE-TEXTOS, 2004. 528 p. Free access: <http://www.eric-reyes.com/assets/deleuze001.pdf>
113. Deleuze G, Guattari F. Mil platôs. Capitalismo e esquizofrenia. Vol. 3. / Tradução Aurélio Guerra Neto, Ana Lúcia de Oliveira, Lúcia Cláudia Leão e Suely Rolnik. São Paulo: Editora 34, 1996. 110 p. Free access: <http://ghiraldelli.pro.br/wp-content/uploads/Gilles-Deleuze-Mil-Platôs-Vol.-3.pdf>
114. Deleuze G., Guattari F. Mille piani. Capitalismo e schizofrenia / Traduzione di Giorgio Passerone. Roma: Ed. Cooper & Caste vecchi, 2003. 719 p. Free access: [http://dlx.bookzz.org/genesis/1046000/eabf8dbb0f79c5449ff97b90f8936faf/_as/Gilles_Deleuze,_Félix_Guattari;_introduzione_di\(BookZZ.org\).pdf](http://dlx.bookzz.org/genesis/1046000/eabf8dbb0f79c5449ff97b90f8936faf/_as/Gilles_Deleuze,_Félix_Guattari;_introduzione_di(BookZZ.org).pdf)
115. Deleuze G, Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia / Translation by Brian Massumi. Minneapolis, London: Ed. University of Minnesota Press, 1987. 629 p. Free access: <http://projectlamar.com/media/A-Thousand-Plateaus.pdf>
116. Deleuze G., Guattari F. Tausend Plateaus. Kapitalismus und Schizophrenie. Berlin: Merve Verlag, 1992. 716 s.
117. George S. Informe Lugano / Traducción del ingles. Barcelona: Ed. «Icaria editorial». 2001. 256 p.
118. Lévesque L. Invention d'une paysagéité de l'interstitiel. Contribution du discours architectural contemporain: le parcours de Peter D. Eisenman (1963-1988). Montréal: Université de Montréal, 2007. 389 p. Free access: https://papyrus.bib.umontreal.ca/xmlui/bitstream/handle/1866/6544/Levesque_Luc_2008_these.pdf?sequence=1
119. Ronai M. Paysages // Hérodote. 1976. No 7. P. 125-159. Режим свободного доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5621035h/f10.item.r=herodote.langFR.zoom,c.132-133>
120. Thrasher F. The Gang: A study of 1313 gangs in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 388 p